

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
 • АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
 • ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Денкевич. Слово к читателю	3
А. Шевцов. В память об Отчизне	4
ИСТОРИЯ	
А. Вишневская. История Вершины, или Как поляки оказались в Сибири	5
Н.Г. Галеткина. Вершина: возникновение и начальный этап истории польского сибирского села	14
В.М. Фигура. Польское культурное общество «Висла» в Вершине	27
Ю.Р. Шайхразиева. Мои корни	36
Б.С. Шостакович. Съёмки первого фильма о селе Вершина польскими кинодокументалистами	44
Я.П. Трык. Мои встречи с Вершиной	49
И. Павлусь. Путь в Вершину и путь Вершины	55
ЭТНОГРАФИЯ	
К. Томчик. Прошлое и настоящее подкраковских деревень Чубровице и Рацлавице	75
Л.В. Вижентас. Польские традиции всё еще живы	91
ФИЛОЛОГИЯ	
С.Б. Митренга. Польский язык в Вершине	102
ВОСПОМИНАНИЯ	
Ф.П. Янашек. О жизни	108
А.П. Соя. Мама	120
МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
В.В. Тихонов. О музеефикации традиционной культуры польских переселенцев Предбайкалья	126
ВЫСТАВКИ	
И.И. Терновая. Поляки в Иркутске	132
КОНФЕРЕНЦИИ	136
НОВЫЕ КНИГИ	139
НА ДОСУГЕ	
Блюда польской кухни в Вершине	140

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952) 177–034

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редакторы-составители номера: Ю.П. Лыхин, Н.Г. Галеткина

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Н.М. Вахтина

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952) 54-61-80, факс (8–3952) 54-61-77, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — Костел Св. Станислава в селе Вершина, Боханский район Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.

С. 2 — Костел в селе Вершина. Фото П. Трыка, 2000 г.
— Интерьер костела в селе Вершина. Фото П. Трыка, 2000 г.

С. 3 — Село Вершина. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.
— Деревня Рацлавице, Малопольское воеводство, Польша. Фото А. Храбя, 2004 г.

С. 4 — Приходской костел в Рацлавицах. Фото А. Храбя, 2004 г.

Подписано в печать 12.12.05. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,87. Уч.-изд. л. 7,88. Тираж 1000 экз. Заказ № 5611. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 203-144, 255-970, 999-003.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

*Эдвард Денкевич,
советник, руководитель
Генерального консульства
Республики Польша в Иркутске*

С большим удовольствием Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске приветствует новый номер журнала «Тальцы», посвященный польскому селу Вершина, расположенному в 130 километрах от Иркутска. Это уже второй номер журнала, все страницы которого содержат материалы о польской культуре в Сибири. Один из предыдущих журналов «Тальцы», № 4 (23) 2004 года, был посвящен уникальной этнической группе так называемых голендров, которые проживают в трех деревнях Иркутской области под названиями: Пихтинск, Средний Пихтинск и Дагник. Жители этих деревень до сегодняшнего дня бережно сохраняют польскую культуру, польские традиции и обычаи, в том числе и в деревенской архитектуре. Благодаря деятельности Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», планирующего создать на территории Пихтинска свой филиал, появляется возможность сохранения существующих здесь памятников архитектуры и этнографических предметов.

Село Вершина отличается от деревень голендров, несмотря на то, что все они возникли в результате аграрной реформы Петра Столыпина. Предки сегодняшних жителей Вершины не являлись людьми, занимавшимися сельским хозяйством. В основном это были рабочие и шахтеры, не обладавшие навыками деревенского строительства. Именно это сыграло важную роль в том, что при строительстве своего села они использовали формы сибирской архитектуры. Голендры же являются сельской общностью, переселившейся в Сибирь со знанием архитектурного строительства, характерного для тех районов Польши, которые они ранее населяли. Село Вершина и деревни голендров — яркий пример многообразия культуры Сибири.

Чрезвычайно важную роль в выполнении функции сохранения культуры региона как элемента мировой культуры играет музей «Тальцы». Этот уникальный музей — один из немногих музеев под открытым небом в России. Объектом заботы и внимания музея являются не только архитектурные элементы, но и живые культурно-этнографические объекты. Направление, выбранное музеем, совпадает с мировыми тенденциями. Музеи под открытым небом становятся все более популярными в мире. Например, на территории сравнительно небольшой Скандинавии их находится свыше тысячи. Они создают систему сохранения мирового культурного пространства, что является особенно важным в период мировой интеграции и глобализации.

Генеральное консульство Республики Польша в Иркутске благодарит коллектив музея «Тальцы» и его директора Владимира Викторовича Тихонова за внимание и интерес к объектам польской культуры, за сохранение памяти о вкладе польской культуры в развитие Сибири. Одним из ярких примеров этого является данный номер журнала «Тальцы».

В ПАМЯТЬ ОБ ОТЧИЗНЕ

*Отец Анджей Шевцев,
генеральный викарий епархии
Св. Иосифа в Иркутске*

Выражение РОДИНА связано с понятием и присутствием отца. Отчизна — это то же самое, что отцовство, подразумевает все то добро, которое мы получили в дет-стве от отца. Это означает то же самое, когда многократно повторяется выражение РОДИНА-МАТЬ. Из своего собственного опыта знаем, в какой степени заповедь духовного родства исполняется посредством матери. Более того, Отчизна и есть то родство, одновременно это есть и то, что следует из этого родства, — состояние обладания, сюда входят земля, территория, а еще в большей степени — духовные ценности, которые составляют культуру данного народа.

Так о своей любимой Отчизне писал один из самых выдающихся сынов Божий слуга Иоанн Павел II. В этих словах имеется глубокое противоречие между тем, что есть духовное и что — материальное, между культурой и землей. Как же прекрасно подходят эти слова для описания известного польского села Вершина! Именно здесь по-особому можно почувствовать духовное родство, выражающееся в том, чем жили и что привезли с собой прародители. Без сомнения, самым прекрасным знаком является костел Св. Станислава, который также является покровителем Краковской архиепархии. Эта память о своих корнях свидетельствует об идентичности сегодняшних поляков Вершины. Эта богатая духовность выражается через верность традициям и позволяет почувствовать себя в Отчизне на территории этого села. Такому ощущению способствуют доброта людей, которые постоянно скучают о вере, а также неустанная память о тех, кто хранил эти идеалы и даже отдал за них свою жизнь.

Примите, любимые братья и сестры, благодарность за добро, оказанное земле, на которой живете, за сохранение традиций и за веру, которая позволяла вашим предкам, позволяет и вам уважать другого человека и жить идеалами, которые завещали вам ваши самые близкие люди. Храните добро и умножайте его, чтобы люди видели ваши добрые дела и прославляли Бога, который дает вам силу духа, чтобы оставаться человеком и исполнять его заповеди.

ИСТОРИЯ ВЕРШИНЫ, ИЛИ КАК ПОЛЯКИ ОКАЗАЛИСЬ В СИБИРИ*

*Агата Вишневская,
историк,
г. Варшава, Польша*

Услышав польское приветствие «Дзень добры», а не «Здравствуйте», задаю себе вопрос, действительно ли я нахожусь в Сибири, в 130 километрах на северо-запад от Иркутска, на российской земле? И до момента моего появления здесь все говорили именно так. Так кто же эти люди?

В 1996 году, когда я первый раз посетила Вершину, проезд сюда не был мною запланирован — организаторы туристического маршрута на Байкал приготовили для нас несколько сюрпризов. Одним из них было посещение какого-то села.

Внешне это село не очень-то отличается от многих тысяч других, разбросанных как по европейской, так и по азиатской части России. Но уже после нескольких минут пребывания среди жителей Вершины поляк чувствует себя почти как в Польше. Почему? Благодаря этому «дзень добры». Однако знание вершининцами польского языка на этом не заканчивается. Потомки польских экономических эмигрантов первой четверти XX века в большой степени сохранили язык отцов, и, несмотря на многочисленные русицизмы, приветливых хозяев легко можно понять.

Вершина появилась как место поселения польских шахтеров, приехавших сюда в начале XX века по реформе Петра Столыпина из Домбровского угольного бассейна. Царским властям необходимо было освоить сибирские земли, и в 1906

* Статья написана на основе материалов, собранных автором для дипломной работы, под руководством профессора, доктора исторических наук Леха Мроза на кафедре (в настоящее время Институт) этнологии и культурной антропологии исторического факультета Варшавского университета. Исследования, получившие финансовую поддержку Студенческого совета Варшавского университета, Фонда Института Востока и Фонда имени Стефана Батория, проводились в 1996 и 1997 годах.

году министр внутренних дел П.А. Столыпин начал реформу, по которой крестьяне могли выйти из общины и поселиться на новых, слабо заселенных к тому времени территориях, получив при этом в обработку землю. Желая выехать из западных районов империи (им была обещана помощь государства при переселении) поселялись на азиатских территориях. Здесь появлялись специальные склады с сельскохозяйственным оборудованием, пункты для переселенцев, бараки, школы, больницы. Кроме 15 десятин земли (1 десятина равнялась тогда 1,0925 га) переселенцы получали 100 рублей единовременной материальной помощи и скидку на железнодорожные билеты.

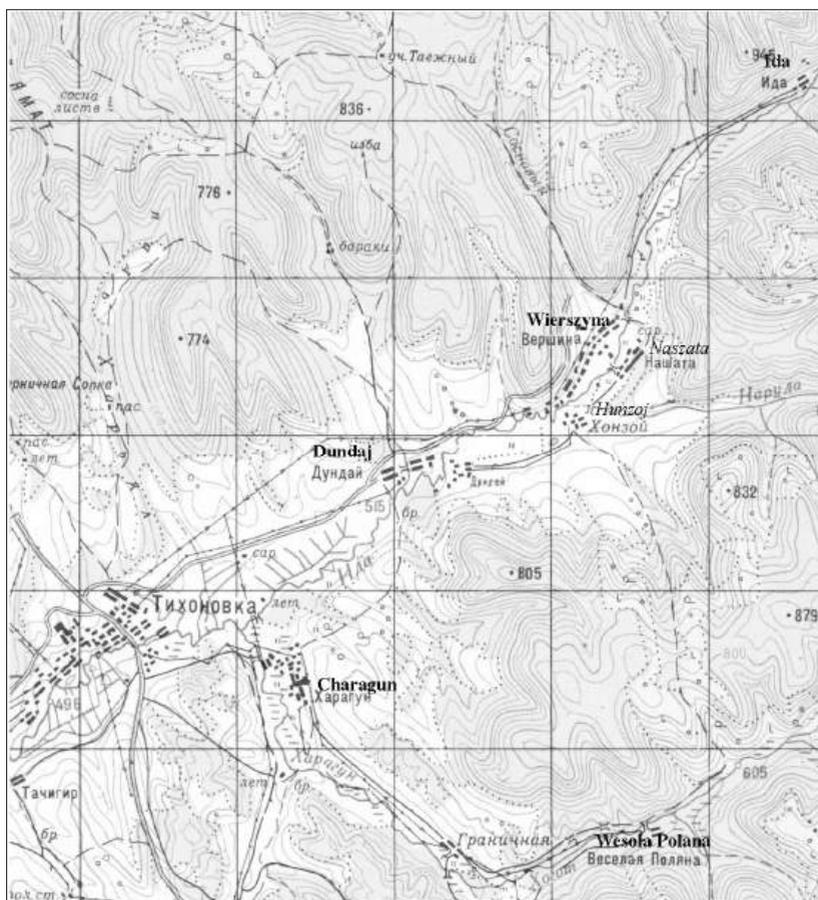
До 1918 года Польша была разделена на территории влияния, а населенные пункты (Блэндув, Олькуш, Чубровице, Сосновец и Хрущобруд), из которых происходили вершининские поселенцы, лежали в границах Российской империи. Те из жителей Домбровского бассейна, которые были привлечены обещаниями разнообразной помощи со стороны государства и решились стать иммигрантами, несколькими месяцами раньше выслали в Сибирь своих представителей, так называемых ходоков, чтобы они выбрали место для поселения. Территория для поселения была определена еще в 1908 году. Большой интерес шахтеров к переселению объясняется причинами экономического характера. Тяжелая социальная ситуация, когда, например, по данным 1911 года, в течение двух лет заработок снизился на 10 %; болезни, связанные с профессией, а также отсутствие надежд на лучшее будущее — все это подталкивало к переселению. Более зажиточные крестьяне, кроме того, видели в этом возможность быстрее обогащения.

Хотя Вершина была одним из многих поселений, появившихся в этих условиях, ее феномен состоит в том, что только здесь поляки, несмотря на значительную интеграцию в советское общество, до сегодняшнего дня сохранили осознание своего происхождения, язык предков (хотя и с добавлением русских слов), а также религиозные отличия. Все это имеет для них большое значение.

Однако, несмотря на обещания правительства, журналы того времени переселенческую акцию оценивали негативно. Это можно проследить в силезской прессе, например в «*Kurier Zagłębia Polityczny, Społeczny, Ekonomiczny i Literacki*». В 1910 году статьи, говорившие об эмиграции и реэмиграции, появлялись неоднократно, часто на первой полосе, и не отличались оптимизмом. Уезжавшие в Сибирь не чувствовали себя уверенно и безопасно, так как они оставляли прежнюю

жизнь, покидали родные места и людей, среди которых выросли. Тот факт, что, несмотря ни на что, они решались на такой трудный переезд, ярко свидетельствует о тяжелой жизни, а также о надеждах, связанные с переселением. У людей, с которыми я разговаривала, очень сильна память о самых первых годах основания села. Воспоминания об этом передаются из поколения в поколение. В большинстве воспоминаний говорится о том, что главной причиной переезда из Силезии были тяжелые условия жизни и труда.

Часть недовольных условиями переселенцев вернулась в

Карта расположения села Вершина. Территория Шаралдаевской сельской администрации Боханского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа

Польшу, расставаясь с возможностью, в общем-то, единственной, улучшить свою судьбу. Следует принять во внимание, что выдержать тяжелые условия жизни на чужбине и остаться здесь смогли только самые закаленные и самые зажиточные. Раскорчевка таежных земель, конфликты с местным населением и жизнь на первых порах в землянках или шалашах у многих людей отбили желание остаться. Возвратиться на родину тоже было тяжело, так как нужно было самим оплатить переезд и заново начать жизнь. Ведь наверняка те, кто уезжал в Сибирь, думали, что никогда в Силезию не вернуться.

Польские основатели Вершины оказались не в безлюдном крае, а по соседству с бурятами. Кроме антропологических и языковых различий переселенцам бросалась в глаза и разница в религиозных убеждениях. Для европейцев религия бурят казалась экзотикой. Близкое и постоянное присутствие единственных до того времени хозяев территории имело большое значение для сохранения национального сознания и своей, в том числе и религиозной, культуры поляков.

В связи с тем что переселенцы были выходцами из разных местностей, до переселения они не составляли организованной группы. Традиций совместного проживания, складывающихся в течение нескольких поколений, здесь не было. Новая общественная жизнь только должна была сформироваться.

С самого начала существования Вершины в процессе формирования и поддержания самосознания переселенцев и их потомков большое значение имели христианское вероисповедание и римско-католические обряды.

Поселенцы должны были где-то жить, но сразу построить дома они не могли в силу разных причин, одной из которых было тяжелое экономическое положение. Поэтому на безопасном расстоянии от реки Ида, вдоль ее правого берега (по другой стороне жили буряты) они выкапывали землянки, выкладывая стены деревом. Для того чтобы получить земли для занятия земледелием, нужно было выкорчевывать деревья в лесу. Появлялись ремесленные мастерские. Память о первых трудных годах живет до сих пор.

Сразу после переселения было принято решение о строительстве школы и костела, которые поставили в 1911–1915 годах. Уроки в трехлетней школе (в том числе и Закон Божий) первоначально проводились на польском языке. Это хорошо помнят только старшие жители Вершины, бывшие в то время учениками. Учителями были сами поселенцы. Затем учебу продолжали в Дундае — населенном пункте, лежащем в трех километрах по направлению к Иркутску. Это свидетельствует

о том, что польские переселенцы осознавали и хотели сохранить отличия в своей культуре уже в момент поселения. Ведь наиболее значительными составляющими самоидентификации, принимая во внимание соседство бурят, были язык и религия.

В период Великой Отечественной войны в результате внутренних миграций в стране в селе появились представители других национальностей, а вместе с ними пришла другая религия. Я имею в виду русских, украинцев, татар, армян. Но, несмотря на это, жители Вершины польского происхождения сохранили свои религиозные ценности и отличия.

Как я уже упоминала, переселенцы из Домбровского бассейна первоначально не составляли консолидированной группы. Но хотя и приехали они из разных местностей, всех их объединяли общая культура, традиции, происхождение, а также цель и средства ее реализации. Положение эмигрантов и заселение общей территории привели к тому, что из незнакомых между собой людей сложилась организованная группа. На дальнейшее развитие общности повлияли необходимость постройки домов, организация ремесленных мастерских, строительство школы, костела, а также соседство людей, отличающихся от поселенцев по многим пунктам. Первоначально определенным авторитетом в среде эмигрантов пользовались ходоки. На форму общественной структуры села повлиял и как опыт из истории польских эмигрантских сообществ, так и специфика России и, позднее, Советского Союза.

Так как земли для проживания поляков были выделены на территории бурят, с самого начала эти две различные группы вступили в контакт. Земля для поселенцев была выделена на высоком берегу реки Ида, там, где в нее впадает ручей Яматский. Отсюда первое название поселения — участок Ямат-

Ян Лёрек — один из первых жителей Вершины

ский. Но в том же году название заменили на Трубачеевский, что было связано с фамилией представителя бурятского деревенского сообщества Трофима Трубачеева, противившегося появлению здесь эмигрантов. Как уже отмечалось, суровый климат и тяжелые условия первоначального периода обустройства на новом месте вынудили часть приехавших вернуться в Силезию. В их числе были и ходоки, которые, несмотря на отсутствие дотации на обратную дорогу, вернулись назад.

Известно, что национальное, культурное, религиозное или любое другое сознание почти всегда усиливается в результате попыток его ликвидации или унификации с другим, например, с преобладающим на данной территории. Но бывает и так, что оно (сознание) поддается внешнему влиянию.

В Вершине на осознание и выражение «польскости» огромное влияние оказала общественно-политическая ситуация в России, СССР и затем опять в России. На первоначальном этапе существования польского поселения для выражения польскости не было никаких ограничений. Например, была построена часовня для поляков, школа, в которой учили на польском языке. Ситуация радикально изменилась во времена Советского Союза: было ликвидировано обучение на польском языке, закрыт костел, предпринимались попытки

На вершининском кладбище. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.

Жилой дом в Вершине. Фото А. Вишневской, 1997 г.

лаицизации (отказ от религии) населения. Однако расцвет преследований пришелся на 1937 год. Тогда работники НКВД вывезли и расстреляли тридцать человек — наиболее уважаемых в селе людей. Эта трагедия сильно повлияла на судьбы оставшихся в живых людей, прежде всего женщин с детьми. Не было никаких восстаний, мятежей, продолжалась обычная трудная жизнь. Но все были запуганы, боялись даже учить своих детей основным молитвам. Принудительная организация колхозов в 30-е годы также явилась одной из причин обнищания и страха жителей села.

Многие годы жители Вершины не имели контактов с Польшей. Сразу после переселения в Сибирь поляки переписывались с оставшимися в Силезии родственниками и знакомыми. Но со временем они умирали, и это усложняло возможности поддержания отношений. В последние годы контакты начали возобновляться. В 1960-х годах село посетила Ханна Кралль, описавшая Вершину в одном из репортажей с востока СССР, приехали туда также репортеры польской кинохроники. Репортажи кинохроники, которые в период социализма показывали перед каждым сеансом, прежде всего служили индоктринации (обработка в духе определенной доктрины) общества.

Установление достаточно регулярных отношений жителей Вершины с родиной стало возможно, когда к власти в СССР пришел Михаил Горбачёв. Именно тогда в Вершину начали приезжать польские миссионеры, учителя. Это был конец 80-х — начало 90-х годов XX века.

В этот период село начали посещать польские туристы, как самостоятельно, так и группами. Моя первая встреча с Вершиной состоялась, как уже отмечалось, именно во время туристической поездки. Туристы расспрашивали жителей об истории села, обычаях. Эти встречи имели и имеют большое значение для сохранения «польскости», помогая жителям села по-новому посмотреть на нее. Достаточно вспомнить, что президент Польши Александр Квасьневский (в декабре 2005 г. заканчивается второй срок его президентства) во время визита в Иркутск, в 1990-х годах, встретился с представителями Вершины. Эта «польскость» в настоящее время уже не ассоциируется с былыми преследованиями. Наоборот, вершининцы понимают, что, представляя отличную от других национальную группу, они вызывают большой интерес к себе.

Специфика политических и общественных отношений в бывшем Советском Союзе обусловила определенную унификацию народов и культур, находящихся на его территории. Несмотря на это, жители Вершины (я имею в виду главным образом ту их часть, предки которых приехали из Польши, а конкретно из Домбровского угольного бассейна), в большинстве своем сохранили язык и обычаи отцов. Если с польской речью гость встречается сразу по приезде в село (а иногда и раньше — в автобусе, когда едет кто-нибудь из вершининцев), то проявление обычаев легче всего заметить в обрядах — как религиозных, так и светских, например в праздновании именин (в России отмечают день рождения).

В заключение хочу добавить единственное: хотя мой последний визит состоялся восемь лет назад (летом 1997 г.), я уверена, что гостеприимство и приветливость жителей Вершины к гостям со всего света, а особенно к полякам не подвергается эрозии. Нам остается жить надеждой, что молодежь, так же как представители старшего поколения, знает, ценит и культивирует наследство предков.

Перевод Н.А. Бартошевич

ЛИТЕРАТУРА

Bazyłow L. Historia Rosji (История России). — Wrocław, 1985.

Bazyłow L. Syberia (Сибирь). — Warszawa, 1975.

Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych, XVIII–XX w. (Эмиграция из польских земель в новое и новейшее время, XVIII–XX вв.). — Warszawa, 1984.

Emigracje zarobkowe na tle wschodnioeuropejskich i polskich struktur społeczno-ekonomicznych (Экономическая эмиграция на фоне восточноевропейских и польских общественно-экономических структур). — Toruń, 1974.

Encyklopedia Powszechna (Всеобщая Энциклопедия). — Warszawa, 1973. — Т. I; 1974. — Т. II; 1976. — Т. III, IV.

Figura L. Wieś Wierszyna. Z problematyki kulturowej polskich mieszkańców Syberii (Деревня Вершина. Из культурной проблематики польских жителей Сибири): Praca magisterska przygotowana pod kierunkiem prof. dr hab. J. Bachorza. — Uniwersytet Gdański, 1995.

Tożsamość narodowościowa w diasporze. Wieś Wierszyna w Obwodzie Irkutskim w Rosji (Национальное самосознание в диаспоре. Деревня Вершина в Иркутской области в России) // Etnos przebudzony. Seria: Studia Ethnologica. — Warszawa, 2004. — S. 83–111.

Wiśniewska A. Proces kształtowania się i rozwoju tożsamości etnicznej mieszkańców Wierszyny (Syberia środkowa) (Процесс формирования и развития этнического самосознания жителей Вершины /Средняя Сибирь/) // Etnografia Polska. — Т. XLIV, nr. 1–2. — S. 99–114.

Zarobki górników w Zagłębiu Dąbrowskiem (Заработки шахтеров в Домбровском бассейне) // Kurier Zagłębia Polityczny, Społeczny, Ekonomiczny i Literacki. — 30. 05. 1911 (nr. 146).

ANNOTATION

Agata Vishnevska. The history of Vershina, or How the Poles were found in the Siberia.

The article of Polish explorer is devoted to the history of the Siberian village Vershina founded by the migrated Poles at the beginning of XX century. The author considers how the countrymen of Vershina reserved their language, polish culture and national self-consciousness.

ВЕРШИНА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО СИБИРСКОГО СЕЛА

*Наталья Геннадьевна Галеткина,
историк, аспирант Европейского
университета, г. Санкт-Петербург*

Около ста лет прошло с тех пор, как первые польские переселенцы, преодолев почти семь тысяч километров пути, приехали на Трубачеевский участок в надежде начать здесь новую счастливую жизнь. Это произошло в 1910 году, и именно этот год можно считать датой основания села Вершина. Но начнем мы наш рассказ с того, что предшествовало этому моменту, и мысленно перенесемся в то время, когда на картах Переселенческого ведомства Иркутской губернии появился участок под названием Яматский.

Участок был образован в 1908 году производителем землеустроительных работ М. Соколовым, а название свое получил от ручья Яматский, впадающего в реку Ида. Участок насчитывал 5 500 десятин земли, включая «угодья постоянного землепользования инородцев» (1). В том же 1908 году Яматский участок был переименован в Трубачеевский — по имени уполномоченного от бурятского сельского общества Трофима Трубачеева, который выступал против порядка ведения землеустроительных работ в этом районе. Трубачеев считал, что работы по отводу земель ведутся неправильно, несправедливо, без учета насущных интересов целых улусов (2).

Надо сказать, что к этому времени в России полным ходом шла аграрная реформа, составной частью которой было организованное переселение на восточные окраины империи. Поток крестьянских переселенцев, ехавших в Сибирь «за землей», рос с каждым годом, и нужны были все новые и новые переселенческие участки. По существовавшему порядку землеустройства все земли, которые считались казенными и находились в пользовании старожилов, подлежали осмотру, учету и распределению в соответствии с установленной нормой земельного надела. Не попавшая в надел земля поступала в колонизационный фонд, из которого образовывались участ-

ки для переселенцев. Так, в состав Трубачеевского участка общей площадью 5 650 десятин вошли 164 десятины в падах Нашата, Тодобол, Ямат, находившиеся до этого в пользовании бурят Укырского инородческого ведомства (3). Естественно, что старожилы, привыкшие долгие годы распоряжаться землей без какого-либо надзора, не могли быть довольны таким оборотом дел. Особенно если учесть, что последнее слово по вопросу, сколько и какой земли необходимо бурятам, оставалось за чиновниками. Логика рассуждений последних была такова: процесс перехода укырских бурят от скотоводства к земледелию зашел так далеко, что их скорее можно назвать хлебопашцами, чем скотоводами. Обширные летние пастбища, необходимые им в прошлом, уже не имеют прежнего значения. Учитывать их при землеустройстве — значит вставлять «палки в колеса переселенческого дела вопреки и закону, и здравому смыслу». Поэтому, несмотря на жалобы и прошения, которые представители бурятского сельского общества подавали в высокие инстанции, к 1909 году границы Трубачеевского переселенческого участка были окончательно утверждены.

Краткое описание Трубачеевского участка мы находим в отчете М. Соколова за 1908 год: «Участок Трубачеевский. Расположен на р. Иде при впадении ручья Яматского. С резко выраженным гористым рельефом, покрыт в большей части своей крупным мешаным лесом. Много каменистых крутых склонов с мелкослойной почвой. В состав участка вошло небольшое количество пашен и сенокосов по падам; по тем же падам и их распадкам, главным образом, будут разделены засельщиками пашни. Участок следует причислить к трудным для разработок» (4).

Как только Трубачеевский был внесен в список готовых для заселения земельных участков, сюда стали прибывать ходоки, или, как произносят в Вершине с ударением на второй слог, «ходáки». Так называли людей, которые первыми ехали, как говорится, «в разведку», представляя интересы целой группы будущих переселенцев. Ходоки должны были осмотреться на месте и выбрать из предлагаемых переселенческими чиновниками земель участок для заселения. Записав его за собой, они возвращались на родину и рассказывали отправившим их семьям о результатах своей миссии.

«Наши поляки тогда троих ходáков послали первых. Ходáки приехали смотреть. Приехали, нахвалили, как тут вон орехов много, ягод много, всего много. И скота сколько ходит!» — так вспоминала об этом Магдалина Юзефовна Мычко, с которой мне посчастливилось общаться в 1994 году. Будучи уже

Река Ида у села Вершина. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.

в преклонном возрасте, она сохраняла на удивление ясную память и интересно рассказывала о пережитом. Фрагменты той беседы включены в данную статью. Сегодня Магдалины Юзефовны уже нет в живых, она умерла в 1998 году, не дожив несколько дней до своего 97-летия.

«Я помню это, — говорила она, — потому что в нашей деревне один ходак был, Петшик. Он продал дом, а жену свою и двоих детей у моих родителей оставил, покамест в Сибирь ездил. А как приехал, я помню, что он говорил. Рассказывал, как там им давали попервости землю в Кутулике, ближе к дороге железной. А он не хотел, а хотел дальше в лес, потому что здесь много ягод... Здесь им понравилось. Здесь и выбрали. Помню, он рассказывал, как скот ходит сам по себе у бурятов по лесам. Много, говорил, там всего — и кони, и коровы, и овцы. Всего полно, всегда будем с мясом».

Упомянутый Магдалиной Юзефовной ходок Петшик входил в группу делегатов, выехавших из района Домбровского угольного бассейна в Иркутск весной 1910 года. С ним были еще два ходока, которые выбрали для поселения земли на Трубочеевском участке: Лабуда и Фасиньский (5). Возможно, что другие ходоки из регионов Малопольши и Домбровского бассейна приезжали на Трубочеевский участок и раньше, но сведений о них в местных и центральных архивах на данный

момент не обнаружено. Известно только, что заселение Трубачеевского участка началось в 1910 году и к концу этого года здесь находилось 59 дворов (6).

Переселенцы добирались до станции Черемхово по Транссибирской железной дороге, а оттуда на запряженных лошадьми телегах ехали до места поселения через село Верхне-Острожное, улус Бохан, село Верхне-Идинское (7). Треть стоимости пути по железной дороге оплачивало государство. Из казны же в Черемхово выдавали 50–60 рублей денег и небольшое количество зерна пшеницы.

«Две недели ехали с Польши на поезде, — вспоминала Магдалина Мычко. — Ехали вместе с русскими в поезде, одна наша семья. Как мама только решилась, она же ни слова по-русски не знала? Но как-то она с этими людьми сговорилась, даже хлеб ходила нам покупать по дороге, печенья всякого. Хорошие люди были. Если бы не хорошие — не доехали бы. Они дальше еще там куда-то ехали на восток. Мама в Черемхово сошла, а они дальше поехали... Вещи наши отдельно в багаже шли. Что с собой брали? Подушки, перины, иконы, одежду. Пока мы жили в Черемхово две недели, багаж наш пришел. Потом отец за нами на коне приехал и повез нас на место».

Магдалине исполнилось незадолго до этого 11 лет. Она была старшей из четырех детей, которые вместе с матерью прибыли летом 1912 года на Трубачеевский участок. Их отец, Юзеф Лыда, приехал сюда двумя годами раньше, чтобы подготовить нормальные условия проживания для своей семьи. Но здесь, в Сибири, он сильно заболел, и на строительство хорошего дома не было ни сил, ни средств.

«Место мне не понравилось, — вспоминала Магдалина Юзефовна. — Холодно было, мы в июле приехали, но дожди страшные шли. Как они только сено собрали — сама не знаю. Отец построил такую будку временную для жилья. Крыши не было, на жердях шкуры висели. А дождик такой шел, когда мы приехали! Холодно, дети плачут, замерзли. Спать негде, дождь заливает, ой! Ни сварить, ни согреться. Потом все разболелось.

В 1912 году уже много семей было. Мы последние приехали. Дома уже некоторые стояли. Но и землянки были, их в горе рыли: только две стены были и вход. Жили одну зиму там. А морозы тогда были сильные! Сейчас таких морозов уже нету. Как плюнешь, сразу замерзло. И вот в землянках первую зиму зимовали. На другой год уже лучше жилье ставили, а на третий — еще лучше...

Кто приехал сюда побогаче, у кого с деньгами и здоровьем лучше было, то те и сразу лучше жили. А вот так, как мы приехали, что денег кое-как на дорогу собрали, то трудно было».

О положении переселенцев в первый год жизни на новом месте можно судить по отчетам и рапортам того времени, сохранившимся в архивах. По отзывам чиновников, поселенцы Трубачеевского участка в массе своей не относились к крепким в экономическом смысле хозяевам. Многие из них нуждались в дополнительной поддержке государства. «Едва ли когда-либо устроится без особой помощи большинство поляков, выходцев горнопромышленного района, не имеющих ни средств, ни сельскохозяйственных навыков», — писал о них заведующий Кутуликским переселенческим подрайоном Иркутской губернии Л. Кременер. «Переселенцы, водворенные в 1910 году, — продолжал он, — малосостоятельны... нуждаются в особых о них заботе и помощи... Водворившееся население в общем бедно и далеко от того, чтобы окрепнуть, большая часть его не привыкла к местным условиям» (8).

Интересную характеристику польским поселенцам дал настоятель Иркутского римско-католического прихода Петр Павел Бульвич в докладе могилевскому епископу-суффрагану Иоанну Цепляку от 24 сентября 1911 года. Он писал: «Начиная с 1909 г. в связи с событиями 1904–06 гг. в пределы Иркутского Римско-католического прихода начали переселяться крестьяне губерний Царства Польского, преимущественно, если не исключительно, из Келецкой и Петроковской губерний, занимавшиеся горнозаводской деятельностью.

В настоящее время, по произведенной мною во время объезда прихода текущим летом регистрации, имеется 188 переселенческих семейств, 975 душ. По месту оседлости должно их разделить на три района». Далее следует информация о поляках Зиминского и Черемховского районов, которую мы здесь опускаем, и переходим непосредственно к описанию основателей Вершины: «Наконец, третий район составит селение Вершинино Черемховского подрайона, состоящее из 76 домов, 377 душ, и Козаковский участок в 7 семейств 31 душу. Эти отстоят от линии железной дороги верстах в 120, находятся на правой стороне Ангары.

Для удовлетворения насущных духовных потребностей означенных переселенцев или „выходцев из Привисленского края“, как некоторые из „власть имущих“ выражаются, является необходимым, в первую очередь, постройка костела и школы в Вершинине, где, как упоминалось, 76 семейств,

377 душ, коим отведено 203 доли по 15 десятин или 3 045 десятин. Молодежи школьного возраста (от 7 до 12 лет) 36 мальчиков и 31 девочка. Устройство костела и школы вершининцам и потому крайне необходимо в самом непродолжительном времени, что они:

1-го, заняли самый неподходящий для земледелия участок, годный разве как запасный, состоящий из высоких крутых хребтов.

2-го, не имеют никакого подспорья, например, в продаже леса на шпалы, гонке смолы и дегтя и т. п.

3-ю, проголодав зиму прошлого года, будут голодать и настоящую, а то и на засеменение распаханных клочков не всем хватит. Выдача им полностью суммы на устройство школы, частью же и на костел, могла бы их поставить на ноги. Про вершининских переселенцев говорят соседи: „должно быть, плохо живется, если красть начинают“. И действительно, был случай, когда один из вершининцев... судился за кражу у бурята двух хлебов и был оправдан, хотя в краже сознался: „очень уж голод поприжал, продать нечего, все распродано, а буряты, пользуясь случаем, эксплуатируют бессовестно“» (9).

Эти документы рисуют довольно безрадостную картину. Однако она будет далеко не полной, если мы не примем во

***Место, где находились землянки первых жителей Вершины.
Фото Ю. Лыхина, 2005 г.***

внимание и другие архивные свидетельства. А они есть, и наиболее раннее из них относится к октябрю 1910 года. Это общественный приговор доверенных от четырех сельских обществ, которые возникли к тому времени на переселенческих участках Благодатном, Тальяновском, Козаковском и Трубачевском. Доверенные, как следует из документа, собрались на общий сход, чтобы решить вопрос о фельдшерском пункте и аптеке. «Обсудив этот вопрос, — писали они в приговоре, — и находя неудобным существующий ныне порядок иметь медикаменты в каждом участке порознь, мы пришли к заключению, что для нас... будет наиболее удобным и выгодным соединиться в общий медицинский пункт... в селе Верхне-Идинском» (10). Здесь впервые появляется упоминание о Вершининском сельском обществе, образованном переселенцами Трубачеевского участка. То есть буквально через несколько месяцев после приезда переселенцы представляли собой уже не группу разрозненных семей, приехавших из разных мест и волею судьбы оказавшихся на одном участке, а сплоченное организованное сельское сообщество. Более того, документ этот свидетельствует о возникшей кооперации и между жителями нескольких соседних переселенческих деревень. На подобном же общем сходе в ноябре 1910 года они решили сообща содержать одного грамотного писаря и договорились о порядке расклада денег на его содержание между всеми водворившимися на четырех участках (11).

Вершининское сельское общество регулярно собиралось для решения насущных жизненных вопросов, например, о приходе и расходе общих денежных средств, о строительстве общих зданий. Так, в ноябре 1910 года на общем сельском сходе было решено ходатайствовать об открытии и постройке в Вершине начальной школы или, как ее называли, одноклассного министерского училища. Вершининцы просили выдать им «по бедности... в безвозвратное единовременное пособие от казны 3 тысячи рублей» (12). Не получив ответа на это прошение, они в феврале 1911 года на очередном сельском сходе постановили обратиться к заведующему Кутуликским подрайоном и просить его «выйти с ходатайством об ускорении открытия и постройки училища». После этого дело сдвинулось с мертвой точки, и денежное пособие вскоре было получено. Лес для строительства заготавливали и вывозили сами жители села. В 1912 году Вершининская начальная школа была открыта (13).

Очередным важным вопросом, решением которого обща занимались жители Вершины, стало возведение в селе като-

лического храма. В общественном приговоре Вершининского сельского схода от 23 декабря 1911 года они писали: «Мы и семьи наши имеют большую нужду в религиозной потребности, так, например, дети рождаются и остаются не крещеными, умирают без отпевания, в большие праздники взрослые желали бы излить свои накопившиеся духовные потребности в храме, но такового нет. По обсуждении этого вопроса мы, на основании Высочайше утвержденного 19 апреля 1909 г. закона о порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев, обращаемся к Его Высокоблагородию, Господину Заведующему Кутуликским подрайоном с просьбой исходатайствовать нам безвозвратную ссуду на постройку „каплицы“ в размере 3 000 рублей. Выданную нам ссуду обязуемся расходовать под наблюдением Заведующего подрайоном и обратить исключительно на указанную надобность, почему просим, чтобы все расчеты с рабочими, подрядчиками за материалы и прочее были бы произведены непосредственно казной в лице Заведующего подрайоном...» (14).

Несмотря на вроде бы положительный ответ, решение вопроса о строительстве храма затянулось. В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге хранится переписка, которая велась по этому вопросу между различными высокопоставленными чиновниками и церковными иерархами на протяжении нескольких лет. Не вдаваясь в ее детали, скажем только, что непосредственное строительство храма началось лишь в 1914 году, а завершилось к маю 1915-го. Известно, что освящение нового храма во имя Святого Станислава было назначено на 15 мая 1915 года (15).

Постоянного католического священника в Вершине никогда не было. Богослужения проходили в храме только тогда, когда раз в год на две-три недели приезжал иркутский священник. Обычно это происходило, как вспоминала Магдалина Мычко, в июле. «Родители сами на конях до Иркутска ехали за ксендзом. И обратно в Иркутск его увозили. Один раз было пожил у нас в избе три недели, а люди, как он приехал, так все ходили к нему. Каждый нес яички, масло, молоко. Если, допустим, надо было венчать раньше или позже, а ксендза не было в Вершине, то сами в Иркутск ехали. Мы с мужем венчались 1 мая в иркутском костеле. Если ребенок родился или кто умер — хоронили по-польски».

Сколько же всего человек приехало на Трубачеевский участок и сколько из них закрепилось на этой земле? Как распределялся переселенческий поток по годам, и было ли обратное движение? Ответы на эти вопросы отчасти можно найти в ар-

Магдалина Мычко в своем доме. Фото В. Розенבלата, 1995–1996 г.

живных материалах, хотя необходимо учитывать и имеющиеся здесь расхождения в цифрах. Возможно, это связано с общей нестабильностью состава жителей Вершины в первые годы: в одних случаях вся семья сразу ехала на участок, в других — сначала переселялся лишь один из членов семьи, а остальные приезжали через год-другой, кто-то из уже водворившихся домохозяев мог временно уехать в Польшу за своими родными. Некоторые расхождения, однако, объяснить трудно. Например, непонятно, почему один и тот же человек в один день подписывает два документа, в которых сообщает разное количество жителей Вершины. Так, в уже упоминавшемся докладе иркутского настоятеля П.П. Бульвича могилевскому епископу-суффрагану Иоанну Цепляку от 24 сентября 1911 года говорится о 76 семействах и 377 душах, проживающих в селении Вершино. А в его же рапорте митрополиту Ключинскому от 24 сентября 1911 года упоминается 83 двора и 407 душ (16).

Более точными представляются сведения из общественных приговоров Вершининского сельского общества, где количество домохозяев, имеющих право голоса, указывалось самими жителями села. Так, согласно двум общественным приговорам от 13 февраля 1911 года Вершининское сельское общество состояло из 59 домохозяев (17). Такое же

количество домохозяев указано и в отчете по расходам мирских сумм за 1910 год. Близко к этой цифре и число дворов, указанных в списке сельских населенных пунктов Иркутской губернии за 1911 год, составленном на основе данных за 1910 год. Здесь в Вершининском поселке Осинской волости Балаганского уезда значится 61 двор, в котором проживают 149 мужчин, 133 женщины, 46 детей от 8 до 12 лет. То есть всего 328 человек (18).

Общественный приговор от 23 декабря 1911 года сообщает, что Вершининское сельское общество состояло уже из 70 домохозяев, имеющих право участвовать в сходах (19). То есть в течение этого года к водворившимся в 1910 году 59 семьям присоединилось еще 11.

Спустя два года, в октябре 1913 года, Вершининское сельское общество состояло из 77 домохозяев (20), то есть оно выросло лишь на семь семей. Получается, что основная часть переселенцев приехала в первые два года заселения участка. Этот вывод подтверждается и другим, более поздним документом — докладной запиской боханского агитатора от 15 апреля 1931 года. Ее автор, говоря о составе жителей Вершины на тот момент времени, приводит количество хозяйств по годам приезда переселенцев. Он пишет, что 62 хозяйства были основаны приехавшими в 1910 году, 26 — в 1911-м, 3 — в 1912 году. По одному хозяйству прибавилось в 1913 и 1914 годах. Затем в этом процессе следует пауза, совпадающая с годами Первой мировой войны. В 1918 году появилось еще одно новое хозяйство и в 1922 — еще два (21). Таким образом, хотя абсолютные цифры и не совпадают с теми, что приводились выше, общая тенденция здесь прослеживается четко: основное число переселенческих семей приехало на Трубачеевский участок в первые два года — в 1910-м и 1911-м. В последующие годы число жителей Вершины если и росло, то незначительно.

Не следует забывать и об обратных переселенцах, так называемых обратниках. В той же докладной записке о состоянии села за 1931 год говорится о том, что в 1922 году из Вершины в Польшу вернулись шесть семей. Польский исследователь Владислав Мясрж упоминает девять фамилий членов семей, которые уехали обратно в Польшу после заключения мирного Рижского договора 1921 года (22). Кроме этих, уже довольно поздних, «обратников» были и такие, которые вернулись в первые же годы после приезда в Сибирь. То, с чем переселенцы столкнулись здесь, у многих из них вызвало шок. Зимние морозы, весенние и летние замороз-

ки, необходимость раскорчевки лесных участков, нехватка средств — на фоне всего этого привычное, даже пусть и полунищенское, существование на родине показалось более привлекательным. В материалах об обратном переселении из Кутуликского подрайона за 1910 год упоминаются четыре семьи «обратников» из Петроковской губернии и одна — из Келецкой. Три из них были водворены в том же 1910-м, а две — в 1909 году. Причины возвращения на родину: «отсутствие средств, непригодность к сельскому хозяйству (бывшие горнорабочие)» (23).

Семья Юзефа Лыды также собиралась вернуться в родную деревню Блэндув, расположенную неподалеку от Кракова. Но сделать это, как рассказывала позднее его дочь Магдалина, оказалось не так-то просто. Обратный железнодорожный билет надо было покупать уже за полную стоимость, да и для нового обустройства, пусть и на прежнем месте, тоже нужны были немалые деньги. Эти деньги стали собирать, отказывая себе во всем. «Тогда николаевские деньги были, не советские. Всё собирали на дорогу, чтобы уехать до Польши, не покупали ничего. Собирали, собирали, и еще бы дней пять, чтобы переехать там границу, но этих пяти дней нам и не хватило. Только собрались ехать в Польшу, как война началась. А потом все те деньги, которые собирали, пропали. Куда было девать эти николаевские деньги? Только в печку бросить. Бросили, и на что после было ехать? А многие вернулись. Семей, наверно, пять или шесть уехало».

С середины 1920-х годов можно говорить о стабилизации жизни Вершины. Движение переселенцев — как прямое, так и обратное, практически прекратилось. Отходили в прошлое временные сараи и землянки. Их заменяли крепкие большие дома, а по берегам Иды ставились мельницы и лесопилки. Подрастало поколение детей, рожденное уже здесь, в Вершине. Сибирское село было для них настоящей, а не приобретенной родиной, хотя не прерывалась культурная связь и с родиной отцов. Польский язык дома и в школе, религиозные праздники и традиционное семейное воспитание — все эти элементы прежней культуры еще не подвергались разрушительному воздействию государства, как это происходило в последующие десятилетия.

В административном отношении Вершина входила в эти годы в Шаралдаевский булсовет Боханского аймака Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. В ведении этого же совета находились Нашата,

Тодобол, Хонзой. Сегодня эти названия ассоциируются с различными частями Вершины. Тодобол официально входит в ее состав, Нашата и Хонзой по документам сельской администрации считаются отдельными населенными пунктами, но фактически составляют с собственно Вершиной одно целое. В те же годы, о которых мы ведем речь, все три поселения были еще отдельными бурятскими улусами. Река Ида служила естественной границей, по одну сторону которой располагалась польская Вершина, по другую — бурятские Нашата и Хонзой. Позднее, когда часть земель нашатинских бурят административным решением была передана в распоряжение жителей Вершины, буряты в течение нескольких лет распродали свои участки и дома и перебрались из Нашаты в соседние Хонзой и Дундай.

Но это происходило уже в третье десятилетие пребывания польских переселенцев на сибирской земле. В то самое десятилетие, когда на них обрушились и все «прелести» советской тоталитарной системы — воинствующий атеизм, раскулачивание, коллективизация, репрессии. Все эти события составляют важную часть истории Вершины. Однако они выходят за рамки данной статьи, поскольку ее целью был рассказ о возникновении и начальном этапе истории польского сибирского села.

Въезд в село Вершина

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 171, оп. 1, д. 135, л. 237.
2. Там же, оп. 5, д. 200, л. 8, 9.
3. Там же, л. 10.
4. Там же, ф. 172, оп. 1, д. 99, л. 135 об., 136 об.
5. Масырж В. Польская деревня Вершина (1910–1937 гг.) // Научно-информационный бюллетень гуманитарного общественно-научного центра. — 1995. — Март (№ 3): Поляки в Сибири. — Иркутск, 1995. — С. 35.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 391, оп. 3, д. 1812, л. 77; Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ), ф. 201, оп. 1, д. 22, л. 4 об.
7. ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 226, л. 13.
8. Там же, д. 195, л. 366, 371, 374.
9. РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1799, л. 73–74.
10. НАРБ, ф. 201, оп. 1, д. 22, л. 23, 23 об.
11. Там же, л. 5, 5 об.
12. ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 43, л. 1.
13. Там же, л. 4.
14. РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 1812, л. 77–78.
15. Там же, ф. 826, оп. 1, д. 2066, л. 10.
16. Там же, д. 1799, л. 73 об., 75 об.
17. ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 43, л. 1; НАРБ, ф. 201, оп. 1, д. 22, л. 4 об., 25.
18. ГАИО, ф. р-6, оп. 1, д. 1 а, л. 36–37.
19. РГИА, ф. 391, оп. 3, д. 1812, л. 77.
20. НАРБ, ф. 201, оп. 1, д. 167, л. 221.
21. Там же, ф. 475, оп. 1, д. 585, л. 50–51.
22. Масырж В. Указ. соч. — С. 36.
23. ГАИО, ф. 171, оп. 1, д. 195, л. 367.

ANNOTATION

Natalia G. Galetkina. *Vershina: the origin and the initial stage of history of the Polish Siberian village.*

The author of the article considers the initial period of the history of the Siberian village on the base of new archival materials and reminiscences of the daughter of one of the settlers of Vershina. The article describes the status of the migrated Poles in the first years of the life on the new place, observes the forming of the rural society of Vershina.

ПОЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «ВИСЛА» В ВЕРШИНЕ

*Вера Михайловна Фигура,
учитель начальных классов Дундайской
средней школы, с. Дундай,
Боханский район, Усть-Ордынский
Бурятский автономный округ*

1990-е годы. Растет поток туристов, направляющихся в Сибирь. В Вершину все чаще стали приезжать гости из Польши. Одних тянуло в село желание узнать, правда ли, что здесь живут поляки, выходцы из Польши, других одолевала романтика, третьи преследовали цель получить и открыть что-то новое. Так или иначе, гости, открыв Вершину, навсегда становились ее восхищенными поклонниками. Гостеприимство, отзывчивость, открытость живущих здесь людей покоряли. Встречи проходили на улицах, в домах, в школе. Пели песни, разговаривали, вспоминали. Именно тогда и появилась идея создания какой-либо организации по подобию тех, что уже существовали в Иркутске и других городах. Людям хотелось общаться более организованно, сплоченно.

Большую роль в создании польского общества в Вершине сыграл о. Игнацы Павлусь, настоятель прихода Успения Богородицы, глава Иркутского деканата римско-католической епархии Св. Иосифа. По приезду в Вершину на богослужения он настаивал на создании общества, убеждал в его необходимости, делился своими мыслями, как его можно создать. В это же время закончила свою учебу в Польше Людмила Виженас. Именно эти люди и стали инициаторами создания Вершининского польского культурного общества «Висла».

Общественная организация «Висла» была зарегистрирована в марте 2002 года. Перелистывая страницы устава, читаем: «Организация является окружной общественной организацией». Высшим органом ее управления является общее собрание членов под руководством президиума, избираемого на три года в составе трех человек. Председатель президиума избирается общим собранием из состава избранного

президиума также на три года. В данное время им является Людмила Владимировна Вижентас, учитель польского языка в школах сел Дундай и Вершина.

В уставе определены принципы деятельности организации, виды деятельности, права и обязанности членов, контрольно-ревизионный орган.

Для достижения своих целей организация выполняет следующие виды деятельности:

- «изучение, сохранение и развитие польского языка, польских национальных традиций и польской культуры»;

- «укрепление деловых и дружеских связей с членами польских национальных обществ, действующих на территории иных регионов Российской Федерации, гражданами Республики Польша и поляками, проживающими на территории других государств»;

- «поиск, исследование и публикация материалов о жизни и деятельности поляков»;

- «участие в создании в селе Вершина центра польской культуры»...

Это только малая часть из устава, в которой говорится о видах деятельности. Основной же целью организации явля-

Отец Игнацы Павлушь на уроке Слова Божьего в Вершининской школе. Середина 1990-х гг.

ется «самостоятельное решение вопросов сохранения национальной самобытности российских граждан польского происхождения».

Членами организации могут быть российские граждане польского происхождения, достигшие 18-летнего возраста, а также граждане иных национальностей, стремящиеся к достижению основных целей деятельности организации.

Кто же стал первыми членами общества «Висла»? Вот их имена: Антонина Петровна Соя, Сабина Павловна Поспех, Франчишка Павловна Янашек, Бронислава Валентиновна Викторовская, Анелия Павловна Верхозина. Это мудрость и опора общества. Их жизненная активность и энергия задают тон всей его работе. В числе первых были и Антонина Вижентас, Альбина Криважня, Ольга Недбалю, Людмила и Валерий Вижентас, Анна и Валерий Фигура, Елена и Павел Вижентас, Марина и Эдуард Фигура, Евгения Верхозина. Именно они встречали гостей, организовывали общение. Возрастной состав членов общества — от студентов до людей преклонного возраста.

Члены общества сообща отмечали праздники, разучивали новые песни. Их встречи проходили в приходском доме при костеле или в доме у Людмилы Вижентас. Количество участников этих встреч росло. Назрела необходимость в специальном помещении. Так возникла идея построить Польский дом в Вершине. Но вдруг, совершенно случайно, появилась возможность купить уже готовый дом, а не заниматься очень дорогим строительством. Это произошло в 2003 году.

Большую финансовую помощь, как при покупке дома, так и при его обустройстве, оказало «Польское содружество» из Варшавы. В течение года дом белили, красили, меняли в нем электропроводку, изготавливали решетки на окна, покупали

**Людмила Владимировна
Вижентас. Фото Ю. Лыхина,
2005 г.**

мебель, посуду, оформляли помещение. Каждый член общества участвовал в этом, как мог. Помогали даже дети. Дом преобразился и снаружи, и изнутри.

Но не только внешний вид привлекает внимание к Польскому дому. При входе в него вас встречает изготовленный руками детей стенд «Как я представляю себе Польшу». В первой комнате расположилась библиотека, фонд которой составляет более 300 книг только на польском языке. Есть книги и на русском языке. Именно здесь хранятся книги в очень красивых переплетах, подаренные Генеральным консулом Республики Польша в Иркутске. Здесь же собраны разные статьи о Вершине, исследовательские работы детей, дипломные работы, посвященные Вершине (Людмила Вижен-тас, Светлана Митренга).

В кухне Польского дома есть все, чтобы согреть чай, сварить еду, накрыть столы. Имеется и комната отдыха. А в гостиной можно отдохнуть перед телевизором, здесь есть музыкальный центр, можно послушать музыку, а при желании и спеть самому.

Центральное место в гостиной занимает резной одноглавый орел — герб Республики Польша. Это подарок, инициатором которого стала Люцина Дера, работник Центра

Польский дом в Вершине. Фото П. Трыка, 2005 г.

образования и помощи региону в Шимбарке (Поморское воеводство). Герб был изготовлен специально для Польского дома в Вершине и привезен из Польши в июле 2004 года. Вот тогда и состоялась первая встреча во дворе Польского дома. На ней присутствовали около 20 гостей из Польши, супруга Генерального консула Республики Польша в Иркутске Данута Сокул, вице-консул Вальдемар Ковальский с супругой Халиной, глава муниципального образования Шаралдай Лев Николаевич Турусов и очень много жителей сел Вершина и Хомутово, города Иркутска. Орел был закрыт польским флагом. Открытие его произвели Л. Дера, вице-консул В. Ковальский и председатель общества «Висла» Л. Вижентас.

Отмечу, что герб привез один из членов туристической группы под руководством Романа Коперского, человека, который просто влюблен в Сибирь, в Вершину, в ее людей. Благодаря ему в Польше все больше и больше узнают о Сибири, о Вершине. Он пишет о ней статьи, издает книги, снимает фильмы. Одним словом, создает начало музейного исторического фонда села на научной основе.

В день первой встречи в Польском доме генеральный викарий епархии Св. Иосифа в Иркутске отец Анджей Шевцив провел службу в вершинском костеле, на которую пришло много прихожан. Затем все собрались в Польском доме. Отец Анджей освятил здание, и только потом состоялась официальная часть. Поздравления звучали на разных языках: бурятском, русском, польском. Зинаида Зелинская, руководитель кружка «Умелые руки», и Людмила Вижентас, бессменный руководитель Польского фольклорного кружка, подготовили выступление детей. Дети младших классов зажигательно танцевали польку, пели песни, а старшие ученики гордо читали стихи на польском языке о Родине. Все дети были одеты в польские костюмы, сшитые руками их бабушек, мам, сестер под руководством Марианны Добровольской, учительницы из польского города Конин.

Выступление польского ансамбля «Яжомбэк» придало особый колорит празднику. Антонина Соя и Ирина Крыса — спевшийся дуэт, а их песня «Лизавета» широко известна за пределами села: и в районе, и в округе. Когда поют эти женщины, все в душе поднимается: и гордость, и радость, и грусть. И даже солнце светить начинает ярче, будто ласкает их голоса. Все члены ансамбля — Лидия Фигура, Светлана и Людмила Конечные, Елена Даниленко, Ольга Митренга,

***Герб Республики Польша
в Польском доме в Вершине***

Станислава Зелинская, Степан Мамонцев — выступают в польских костюмах. Руководителем этого коллектива и его солисткой является Елена Фигура.

А через год, 18 июня 2005 года, состоялось официальное открытие Польского дома. По этому случаю в Вершину приехали представители «Польского содружества» из Варшавы Барбара Руд и Ирэна Ширковец. Присутствовал и консул Республики Польша в Иркутске Эдвард Денкевич, представители Польской культурной автономии «Огниво» из Иркутска Елена Викторовна Шацких и Болеслав Сергеевич Шостакович, а также представители районной

администрации и районного отдела культуры, исполняющая обязанности главы Шаралдаевской администрации Наталья Владимировна Шляпина.

Было отмечено, что это первый Польский дом в Сибири и поляки гордятся этим фактом. Находясь внутри этого дома, чувствуешь, что даже стены его пропитаны польским духом.

Встреча носила интернациональный характер. А представители Боханского детского дома творчества подарили изготовленную руками детей картину, на которой изображена бурятская женщина с ребенком на руках. При этом они пожелали: «Пусть в вашем доме присутствует дух детей и нашей национальности». Эта картина заняла достойное место в библиотеке Польского дома.

Думается, что когда откроется музей при Польском доме, то все подарки, полученные от гостей, найдут в нем свое место. А музей уже создается, экспонаты собираются.

Вспоминается встреча с полковником Зыгмунтом Мило-

шевским из Республики Польша, посетившим Иркутск, а затем и Вершину в мае 2005 года в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне. Польский народ вместе с русским празднует эту победу. Ведь Польша была единственным государством, которое на европейской сцене театра военных действий сражалось с первого до последнего дня в крупнейшем в истории человечества вооруженном конфликте.

Полковник Милошевский вместе с Генеральным консулом Республики Польша в Иркутске Станиславом Сокулом посетили вершининское кладбище, возложили цветы на могилы ветеранов войны, и не только поляков, почтили их память, сделали памятные снимки с жителями села. Зыгмунт Милошевский подарил музею карты, предметы с армейской символикой, книги, посвященные Второй мировой войне.

В день святого Станислава, во имя которого освящен вершининский костел, посетил Польский дом и епископ Кирилл Климович.

Так идет становление работы Польского дома. На пути много трудностей, однако общими усилиями их можно преодолеть.

Второго ноября 2005 года в Вершину была привезена па-

Вальдемар и Халина Ковальские. 2005 г.

мятная доска, посвященная жертвам сталинских репрессий. 30 жителей села по необоснованному обвинению в принадлежности к «врагам народа» были расстреляны 19 февраля 1938 года. Инициаторами изготовления памятной доски стали председатель и члены общества «Висла». А спонсорскую поддержку искал и нашел вице-консул Республики Польша в Иркутске В. Ковальский в своем родном городе Островце Швентокшиском. Сделана доска из латуни и весит 150 килограммов. Это памятный подарок от поляков Польши полякам в Сибири.

Благодаря В. Ковальскому в 2004 году группа детей из Вершины совершила незабываемую поездку в Польшу. Дети запомнили этого человека, который провожал их на вокзале в Иркутске и там же встретил по возвращении из Польши.

Уезжая из Иркутска летом 2005 года, В. Ковальский на память о себе подарил Польскому дому компьютер. Не менее ценно и то, что он оставил Польскому дому свой талисман: эмблему с нашивкой польского белого орла. Когда шла война в Югославии, В. Ковальский был ее участником. Именно эта эмблема, по его мнению, приносила ему счастье, а также веру в жизнь и возвращение на родину. И этот талисман теперь обрел свое достойное место в Польском доме.

**Памятная доска жертвам репрессий в Вершине.
Фото Ю. Лыхина, 2005 г.**

Станислав Сокул, Генеральный консул Республики Польша в Иркутске, придавал встречам более официальный характер. Он с пониманием отнесся к созданию общества «Висла», а также внес неоценимый вклад в развитие культуры в селе Вершина. С. Сокул заботился об обучающихся в России студентах, которые имеют польские корни. Просвещение и обучение польской молодежи для него первейшая задача.

Организованная С. Сокулом встреча с народной артисткой России Раисой Рязановой оставила неизгладимый след в душах вершининцев.

Так переплетаются дела и события в становлении общества «Висла», происходит единение людей, борющихся за сохранение культурного очага в таежной глубинке. Даже сделав минимум, члены общества «Висла», сами того не замечая, не дадут кануть в Лету прошлому, сохранят настоящее и повлияют на будущее.

О Вершине узнают всё больше. Пишут о ней разное. Есть и злые отзывы, но больше все-таки хороших. Но не это главное. Ведь если о Вершине пишут, значит, она не забыта, как было до 1990-х годов. Значит, есть о чем писать.

Были в Вершине гости из Австралии, Канады, Германии, Чехии, Польши. Многие из них о Вершине уже что-то читали, им интересно пообщаться. Они готовы приехать сюда на день, на час и даже на минуту, чтобы увидеть всё своими глазами. Некоторые задерживаются на более долгий срок.

Земляки из Польши о сибирских поляках, о сибирской Вершине пишут так: «Дорогие жители села Вершина, наши соотечественники! Вершина — это прекрасный уголок, а одновременно история наших соотечественников, рассеянных по всему миру. Благодарим Вас за гостеприимство, сердечность, которые тронули нас до глубины души. Общаясь с Вами, мы чувствовали себя как дома. В Ваших сердцах жива польская душа. Мы гордимся Вами. Благослови Вас Господь. До новых встреч. 16 мая 2005 г.».

ANNOTATION

Vera M. Figura. The Polish cultural society «Visla» in Vershina.

The article gives an account of the history of formation of the Polish cultural society in the village Vershina officially registered in March 2002, elucidates its various activities, one of the results of which is the opening of the Polish House in Vershina in summer 2005.

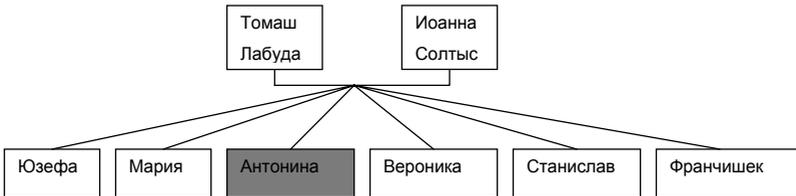
МОИ КОРНИ

*Юлия Ренатовна Шайхразиева,
ученица 11-го класса средней
школы № 14, г. Иркутск*

В моей семье бабушка и дедушка говорят на польском языке. С детства этот язык мне привычен. Часто бабушка и дедушка рассказывали мне разные случаи из своей жизни, пели песни и рассказывали сказки на польском языке. Они брали меня с собой в село, где все говорили по-польски. Поэтому польская речь для меня не была удивительной. Потом показалось странным, что польское село находится в Сибири, так далеко от самой Польши, и захотелось узнать о судьбе поляков в Сибири. Оказалось, что истории русского и польского народов тесно связаны, переплетены судьбы многих людей.

Мои корни — из Домбровского бассейна. В 1905–1907 годах там разразился экономический кризис. Из-за кризиса в Польше становилось очень трудно жить. Кроме того, переселению в Сибирь способствовала столыпинская аграрная реформа, которая обещала большие льготы желающим переселиться за Урал. В поисках лучшей жизни вместе с другими шахтерами-поляками в Сибирь отправились мои прапрадедушка Томаш Лабуда и его жена Иоанна (урожденная Солтыс). Они были родом из Загужа и работали в шахте. Вместе с ними поехала их дочь Антонина (моя прапрабабушка).

Поляки ехали на поезде. Как рассказывала моя бабушка, в мае 1910 года польские семьи прибыли на станцию Черемхово, откуда они двигались на подводах, нагруженных самыми

необходимыми для обустройства вещами, такими как плуг, топоры и др. Многие из этих вещей, даже самые недорогие, привезенные в то время из Польши, стали ценными реликвиями семей. Поляки шли по реке Ида. Буряты — коренные жители — были далеко не рады полякам, прибывшим осваивать землю, которую буряты испокон веков считали своей. Доехали до нужного места, осмотрелись: кругом тайга — нетронутые леса, дикие звери. Сейчас это переселение может показаться простым и естественным, но тогда оно было необыкновенно трудным, и только отчаявшиеся люди могли пойти на такой шаг.

С местными жителями отношения сложились не сразу. Поляки понемногу осваивались, некоторые, как вспоминает бабушка, ходили на работу к бурятам, а те платили им за это деньги. Среди молодежи случались и хулиганские выходки. Польские дети, к примеру, могли остаться без собранной в лесу ягоды, если по дороге домой они попадались на глаза бурятам: ягоду или отбирали, или рассыпали. Но особых конфликтов не было, среди учителей были буряты, дети учились вместе, общались, помогали друг другу.

Первым делом переселенцы корчевали лес и сооружали землянки — постройки, которые представляли собой «пе-

Вершина. Дом Антонины Лабуды, в котором ныне живет ее дочь Франчишка. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.

Антонина Лабуда, около 1970 г.

щерки», выкопанные в возвышенностях. В этих землянках и предстояло полякам выдержать суровую сибирскую зиму. Если сейчас в кирпичном доме при отсутствии отопления зимой холодно, то страшно представить, что пришлось испытать переселенцам. Строить деревянные дома начали уже позже. Готовых строительных материалов у них не было, поэтому приходилось вручную валить лес, пилить бревна на доски. Для покрытия крыши домов готовили специальный материал — «драньё» (большие щепы из сосны).

Переселенцы в Сибири выращивали такие культуры, как рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо, рыжик. «Зерно мололи на ручных жерновах. Получали муку разного помола и крупу. Из рыжика делали растительное масло. Зимой в ограде специально делали лед, на котором разлаживали просо, молотили его и получали зерно», — рассказывала моя бабушка. Потом появились молотильные машины. Народ в деревне был работающий — жизнь заставляла трудиться постоянно. Сами делали хозяйственный инвентарь: телеги, плуги, веялки, ручные мельницы, выделывали кожу и шили из нее обувь и сбрую для лошадей, катали валенки из овечьей шерсти, украшали резьбой дома.

В 1930-х годах был образован колхоз «Красная Вершина». Как рассказывала бабушка, тогда закрыли костел и запретили преподавать польский язык в школе. В 1937 году были арестованы и вывезены из Вершины 29 мужчин и одна женщина. Их расстреляли по приговору «тройки». Эта женщина — моя прапрабабушка Анна Янашек. Она держала свою небольшую лавку, за что ее и арестовали. Позже все они были реабилитированы.

В Вершине были свои традиции. Скорее всего, они были привезены из Польши, хотя, возможно, и зародились уже здесь, в Сибири. Существовал особый обычай: ко дню именин

несколько человек, которым именинник был особенно дорог, собирались вместе и делали для него в секрете ото всех венки. Поздно ночью накануне именин они приходили к его дому. Задача была простой: повесить этот венок на дверь так, чтобы именинник их не заметил. В венке оставляли пожелание с надписью: «Ищи меня!». Именинник, конечно, догадывался, что кто-нибудь придет, и тоже выжидал, прислушивался, присматривался. Это забавляло людей и приносило много радости, потому что надо было угадать тех, кто постарался.

В селе отмечали разные праздники. Моя бабушка рассказывала, что в Рождество, после того как костел закрыли, они собирались семьей и пели колядки, например ее любимую — «W środ noszej ciszy». В праздник Троицы ставили в дом березку. До праздника наводили порядок, старались сделать основную работу. Пол был некрашенный, поэтому перед праздниками его посыпали песком и отчищали вениками из березовых веток. После такой уборки пол становился желтеньким и приятным. Отмечали Пасху, праздник трех волхвов. Готовили разные блюда: zur, zacierka, polewka, kapuśniak, flaczki, krupnioki, placki.

Дочери Антонины Лабуды (слева направо): Франчишка, Ванда и Елена. Вершина, вторая половина 1980-х гг.

**Степан Петрас, муж Ванды
(урожденная Таублер),
1940-е гг.**

«В школе было всего 2–4 класса, поэтому молодежь сама себе находила развлечения: увлекались резьбой по дереву, сами учились играть на балалайках и гармониях, организовывали игры (городки, лапта), сами делали качели, карусели. Молодежь совершенно не увлекалась спиртным», — вспоминает моя бабушка. Одевались плохо и питались скудно. У моей бабушки с сестрами, например, были одни валенки на троих, поэтому в школу ходила по очереди: одна приходила домой — другая шла учиться. В школе учителей не хватало, уроки младших и старших классов совмещались: в одном ряду сидели, например, второклассники, а в другом — ученики четвер-

того класса. Учитель работал то с одними, то с другими. На четверых человек была одна книжка, но дети все равно занимались с интересом. Чернила делали из сока свеклы, сажи или из лиственничной коры. Бумаги не было, поэтому писали на том, что находили: чистые поля газет, клочки бумаги и т. п. Часов тоже не было, и приходилось надеяться на собственную интуицию и чувство времени. Из-за того, что не было проведено электричество, большим дефицитом был керосин. Радио тоже появилось, конечно, не сразу.

Тяжелее всего было во время войны, когда все здоровые мужчины были на фронте. Женщинам приходилось работать не покладая рук. «Всё для фронта, всё для победы!» — девиз страны, которым всё сказано. Всё отдавали на фронт (сдавали масло, мясо, сушили картошку, вязали варежки, носки), жили впроголодь. Животные на ферме были совсем обессилены. Коровы не могли стоять на ногах, и женщины сами тянули их, переносили из стайки на лужок, чтобы они хоть немножко поели травы.

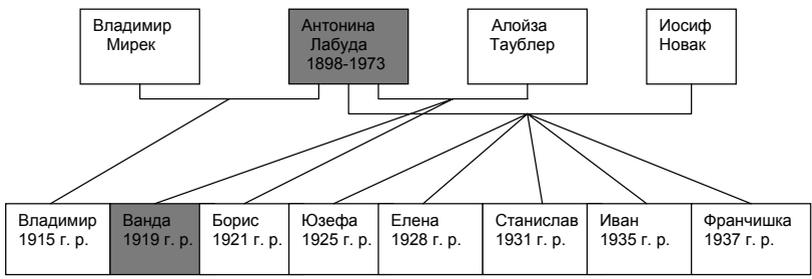
Братья Антонины Лабуды (моей прапрабабушки), Станислав и Франчишек Лабуда, были на войне. Станислав остался

после войны в Беларуси. Франчишек служил в Войске Польском, а после войны решил остаться в Польше. Он постоянно посылал письма, но из-за того, что название села менялось («Красная Вершина» и т. п.), они не доходили.

В Вершину приезжал корреспондент и брал у многих сельчан, в том числе у моей прапрабабушки Антонины, интервью и снимал на камеру. Эта пленка была показана в Польше. Кристина (дочь Франчишка Лабуды) увидела по телевизору сестру своего отца, которая кормила кур и рассказывала свою историю. «Tato, tato! Pokazują twoją siostrę», — примерно так Кристина сообщила отцу эту неожиданную новость.

Летом 1972 года Франчишек Лабуда вместе с женой Марией приехал в Вершину. Встреча принесла много радости, впечатления остались незабываемыми. В октябре того же года Антонина умерла. Вот так, перед смертью, сбылась ее мечта увидеть брата. Я очень признательна корреспонденту, который брал интервью, и благодарю Бога за то, что родственники Франчишка увидели эти кадры, в результате чего наша семья нашла своих родственников. Сейчас дети Франчишка и Марии

Лабуда проживают в разных городах Польши. Наша семья поддерживает с ними связь через письма, телефонные разговоры и встречи.

Из детей моей прапрабабушки Антонины я была лично знакома только с Франчишкой и Иваном, который недавно умер. Период 1970–1980-х годов был богат встречами в Польше: в 1974 году там побывала Франчишка с мужем Борисом, а в 1980-м — Ванда с внучкой, Ольгой Валентиновной Литвиновой (ныне Гавриловой).

**Михаил Петрович и Станислава Степановна Янашек.
Иркутск, 1996 г.**

Мои дедушка и бабушка, Михаил Петрович и Станислава Степановна Янашек, в 1966 году переехали из села Вершина в город Иркутск, где окончательно обосновались. Дедушка — водитель со стажем, всю жизнь проработал на одном предприятии, был награжден значком за работу без аварии. Сейчас он ветеран труда. Бабушка достигла успехов в области бухгалтерии на предприятиях торговли, у нее тоже имеется много благодарностей и ценный для нее значок «Ударник коммунистического труда». Сейчас они оба на пенсии и любят заниматься садоводством. Их рассказы о молодости и интересные истории из жизни приносят удовольствие как им, так и нам.

Одной из достопримечательностей Вершины является гора Миру — мир. Такое название она носит из-за того, что раньше школьники красили известью надпись «Миру — мир», выложенную из камней на горе. Стоя на вершине горы, я думала о том, что поляки-ходоки удачно выбрали место для жилья: чистая горная река, тайга, богатая ягодами, грибами и разнообразием диких животных. А вокруг Вершины сопки высотой до тысячи метров. Сейчас это место, сохранившее свой родной язык, называют маленькой Польшей.

ЛИТЕРАТУРА

Масярж В. Польская деревня Вершина (1910–1937 гг.) // Научно-информационный бюллетень гуманитарного общественно-научного центра. — 1995. — Март (№ 3): Поляки в Сибири. — Иркутск, 1995.

ANNOTATION

Julia R. Shaikhrazieva. My roots.

The author of the article, the school-girl of Irkutsk, by the accounts of the kindred observes her genealogy going back to one of the first migrants of the village Verzhina which left the Dombrov coal basin in the Poland moving to Siberia at the beginning of XX century.

СЪЕМКИ ПЕРВОГО ФИЛЬМА О СЕЛЕ ВЕРШИНА ПОЛЬСКИМИ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТАМИ

*Болеслав Сергеевич Шостакович,
доктор исторических наук,
профессор Иркутского
государственного университета*

Описываемые события происходили в июне-июле 1969 года, в самый разгар лета. Стояли частые в Сибири для указанного времени года сухие и чрезвычайно знойные дни. Именно тогда из Иркутска отправился в польское село автобус Восточно-Сибирской студии кинохроники с двумя польскими кинодокументалистами — режиссером Владиславом Форбертом и оператором, его тезкой, Владиславом, фамилию которого не сохранила память, — с целью проведения там съемок фильма. В группу, сопровождающую польских деятелей кино, входил и автор этих строк.

Сейчас уже трудно точно вспомнить, с чего именно начался данный, как сказали бы теперь, проект. Да, по правде говоря, я и не был посвящен во все его подробности. Кто-то позвонил с местной студии кинохроники на исторический факультет Иркутского госуниверситета и попросил выделить консультанта для польских коллег, прибывших в рамках партнерского соглашения с Госкино для съемок чудом сохранившегося в сибирской глубинке села с польским населением. Выбор пал на меня, молодого аспиранта кафедры всеобщей истории ИГУ, только недавно приступившего к научному изучению истории поляков в Сибири. Мне было предложено поехать в качестве практического консультанта по истории указанной проблематики и заодно — для более близкого знакомства с современным состоянием среды польских переселенцев в Сибирь, в том числе и для сбора необходимого источникового материала. Здесь следует пояснить, что в ту пору еще представлялось — как мне самому, так и моему кафедральному и научному руководству, что тема, избранная для будущего моего диссертационного исследования, вместит в себя все аспекты широкой и многоплановой проблема-

тики во всей ее возможной полноте, в том числе и такой ее подраздел, как история польских переселенцев в сибирских регионах.

Кто и почему решил снимать фильм на в общем-то специфичный сюжет, культурно-историческое и этнографическое содержание которого оставалось на тот момент во многом еще совершенно неизученным? Почему для киносъемок было выбрано именно село Вершина, о котором даже в Иркутске знали тогда немногие, а уж тем более в далекой Польше? Эти вопросы неизбежно возникали у каждого, кто узнавал о задуманных съемках, ибо они выглядели очень необычными, не вписывались в стандарты того времени, когда повседневная жизнь достаточно жестко регламентировалась «указаниями сверху». Было вполне очевидным, что «где-то там, в руководящей сфере» дано какое-то разрешение или даже «рекомендации» на создание подобного фильма. Однако конкретные детали появления этого решения так и остались неизвестными общественности, что порождало разного рода домыслы.

Удалось выяснить лишь общий замысел проводимых киносъемок. Группа польских кинодокументалистов под общим руководством видного режиссера Ежи Боссарта, в рамках сотрудничества со своими советскими коллегами и при их поддержке, приступила к съемкам большого документального фильма о тогдашней советской Сибири. Коллектив разделился на несколько малых подгрупп, каждая из которых выехала на съемки отдельных сюжетов в различные места огромного зауральского края советской России. Одна из таковых и была направлена в село Вершина для съемок современной жизни бывших своих соотечественников, волею исторических обстоятельств сделавшихся сибиряками.

Помнится, что уже по дороге, несмотря на палящий зной и тяжелую, в значительной части не асфальтированную, проселочную дорогу (на открытом солнце металлический корпус автобуса буквально раскалился и воздух в нем был, как из печной топки; к тому же донимала всепроникающая тончайшая глиняная пыль, из-за которой лица всех участников поездки приобрели темно-коричневый оттенок), польские кинодеятели взволнованно обсуждали предстоящую встречу с сибирскими поляками, прикидывали, как лучше выстроить композиции съемок, восхищались местными ландшафтами, заранее намечая места будущих съемок природного фона.

Сразу по прибытии в село интерес к нему и его жителям оказался подкреплен наглядными примерами. Первые фразы,

***Старое здание Вершининской школы,
сгоревшее в 1980-х гг.
Фото 1970 г.***

приветствия, вопросы, обращенные гостями по-польски к детям, пробегавшим по сельской улице, легко были ими поняты и встречены бойкими ответами на родном языке.

Всех прибывших разместили в здании местной школы, и развернулась продолжавшаяся более недели работа над фильмом.

Ее начало заключалось в сборе необходимого подготовительного материала. Обходили дома старейших жителей, сохранивших в памяти события переселения, документы, иные свидетельства прошлого. Богатый фольклорный материал — песни, рассказы старейших жителей (в большей степени женщин, в частности Антонины Новак) об истории переселения их семей и т. п. — записывался польской киногруппой на профессиональном оборудовании с высоким звуковым качеством. В ту пору в обиходе историка-исследователя портативные магнитофоны попросту отсутствовали, исключая только какие-то редкие, особые случаи. Потому мне приходилось довольствоваться наблюдением за тем, как уникальный материал оперативно накапливается у польских коллег.

Киногруппа наметила несколько больших сюжетных «блоков» для проведения съемок. Наряду с кинофиксацией отдельных разговорных сюжетов, записей музыкального фольклора, повседневных бытовых и хозяйственных сцен были определены темы, в которых можно было бы показать специфику местной жизни. Среди таковых мне особенно запомнились две. Одна представляла собою организованный теплым летним вечером массовый выезд мотоциклистов. По замыслу режиссера, этот сюжет должен был наглядно отразить зажиточность селян, у которых в то время было около сотни собственных мотоциклов, а кое-кто имел и автомобили. Другим, еще более колоритным сюжетом явился специально устроенный в выходной день общий праздник поляков-вер-

шининцев с их соседями и товарищами по совместной производственной деятельности в многонациональном колхозе, носившем символичное название «Дружба», — бурятами, а также украинцами, литовцами и представителями иных национальностей, проживавшими в близлежащих деревнях. В то время все они составляли отделения этого колхоза. На мой взгляд, здесь в непринужденной форме застолья на природе и концерта-экспромта наиболее красочно и живо были продемонстрированы и запечатлены на киноплёнку многие национальные традиции и обычаи — польские, бурятские, украинские, татарские и другие.

После долгих жарких в прямом и переносном смысле съёмочных дней усталые участники группы ещё далеко за полночь засиживались у костерка с местными жителями, приходившими теплыми вечерами навестить гостей и поговорить с ними о всяческой всячине. Запомнились характерные споры о том, где живется лучше — в Польше или в Сибири. В этих дискуссиях вершининцы неизменно отстаивали позицию убежденных местных патриотов. Они горячо доказывали, что хотя и знают о своих польских корнях, однако своей нынешней родиной считают Сибирь, которую никогда и ни на что не променяют. В одной из таких бесед весьма любопытные свидетельства привел зашедший на огонек простоватый на вид пожилой бурят. «Вот ведь какая штука, — с усмешкой рассказал он. — Мои внучата на улице постоянно играют с польскими детьми и научились уже говорить по-польски. Возвращаются домой и продолжают между собой разговаривать, а мы с бабкой ничего не понимаем... А попробуй спросить их о чем-нибудь по-бурятски, они вовсе не знают своего языка. Не умеем мы, как поляки, хранить свою родную речь», — с сожалением заключал он.

Примерно год спустя в Иркутске на афише кинотеатра «Хроника» появилось название документального фильма о Сибири польского режиссера Боссарта, не поручусь за точность, что-то вроде «На восток от 60° северной долготы». Я был на одном из сеансов демонстрации этого фильма. В нем действительно шла речь о современной Сибири: фигурировали там Академгородок в Новосибирске, добыча алмазов в Якутии и ряд других примет развития нашего края, однако сюжет о селе Вершина отсутствовал в нем полностью.

Уже много позднее, в начале 1990-х годов, когда по своим научным и преподавательским делам я в очередной раз оказался в служебной командировке в Республике Польша,

неожиданно возникла мысль посетить Варшавскую студию документальных фильмов и попытаться разузнать о судьбе материалов уже тогда достаточно давней польской киноэкспедиции в Вершину. Отыскав номер телефона этого солидного кинопредприятия и созвонившись с его руководством, я приехал туда в условленное время и получил возможность просмотреть ряд интересных киноматериалов, относящихся к теме «Поляки в Сибири». В том числе, к большому моему удовлетворению, гостеприимное руководство нашло в своем киноархиве фрагмент фильма из описанных мною съемок в Вершине и подарило мне его видеокопию. Эта небольшая, целиком смонтированная хроникальная пленка сохранилась на варшавской киностудии под названием «Деревня в тайге» и без каких-либо пояснительных титров. Совершенно очевидно, что данный сюжет и был первоначально подготовлен для включения в большой фильм о Сибири, но по каким-то причинам, опять-таки нам неизвестным, он не попал туда.

Указанный фильм, к сожалению, содержит лишь минимальную часть довольно обширного материала, который был в свое время отснят и записан (в аудиоверсии) в селе Вершина. В ответ на расспросы я получил разъяснение, что еще в годы Народной Польши режиссер В. Форберт эмигрировал, кажется в Швецию, забрав при этом с собою и весь свой творческий архив.

С того времени, когда происходило все описываемое, прошло почти 40 лет. Естественно, что многие подробности уже начали постепенно стираться в памяти. Несомненно лишь то, что данное любопытное и неординарное событие заслуживает быть отмеченным и сохраненным в истории польского села в Восточной Сибири.

ANNOTATION

Boleslav S. Shostakovich. The shooting of the first film about the village Verшина by the Polish documentary camera-men.

The reminiscences of the professor of Irkutsk elucidate the unknown episode in the history of the Polish documentary. The direct participant of the described events narrates about the journey of the Polish documentary camera-men in the village Verшина in summer 1969 for shooting the film about the modern life of their former compatriots.

МОИ ВСТРЕЧИ С ВЕРШИНОЙ

*Ян Павел Трык,
директор издательства «DrukTur»
г. Варшава, Польша*

Географией и культурой востока, в особенности районов континентальной Азии, лежащих за Уральскими горами, я интересовался с детства. Сначала это проявилось только в просмотре карт и географических атласов, а также в чтении книг либо тематических статей в журналах. Наконец пришло время моей первой персональной встречи с востоком, был то 1976 год. После этого я был там, то есть на востоке, несколько десятков раз, исходил вдоль и поперек Казахстан, Киргизию, Китай, Монголию, Северную Корею, а прежде всего Россию: Урал, Сибирь, вплоть до Камчатки и Сахалина.

Как это получилось, что только в 1992 году, спустя столько лет путешествий по востоку, я попал в наиболее известное «польское» село в Сибири — село Вершина? Возможно потому, что о нем было широко известно из разных, хоть и не всегда правдивых, сообщений прессы и передач телевидения. А я всегда соблюдал, как и в настоящее время, большую дистанцию по отношению к местам и вещам, мощно и громко рекламируемым в средствах массовой информации.

Однако вопрос о посещении села Вершина постоянно возвращался ко мне при каждом пересечении Уральских гор, конечно, если я ехал туда поездом или автомобилем. Почему именно на Урале? Видимо потому, что там, на 1777-м километре железной дороги, идущей от Москвы и Санкт-Петербурга через Котельнич и Екатеринбург в Сибирь, минуешь почти незаметный железнодорожный полустанок с названием Вершина, которое напоминало мне «польскую» Вершину, лежащую в окрестностях Иркутска. Находится этот полустанок точно на 60-м градусе восточной долготы, в месте, в котором железная дорога пересекает водораздел на Урале, являющийся исторически условной границей между континентами. Около станционного здания стоит больших размеров пограничный столб с надписью «Европа — Азия».

Наконец я решил, что посету ту «польскую» Вершину на обратной дороге с Сахалина, где я искал в том числе следы

Улица Вершины. Фото П. Трыка, 1992 г.

жизни и деятельности Бронислава Пилсудского, родного брата Юзефа Пилсудского, а также остатки строительства ширококолейной железнодорожной линии с Азиатского континента на Сахалин (действующая железная дорога на острове — узкоколейная). При первом посещении со мной были мои молодые варшавские товарищи — Михал Абрамчик, Анджей Пжедпелский и Себастьян Яблковский, с которыми мы вместе путешествовали по прекрасному острову Сахалин. Пятым был наш симпатичный иркутский товарищ, учитель географии, также любитель путешествий — Анатолий Львович Горелик.

До Вершины мы добрались рейсовым автобусом из Иркутска, который до конца XX века ходил ежедневно, один раз в день. За поселком Бохан (центр Боханского района, в котором находится село Вершина), к сожалению, асфальт кончился. Последние два часа пути были преодолением полевой дороги, размякшей после многодневных проливных дождей. Только в селе Тихоновка, которое мы проезжали, был участок дороги с асфальтовым покрытием. До Вершины доехали в вечернее время того же дня.

Вышли мы из автобуса в центре села, поблизости от бывшего Дома культуры, в состав которого входило здание реставрируемого бывшего польского костела. Первые слова, услышанные нами на вершининской земле: «День добрый, пан». Это сказали по-польски местные дети, которые не мог-

ли знать, откуда мы. Только позднее нам объяснили, что каждая неизвестная местной общественности личность должна быть из Польши, так как никто другой сюда, на край света, не приехал бы. Российские и заграничные туристы в поисках тишины и лесной глуши наверняка поедут в иные, по их мнению более интересные, места, расположенные у озера Байкал. Следовательно, приезжающими могут быть только поляки.

Когда мы осматривались вокруг в поисках подходящего для установки палатки места, подошел ко мне один из жителей села, Владимир Бичегкуев, который тоном, не терпящим отказа, пригласил нас в свой дом. О других возможностях ночлега, то есть в палатках, он не хотел даже слышать. Когда мы расположились в его доме, началось знакомство. Оказалось, что он не русский, не поляк, а осетин (один в селе), а жена его — полька, Регина, урожденная Митренга.

Следующий день пребывания в Вершине мы посвятили знакомству с селом, его окрестностями и его жителями. Все постройки здесь выполнены исключительно из дерева, как и школа, и римско-католический костел, реставрируемый в то время. В жилых домах наше внимание привлекли оконные рамы и наличники, которые были необычно богато украшены. Заборы и ворота усадеб также являлись образцом столярного искусства. Дворы большинства хозяйств имели деревянные мостки, сделанные из оструганных досок. В усадьбах было необычно чисто, и все хозяйства украшали цветы и зелень.

Посетили мы также вершининское кладбище, расположенное в нескольких сотнях метров от центра села. На подавляющем большинстве могил увидели римско-католические кресты, как новые, так и очень старые. Надписи на них были сделаны частично по-русски, частично по-польски. Большинство могил — в русском стиле, в Польше иногда встречающемся на Подлясе и в Полесье или в Карпатах: могилы огорожены выкованными железными оградами, которые часто можно отнести к образцам достойного удивления искусства.

Очень большое впечатление произвела на нас вершинская молодежь, которая, будучи четвертым поколением добровольных польских переселенцев, говорила на типичном диалекте Заглембя Домбровского и Олькушского уезда. К сожалению, старшие жители Вершины умели только говорить по-польски, так как не имели условий научиться читать и писать. Поэтому, чтобы облегчить им возможность отправлять религиозные обряды, молитвенники и песенники были написаны, правда, по-польски, но русскими буквами.

В этот самый день в первый раз я встретился с наиболее известной мне, пока только из прессы и телевидения,

На вершининском кладбище. Фото П. Трыка, 1992 г.

жительницей Вершины — Людмилой Фигурой (в настоящее время по мужу — Вижентас), которая тогда училась в Польше на отделении польской филологии Гданьского университета, а в Вершину приехала на каникулы. Это было началом наших многократных встреч, как в Вершине и Иркутске, так и в Польше, где Людмила иногда останавливалась у меня дома, и нашей 14-летней дружбы.

Также были встречи с иными жителями Вершины, однако проходили они немного по другому сценарию, в ходе организованных нашими хозяевами ежедневных ужинов, одобренных «ночными разговорами поляков», совместными песнями, а также игрой на балалайке нашего хозяина, Владимира Бичегкуева. Эти ужины состояли из местных блюд: польских, русских, бурятских и осетинских. Разумеется, плюс водка и самогон (очень вкусный) в соответствующих количествах.

Гостеприимству жителей Вершины можно было позавидовать — должен сказать, что с гостеприимством я встречался здесь при каждом посещении этого неповторимого села.

Снова в Вершину я приехал два года спустя, в 1994 году. Сделал я это, как и в прошлый раз, на обратной дороге после путешествия по Камчатке и Сахалину, где, так же как и раньше, искал какие-то там следы. В селе произошли большие изменения. На части главной дороги, проходящей через

село, было уложено асфальтовое покрытие, к сожалению, в ряде мест только вполовину ее ширины. В этом состоянии дорога находится и по сей день.

Другое изменение относилось к вершининскому костелу. После реставрации и оснащения он снова выполнял функции, для которых был построен в 1915 году. Владимир Бичегкуев построил новый дом, но в связи с незаконченной отделкой еще не переехал в него.

Мои очередные визиты в Вершину выпали на 2000, 2001, 2003 и 2005 годы. И как и прежде, происходило это на обратной дороге из каких-нибудь путешествий. При некоторых посещениях были со мной варшавские товарищи, среди которых Рафал и Патрик Ремишевские, а также редактор Ричард Чайковский. Бывал с нами также Константин Мамаджанов, один из многих наших сердечных иркутских приятелей. Это именно он в связи с транспортными проблемами в сообщении между Иркутском и Вершиной часто возил нас туда на своей машине.

В самой Вершине произошли значительные изменения, хотя, к сожалению, они не относились к разбитой асфальтовой поверхности главной дороги. В селе появились новые магазины, а также большое количество машин и мотоциклов. Появились и новые дома, в том числе первый и до сей поры

Дом Валерия и Людмилы Вижентас. Фото П. Трыка, 2005 г.

единственный двухэтажный дом Валерия Вижентаса и его жены Людмилы, урожденной Фигуры, заполненный говором их детей: Эвелины, Владка и Яська. В этом доме нас сердечно принимали каждый раз, когда бы мы ни приезжали в Вершину.

А Владимир Бичегкуев вместе с семьей покинул Вершину, выехав в Осетию. Свой дом с хозяйственными постройками он продал Вершининскому польскому культурному обществу «Висла», руководимому Людмилой Вижентас. В настоящее время этот дом выполняет функции Польского дома в Вершине, в котором встречаются жители села, а приезжающие из Польши гости могут найти ночлег.

Одновременно я обратил внимание на то, что, так сказать, «что-то висит в воздухе». Были это сильно скрываемые проблемы жителей села, но не повседневные хозяйственные, а связанные со все чаще приезжающими сюда группами из Польши. Я заметил, что жители Вершины очень радуются каждому визиту соотечественников с Вислы, хотя большинство этих посещений для них мучительны, даже (хотя бы по моему мнению) оскорбительны. И это является результатом не отсутствия личной культуры посетителей, а прежде всего их отношения к вершининцам, которые не могут понять, почему многие приезжие стараются склонить их к выезду на постоянное жительство в Польшу. Ведь для жителей села отечеством является этот маленький фрагмент огромной Сибири, с которым они срослись уже в четырех поколениях, на котором они воспитаны и в котором привыкли жить.

Каждый раз, как приезжаю в Вершину, я организую себе путешествие в горы, окружающие село. Это горы не очень высокие, густо поросшие тайгой, подобные горам Краковско-Ченстоховской возвышенности в Польше, из окрестностей которых происходили первые жители Вершины. С самой высокой точки гор открывается чудный пейзаж: межгорная долина с селом и выходящая по нему рекой и бесконечным морем тайги вокруг.

Пожелаем, чтобы этот «польский островок» в Сибири, ставший малой родиной для живущих здесь людей, существовал и развивался дальше...

ANNOTATION

Yan Pavel Tryk. My meetings with Vershina.

The Siberian village Vershina habited by the descendants of the migrated Poles is presented in the article with the looks of the Polish tourist being many times in Vershina during 1990–2000-s years.

ПУТЬ В ВЕРШИНУ И ПУТЬ ВЕРШИНЫ

*Отец Игнацы Павлусь,
настоятель прихода Успения Богородицы,
глава Иркутского деканата
епархии Св. Иосифа,
г. Иркутск*

В 1910 году, примерно в 135 километрах от Иркутска, на так называемом Трубачеевском участке группа поляков из Петроковской и Келецкой губерний (ныне юг средней полосы территории Польши) основали село Вершина. На родине мужчины с семьями жили в деревнях, но работали в шахтах. Небольшие заработки и такие же крохотные участки земли не обеспечивали хотя бы прожиточного минимума их семьям. Ежедневно заглядывала им в глаза госпожа беда, иногда отчаяние и смерть. Самые смелые из них решили покинуть малую отчизну и уехать куда-то ради лучшей жизни. Кто-то поехал в Германию, кто-то — в Америку. Были и такие, кто отправился в Сибирь. Мне особенно нравятся эти последние. Как не восхищаться отвагой этих смельчаков, отсутствием смирения с бедностью и крепкой надеждой на лучшее будущее! Личными качествами основатели Вершины доказали, что они представляют собой наиболее здоровую часть своей нации, что страх для них — ничто, а риск — хороший спутник жизни. Кроме того, польские мигранты привезли в Сибирь свою веру, свои традиции и практические умения. Конечно, они вложили немалую лепту в развитие их новой родины. Позвольте мне посвятить им эту статью.

С Вершиной я знаком лично почти 15 лет. Знаком? Не то слово! Я весь в нее врос. Она — частица моей жизни. На нее опирается мое право поделиться с вами, читатели журнала «Тальцы», своими воспоминаниями. С удовольствием дарю вам крошку своего опыта, связанного с этой уже не позабытой Богом и людьми местностью. Хотелось бы также поговорить с вами и о ее будущем.

Казалось бы, что мне известны все пути, ведущие в Вершину, что знаю все ее улицы, дома и даже их владельцев. В течение многих лет приезжаю туда два раза в месяц. В деревне время течет быстро. От его недостатка я не смог ис-

полнить долг пастырский так, как это нужно Божьему народу. Денек-два — это слишком мало, чтобы досыта пообщаться с людьми.

Тем более что во мне живет сильное чувство привязанности к Вершине и ее обитателям. И не только оно. Есть еще чувство обоюдной тоски: я тоскую о Вершине и она обо мне. Конечно, там не всем скучно без меня, но многие искренне ждут моего приезда. Среди них и те, кто приходит в храм, и те, кто еще не нашел пути к нему.

Россия уже давно стала моей второй родиной. Я отношусь к ней, как к родной матушке. Но приезжая в Вершину, я опять в Польше. Звучит родная речь в разговорах, молитвах и песнях. Традиции такие же, как в родительском доме.

Увы, годами приобретенный мной опыт Вершины совсем недостаточен, чтобы быть знатоком многообразных сельских проблем. И вообще, кому до конца известна Вершина? Я такого человека пока не видел. Поэтому радуется уже сам факт, что журнал «Тальцы» решил представить и приблизить своим читателям одно из красивейших и уникальных сел Боханского района. Дай Бог, чтобы благодаря его статьям Вершина стала еще более известной и посещаемой.

О Вершине понаслышке

Я 25 лет сидел за партой начальной школы, лицея, семинарии и академии в Польской Народной Республике. Тогдашние школьные и вузовские программы освещали жизнь поляков во многих странах мира, кроме СССР. Изучая историю, мы узнавали, что во времена царизма Сибирь для многих поляков стала местом ссылки, и только. Поэтому я окончил лицей, не зная, что в начале XX столетия много поляков прибыло в Сибирь за хлебом.

Все поменялось в Польше в период перестройки. Именно тогда СМИ заговорили там о поляках в СССР. Однажды варшавское телевидение показало репортаж о Вершине. Это было для меня и многих моих соотечественников настоящим откровением. Лично я о существовании в Сибири села с польским населением не знал. Что поляки живут в Литве, Беларуси и Украине, было всем известно. Но чтобы еще в Сибири?! Это откровение! Помню, как меня удивили в репортаже родная речь и пение соотечественников из Вершины.

К этому добавлю еще один штрих. До приезда в Россию я жил в Кракове. В один осенний день 1990 года мне попала в руки «Газета Выборча» с заметкой о Марианне Добровольской — учительнице из Польши в Вершининской школе. Пани Марианна приехала туда из города Конин, чтобы весь школь-

Марианна Добровольская с сыном и невесткой. Конин (Познаньское воеводство, Польша), 1995 г.

ный год учить детей польскому языку. «Сибирь — живописная природа и прежде всего люди удивительной доброты. Я готова продолжить там свою работу и в следующем году», — приблизительно так сказала она журналисту...

При этом представьте себе, что я тогда не предполагал, что именно Вершина станет частицей и моей истории. Когда в начале 1991 года собратья по ордену и друзья узнали о моем назначении работать в Иркутске, некоторые из них сразу посоветовали заняться и Вершиной. Первым заявил об этом о. Юзеф Пырек, родом из деревни Рацлавице под Краковом. «В 1910 году, — говорил он, — несколько моих односельчан выехало в Сибирь и поселилось в Вершине. Меня интересует их судьба». Вторым сделал это близкий мне человек, профессор-языковед Мариан Куцала из отдела Польской академии наук в Кракове, наверное, первый ученый в Польше, опубликовавший в научных журналах статью о существовании в Вершине уникального польского диалекта.

Еду в Вершину!

Поздним вечером 19 марта 1991 года я находился в московской квартире о. Тадеуша Пикуса. В настоящее время он — вспомогательный епископ примаса Польши кардинала Иосифа Глемпа. В то время был духовным опекуном польских

работников в столице СССР. Визит к нему — лишь короткая остановка во время моей первой поездки в Иркутск и, конечно, в Вершину. Я видел в этих местах первоначальное пространство для своей пастырской деятельности.

За чашкой чая о. Тадеуш предоставил мне обширную информацию о Вершине. Он знал о ней не понаслышке, так как Рождество 1990 года отметил в Иркутске и там иркутские поляки из организации «Огниво» пригласили его обсудить вопросы о возрождении католической приходской общины и о возможности возвращения ей храма. Однако наиболее прославился о. Тадеуш тем, что 24 декабря отслужил первую божественную литургию в иркутском «Польском костеле» после его закрытия в 1938 году. На следующий день его приветствовала Вершина. Также там свершились и святая месса и встреча с жителями села. После возвращения в Москву о. Тадеуш позвонил мне в Краков и заявил: «Слушай, Игнацы, Иркутск ждет тебя! Но не только город. Вершина тоже. Там живут поляки! Их более трехсот человек. Ты им очень нужен»...

В тот зимний мартовский вечер мой собеседник поведал мне то, о чем сегодня более подробно можно прочесть в его двух книгах: «Слуги Евангелия в странах бывшего СССР» и «Католик в России». Слова о. Тадеуша, будто краски, рисовали в моей фантазии картину Вершины. Вот некоторые из них: «Представь себе обширную плоскую долину с небольшой рекой, окруженную красивыми невысокими горами. На ней располагаются три небольшие деревни. На правом берегу реки Иды находится Вершина, на левом — Нашата и Хонзой. Почти все дома построены вдоль дорог. Поэтому деревни довольно длинные. В них живет 300 или более поляков. Почти все крещеные. Старшие крещены еще в Польше или на месте иркутскими священниками, младшие тайно — бабушками Магдалиной Мычко и Кларой Фигурой. В нынешних условиях задача церкви — обеспечить их религиозные нужды. Тамошнюю паству необходимо регулярно окормлять Евангелием и святыми таинствами. Им нужна как воздух духовная пища, хотя не все имеют глубокие представления о вере. Многие веруют, многим, наверное, хочется верить. Поэтому в этой среде должен постоянно жить и работать польский священник. Тем более что вершининские поляки сохранили в трудных условиях жизни польский диалект и католические традиции. Их предки на волне энтузиазма сразу после поселения построили школу и храм. Нынче храм разрушен. Старая школа сгорела. Дети трех начальных классов учатся в новом школьном здании. Остальных автобусом доставляют в Дундай. Там находится средняя школа. А люди? Люди очень сердечные,

гостеприимные и красивые, как окружающая их природа. Когда туда приедешь, убедишься, что не вру».

Увы, в марте 1991 года мне не удалось посетить Вершину. Я собирался поехать туда в понедельник после Пасхи. Случилось так, что в тот день в Иркутске была сильная гололедица. Мой шофер отказался от поездки и был прав. В тот день в городе было много аварийных ситуаций. Свою мечту посещения Вершины я осуществил почти через полгода.

Четвертого августа 1991 года я вновь приехал в Иркутск, уже на постоянное место жительства и работы. Житейские проблемы стали причиной того, что моя первая поездка в Вершину состоялась 25 сентября. Это была среда. В хронике прихода Успения Богородицы в Иркутске в этот день записано: «Среда. Сегодня ранним утром впервые о. Игнацы вместе с польскими журналистами Пшемиславом Осуховским и Кшиштофом Самборским поехали на машине в Вершину». Позвольте мне, уважаемые читатели, осветить это знаковое событие шире.

Был дождливый день. За селом Оёк асфальтированную дорогу заменила грунтовка с ямами, лужами и грязью. Всех пассажиров желтой «шестерки» качало влево и вправо, вверх

Возле храма в Вершине (слева направо): глава Боханского района В.В. Хинданов, о. Игнацы Павлусь, глава Шаралдаевского сельского Совета Л.Р. Мантыков. 1992 г.

Восстановление костела в Вершине. Фото П. Трыка, 1992 г.

и вниз. Водитель Анатолий предлагал смотреть через окно на окружающую нас красоту природы...

Не помню, сколько часов наша машина боролась с бездорожьем. Но точно помню, что в два часа дня она вместе с уставшими пассажирами остановилась в Вершине недалеко от разрушенного храма. Мы подошли к нему. Полностью сохранились лишь стены из прекрасных лиственничных бревен. Крыша частично сорвана, башня сломана, окон нет. Я перекрестился и начал читать «Отче наш». Ну что ж, место святое остается святым. Никакой силе не удастся снять святость с этого места. Ее можно только осквернить, что и было сделано.

Вдруг моя нога попала в грязь. Наверное, дьявол старается отомстить, думаю. Вытянул я ногу из лютой грязи, но без полуботинка. Мы опять вернулись к машине и обсудили план дальнейших действий. В первую очередь нам необходимо найти Веслава Михалыка, учителя польского языка. Начиная поиск, мы подошли к стоящему перед храмом длинному зданию. Это был Дом культуры. Он пустовал. На доске объявлений — афиша с информацией о кинорепертуаре.

Вышедший из стоящего напротив магазинчика человек посоветовал искать учителя в школе. Машина снова двинулась с места и еле-еле поползла к деревянному зданию из бруса. В его стенах размещались школа-трехлетка и детский сад.

Видно, что здание недавно построили. Во дворе и внутри чистота и порядок. Час тому назад кончились уроки и более 30 учеников пошли домой. Но, к счастью, работал еще детский сад. Нас сердечной улыбкой встретила повараха и на польском диалекте предложила отобедать. Мы отказались. Тогда вежливая женщина показала нам дорогу к дому учителя. К этому времени у нашего желтого «жигуленка» собрались дети. Старший из них, Андрей Шмохин, проводил нас к учителю. Его обширный дом со ставнями располагался почти напротив храма. Учительскую усадьбу берег, как ангел-хранитель, старый деревянный журавль у колодца. На стук вышел хозяин и пригласил нас в дом. От затопленной печки расходилось приятное тепло. Конечно, пан Веслав не ожидал гостей, но радушно начал готовить деревенскую яичницу с хлебом и чай с какой-то таежной травой. Одновременно он рассказывал нам о себе и своих первых днях, прожитых в Вершине. Его беспокоила лишь судьба матери-старушки, оставшейся в Польше. Он у нее единственный сын. На жизнь в Вершине не жаловался. Люди приносят ему продукты. В школе он учит польскому языку детей в трех классах. По вечерам собирает группу молодежи на занятия по пантомиме. В школе ежедневно принимает ванну, завтракает и обедает. Ужинает дома. Иногда его кто-то приглашает в гости. Бывает, что сильно ощущает одиночество, и тогда он мечтает о субботней поездке в Иркутск, дабы посетить кино, театр и знакомых из «Огнива». На Рождество собирается в Польшу, чтобы найти источник помощи школе и детям...

После обеда любознательные журналисты предложили посетить кладбище. Оно расположено на живописном холме вблизи храма, огорожено штакетником. Некоторые фрагменты забора наклонились к земле, как вербы, в ожидании починки. Над всеми могилами качают ветвями березы и сосны. Большинство могил осеняют кресты, реже видны столбики с красной звездой. На них выписаны русскими буквами польские фамилии: Фигура, Янашек, Мыцка, Недбала...

Возвращаясь домой, мы могли любоваться осенней панорамой Вершины и соседствующей с ней Нашатой. Обе уставшие от дождя деревни окутала небольшая дымка. Спуск вниз по скользкой дорожке требовал осторожности. К счастью, никто не упал. После нескольких минут мы вновь сидели за столом в теплой кухне учителя. Горячий чай располагал к длинному разговору. Хозяин пил небольшими глотками из стакана лишь горячую воду. Иногда в дверь стучали дети. Пан Веслав выходил на крыльцо и вежливо объяснял, что занят.

Неожиданным для нас в тот вечер стал визит бригадира местного колхоза Сергея Николаевича Даниленко. Он пришел с пакетом провизии. Приятно, что самый уважаемый в деревне человек заботится об учителе. Около полуночи хозяин разместил нас в комнатах с удобными кроватями и диванами. Слышен был дождь, падающий на крышу. Стучал тихо, как молитва на сон грядущий.

Утром следующего дня мы вновь посетили школу. Директор Ольга Соя показала нам классы, библиотеку, столовую, кухню и детский сад. В кабинете польского языка всё напоминало о родине предков и родной речи. Наглядные пособия раскрывали тайны польского языка: алфавит, основы грамматики и орфографии. Открытки в стенгазете знакомили с городами Польши. Портреты представляли известных поляков. Самое главное — дети, учащиеся в школе в трех классах. Мы познакомились с ними во время большой перемены. При дружелюбной встрече мы могли коротко представиться и задать им несколько вопросов. Одни из детей отвечали нам по-польски, другие — по-русски, но все прекрасно пели польские песни.

Внезапно в школу пришел глава Шаралдаевского сельсовета Лев Родионович Мантыков. Он, рожденный в Вершине бурят, заговорил с нами на диалекте местных поляков. За чашкой чая он представил открыто свои мечты.

Вершининский костел сегодня. Фото В. Ковальского, 2004 г.

Главу администрации обрадовало мое решение начать пастырскую работу в Вершине. Он готов был сотрудничать со мной в том, что касается нравственного и духовного возрождения народа, и надеялся на скорое восстановление вершининского храма. У него было также предложение к журналистам: «Попробуйте заинтересовать своих читателей и польские власти судьбой поляков из Вершины. Сделайте все возможное для привлечения их внимания и пробуждения желания оказывать помощь соотечественникам. Помощь из Польши будет только способствовать развитию Вершининской школы. Пусть станет она образцом для региона. Польша имеет опыт и ресурсы помочь нашим земледельцам и скотоводам. Будет здорово, если ваша страна прославится в нашем районе».

Беседу можно было продолжать, но все торопились. Главу администрации ожидали встречи, а нам наступила пора возвращаться в Иркутск. Погода настолько улучшилась, что гости из Польши хотели по пути домой что-то еще увидеть. Пшемек и Кшиштоф предложили водителю ехать новым путем.

В 11 часов мы сели в машину. На перекрестке дорог перед Кударейкой Анатолий направил машину к поселку Усть-Ордынский. «Это же столица Бурятского автономного округа!» — заявил он. Слово «столица» ассоциируется обычно с крупным городом с шикарными улицами и зданиями. Увиденный поселок городского типа совсем не соответствовал нашим представлениям о столице...

Делай свое дело!

Вернувшись домой, я мог спокойно обдумать основные направления пастырской работы в Вершине. Фактически мое служение в ней началось 1 ноября 1991 года. В этот день католики поминают усопших. После совершения святой мессы процессия отправилась на кладбище для освящения могил и общей молитвы об усопших. С тех пор я стал приезжать туда два раза в месяц на два-три дня ради обучения детей религии, посещения семей, больных и пожилых людей, а также для совершения святых таинств.

Моей первой задачей было собрать общину и зарегистрировать ее. Уже весной 1992 года Вершининский приход получил статус юридического лица. Его покровителем стал св. Станислав, краковский епископ и мученик. Так как молитвы и литургия совершались или в беседке, стоящей рядом со школой, или в кафе, восстановление храма стало для меня второй задачей. Этот вопрос обсуждался с местной властью. И еще оставались такие задачи, как организация помощи бедным и многодетным семьям, а также поиск

Похороны в Вершине. Середина 1990-х гг.

священника, пожелавшего бы постоянно жить и работать в Вершине.

Последняя проблема очень важна. С 1938 года местные католики не имели возможности общаться со священником, миссия которого заключается в распространении и укреплении веры и нравственности. Поэтому не удивительно, что за многие годы забвения Бога народ отвык посещать храм, ежедневно молиться, понимать необходимость и смысл веры. К счастью, в сознании многих людей сохранилось убеждение в обязательном крещении младенцев. Это было первое видимое проявление оставшейся в них веры. Данный факт объясняет причину, по которой почти все польское население села принимало крещение, за неимением священника, от бабушек. Каждый рожденный ребенок был крещен если не Магдалиной Мычко, то Кларой Фигурой. Жаль, что принятому крещению не соответствовало воспитание в вере, то есть процесс осознания сущности веры. В результате большинство крещеных жило или живет только светской жизнью. Исключения составляют пожилые люди. Они знают молитвы и заповеди, они готовы постоянно приходить на общие молитвы и литургию. Однако этим заслуженным свидетелям веры не хватает уже сил и умений, чтобы ценности католической веры передать молодому поколению.

Второе проявление веры — семейное празднование Рождества, Пасхи и поминовение усопших в день Всех Святых. Трудно сказать, кто из взрослых может по-настоящему объяснить их сущность. Но то, что вся семья и гости собираются в эти дни за праздничным столом, остается фактом.

Мое служение в Вершине связано с постперестроечным периодом. Казалось бы, что в условиях свободы вероисповедания народ потянется в храм. Практика же показала, что даже при этом возвращение в церковь — дело нелегкое. Часть жителей Вершины, памятуя о своем крещении, казалось, сразу вошла в церковную общину. Но по истечении нескольких недель кое у кого пропал религиозный энтузиазм. Бывало, что люди, желающие уверовать, не шли в храм только потому, что были дезинформированы местными «знатоками» о вере вообще и особенно о католичестве. Они не знали о том, что вопрос: «зачем мне верить?» — надо обсуждать в первую очередь со священником или глубоко верующим мирянином, аналогично тому, что о болезни надо говорить с врачом, а не с дилетантом. Сможет ли невежда или атеист спокойно и объективно представить истину веры, ее красоту и необходимость?

Начиная работу в Восточной Сибири, я установил для себя основной принцип пастырской деятельности: никого не агитировать прийти к вере, ибо вера — дело благодати и личного выбора человека. Однако тому, кто желает уверовать, — всячески помогать на пути вхождения в храм. Считаю веру главным и самым тонким делом в жизни человека. В вопросе веры — человек свободен. Принуждение и манипуляция недопустимы. За годы служения людям в Иркутске или Вершине я крестил более 300 человек и венчал десятки пар. Все они этого осознанно хотели и были хорошо подготовлены.

Уже в первый год деятельности в Вершине мне удалось решить одну из основных задач. Первого ноября 1992 года туда прибыл с намерением постоянно жить и работать сальваторианец из Польши о. Дариуш Кубица. Его благословил на это апостольский администратор епископ Иосиф Верт из Новосибирска.

Отец Дариуш был формально моим сотрудником, но я предоставил ему полную свободу действий. Поэтому он быстро завершил начатую мной весной 1992 года реставрацию храма. Это благородное дело стало знаком сотрудничества государства и католической церкви. На выделенные государством деньги было восстановлено здание храма, построенное еще во втором десятилетии XX века, а также поставлен за-

**Магдалина Мычко и Таня Фигура.
Фото В. Розенблата, 1995–1996 г.**

бор, окруживший его. Расходы, связанные с росписью интерьера храма, взяла на себя церковь. Иркутский художник Владимир Беляев и его помощники отлично выполнили эту работу.

Освящение храма состоялось в субботу 12 декабря 1992 года. В нем участвовали епископ Иосиф Верт и его секретарь о. Иосиф Мессмер, генеральный консул Республики Польша в Москве Михал Журавский, начальник областного управления культуры Владимир Лапенков, глава администрации Боханского района Валентин Хинданов, глава администрации Шаралдаевского сельсовета Лев Мантыков, а также священники

о. Дариуш Кубица и я. Приятным моментом торжества стало вручение подарков главой администрации Боханского района мастерам, восстановившим храм: Ивану Фигуре, Владимиру Фигуре, Антонию Недбалу и Роману Поспеху.

Весной 1993 года в Вершине началось строительство жилья для священника. До того о. Дариуш жил при школе вместе с учителем польского языка. Им был пан Здзислав Соска. Небольшой деревянный дом был поставлен теми же мастерами, которые восстанавливали храм, за несколько месяцев. Его роскошные ставни и живописный колодец до сих пор привлекают внимание сельчан и приезжих. Отцу Дариушу не было дано справиться в нем новоселье. Он решил не возвращаться из отпуска.

К счастью, в сентябре 1993 года в Вершине поселился о. Войцех Дроздович — известный в Польше ведущий те-

левизионной программы для детей «Зерно», лауреат самой высокой польской телевизионной награды «Виктор». Я познакомился с ним в Варшаве двумя месяцами раньше ознаменованного события. Инициатором встречи стал упомянутый ранее о. Пикус. Во время беседы о. Войцех выразил желание поработать немного в Сибири. В моей голове сразу зародилась мысль направить его в Вершину. На мое предложение он ответил согласием.

Уже в Вершине о. Дроздович успел снять два документальных фильма, ставших позднее победителями разных фестивалей и конкурсов. Первый, под заглавием «Бабушка Магдалина», явился биографией Магдалины Мычко — самого пожилого жителя Вершины и ее живой легенды. В 1912 году Магдалина, тогда 12-летняя девочка, вместе с мамой Ядвигой приехала из Блэндува (Польша) в Сибирь. Ее отец Юзеф Лыда осел здесь двумя годами раньше. Фильм показывает свою героиню как человека драматической судьбы, как крепость веры и пример трудолюбия. Действительно, бабушка Магдалинка, так ласково обращались к ней односельчане, испытала в жизни и холод землянки, и голод сталинских времен, болезни и смерть родителей, мужа и детей. Еще до выхода замуж она работала акушеркой. Помогала рожать другим и сама родила много детей. Когда в 30-е годы прошлого столетия был репрессирован муж, ей выпала трудная доля в одиночестве кормить и одевать детей. За горсточку гороха, вынесенного с поля, чтобы сварить для них суп, Магдалина попала в Александровский централ. Не только семейные горести жестоко ранили ее сердце. В 1923 году она страдала, видя, как разрушался сельский храм. Пропала утварь и прежде всего святая святых — копия чудотворной иконы Божьей Матери из доминиканского монастыря города Гидле. «Как мне не плакать, туда ходили паломниками мои родители и переселенцы, приехавшие сюда», — говорила она. Такие же слезы текли из бабушкиных глаз, когда вслух размышляла о религиозном равнодушии жителей своего села. «Храм открыли, а люди туда не ходят», — сетовала она. В старости худенькая и легкая, как перышко, Магдалина до последних дней посещала храм. Бывало и так, что, несмотря на тросточку в ее руках, на пути в храм ветер сбивал ее с ног. Эта отважная и мужественная женщина навсегда останется в памяти людей как хранительница истории Вершины, народных и религиозных традиций, церковных и народных песен. В приходской общине она была чистейшим молитвенником, светом Божиим на грешной земле. С ее уходом не ушла молитва. Она сумела передать эстафету молитвы тем, кого любила и посе-

щала. Остались и намоленные ею стены храма и домов.

Второй фильм — «Паломничество в Иерусалим» — о. Войцех посвятил отшельнику Джорджу Уолтеру. В 1993 году этот средних лет американец, дьякон из ордена бенедиктинцев, начал длинное пешее паломничество по маршруту: Аляска — Святая Земля. Через Дальний Восток, Сибирь, Казахстан, Таджикистан, Индию, Пакистан, Иран, Ирак он хотел добраться в Вифлеем и Иерусалим, чтобы там в декабре 2000 года праздновать юбилей Рождества Христова. В начале октября 1993 года Джордж прибыл в Иркутск с намерением остаться в нашем приходе на зимовку. Увидев его молящимся в часовне, я почувствовал, что прежде всего одежда пилигрима требует стирки, он сам — хорошей русской бани, отдыха и лечения. После короткого отдыха мы оба поехали в Вершину. Ему там всё и все понравились. Поэтому паломник не захотел возвращаться в Иркутск, а решил остаться в Вершине до весны, чтобы оттуда идти дальше. Джорджа хорошо приняли жители села. Он удивил их своей живой набожностью и мастерством плотника-столяра. По его инициативе появился в башне местного храма небольшой колокол, отлитый в начале XX века в Пенсильвании, в США. Совершив длинную дорогу оттуда до Вершины, вестник из бронзы своим звучным голосом призывает отныне народ на молитву. Кроме того, странник из Америки собственноручно изготовил и вознес крест на гору Миру — мир. С досадой и горечью я вынужден заметить, что два года тому назад эту святыню спилили местные варвары-пьяницы.

Джордж жил и молился в вершининском храме. В углу своей маленькой комнатки построил себе тройной символ Иерусалима: географическо-исторический, местный и небесный — три угловые полочки с определенной атрибутикой. На нижней полке стояли Библия и крест, на средней — макет вершининского храма и на верхней — символ Троицы и окружающие его иконки святых. В фильме о паломнике из США замечательно выступил покойный ныне Ян Фигура в роли секретаря сельсовета, печатавшего одним пальчиком на машинке данные о паломнике.

В пастырской работе о. Войцеху помогали монахини Бернадета Сидорчук и Божена Фуляра из ордена Сестер вифанской семьи. Их основным занятием стали обучение детей, забота о храме и пожилых людях. К сожалению, в мае 1994 года о. Дроздовича призвал на работу в Красноярск владыка Иосиф, поручив ему создать там студию для выпуска католического видеожурнала нашей Апостольской администрации. С его уходом Вершина потеряла постоянного священника.

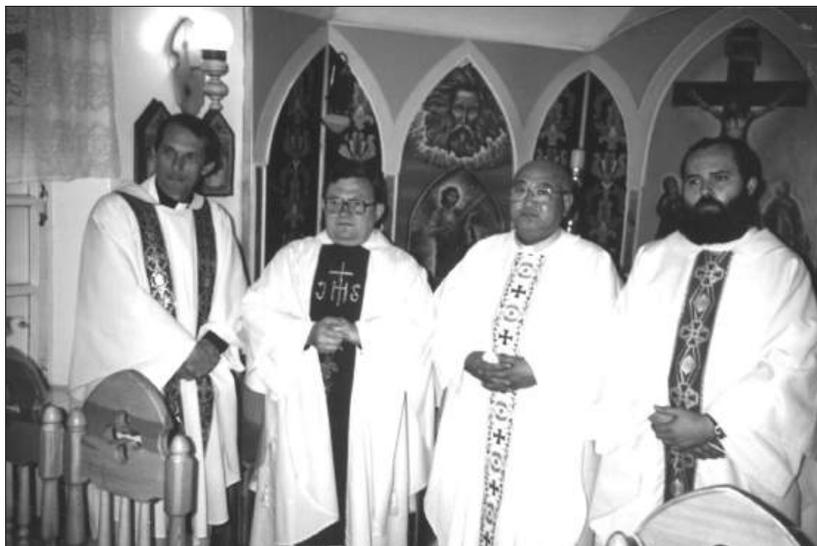
В сложившейся обстановке епископ Верт вновь вверил обслуживание общины в Вершине священникам и сестрам из Иркутска. Начиная с июля 1994 года два раза в месяц отправлялись туда на автобусе о. Дариуш Копец и одна из монахинь. Они служили в селе всегда с субботы до понедельника. В пути бывало по-разному. Однажды почти пустой автобус попал в яму с такой скоростью, что сестра Бернадета взлетела в воздух и, ударившись головой о потолок, упала вновь на свое место. В результате этого несчастного случая монахиня повредила позвоночник и была вынуждена вернуться в Польшу. С тех пор вся нагрузка по работе в Вершине легла на плечи одной сестры Божены. Обе сестры остались в памяти всех прихожан близкими и даже родными людьми.

В августе 1996 года сестра Божена и о. Дариуш также покинули Иркутск. Их обязанности автоматически перешли ко мне. Я не поменял расписания поездок в Вершину и в каждое первое и третье воскресенье, после службы в иркутском храме, отправлялся туда на два-три дня.

Почти девять лет живу и работаю в своих приходах в одиночку. Правда, с сентября 1997-го по начало марта 1998 года сотрудничали со мной еще две сестры из ордена Сестер вифанской семьи. Однако их история кажется мне лишь мгновением. По собственному желанию монахини вернулись в Польшу, считая условия жизни и работы чрезмерно трудными. Лично жалею, что покинула нас сестра Виолетта — молодая и энергичная монахиня, которая буквально влюбилась

Джордж Уолтер в Иерусалиме. 1999 г.

***После мессы в храме Успения Богородицы в Иркутске:
о. Войцех Дроздович, о. Игнацы Павлусь, епископ Стефан
Хамао (г. Иокогама, Япония), о. Дариуш Копец. 1995 г.***

в Вершину и находила общий язык с детьми и взрослыми. Именно ей удалось организовать в вершининском храме первый рождественский спектакль, который понравился всем зрителям и разогрел их сердца. С тех пор такие спектакли стали традицией.

Кроме пастырской работы мне были близки вопросы, связанные с польским языком и культурой. По этому поводу надо сказать, что с 1990 года учителя польского языка в школах Вершины и Дундая проводят свои уроки интересно и на высоком профессиональном уровне. Их имена и фамилии стоят упоминания. Позвольте перечислить их: Марианна Добровольская, Веслав Михалек, Здзислав Соска, Светлана Невядомская и Людмила Фигура (ныне Вижентас). Наши отношения были и остаются всегда взаимообогащающими. Эти замечательные люди организовывали или вдохновляли польские театральные и музыкальные кружки и спектакли. В Усть-Ордынском округе широко известен вершининский фольклорный ансамбль «Яжомбэк».

В течение многих лет работы в Вершине я мечтал об общественной организации, объединяющей поляков и людей иных национальностей, любящих польскую культуру. Путь к

осуществлению мечты оказался длинным. Помню, что еще в Иркутске на первых собраниях возрожденного здесь польского общества «Огниво» говорилось, что для жителей Вершины будет создан его филиал. Однако удачных попыток воплощения такого благого намерения в жизнь не было. Когда в 1996 году вновь начались мои рабочие поездки в Вершину, идея создания там аналогичной организации опять ожила во мне. До того я подробно, и не один раз, обсуждал эту тему с компетентными по данному вопросу людьми в Москве, Иркутске и Варшаве. Некоторые из них прямо спрашивали: «Почему в Вершине такая организация еще не действует?» Мой ответ был всегда один: «Для достижения этой цели нужен человек с качествами лидера. В Вершине он пока не появился, но уже готовится. Кто он? Отвечаю: Людмила Владимировна Фигура — студентка польской филологии университета в Гданьске».

В свое родное село Люда вернулась из Польши в 1995 году с дипломом магистра. Она успешно защитила свою научную работу о польском населении Вершины и его диалекте. Мне всегда казалось, что именно она станет там локомотивом польских дел. При этом сама Людмила относилась всегда к данной идее с энтузиазмом. Но жизнь внесла в наши планы свои коррективы. Будущий лидер быстро оказалась связанной узами брака. Позже Люда стала матерью. Конечно, материнство ограничило ее возможности как общественного деятеля. Независимо от того что-то можно было сделать. Все-таки мы вместе начали добиваться создания и регистрации польской культурной организации. У нас были на руках все документы для ее регистрации. Мы придумали для нее название «Малопольска», в память о крае, из которого вышли предки вершининских поляков. По различным причинам наша попытка оказалась безрезультатной. Только после 2000 года нам вновь удалось собрать группу энтузиастов и на той базе образовать и зарегистрировать местную организацию «Висла». Летом 2005 года был освящен и открыт Польский дом в Вершине. Таким образом, организация получила от спонсоров из Варшавы солидное место для встреч и развития культурной деятельности.

Очередная забота — оказание материальной помощи школам в Вершине и Дундае. В них учится много детей и молодежи, в том числе и с польскими корнями. Благодаря связям мне удавалось принести этим школам скромные дары в виде пособий, необходимых для проведения уроков.

Хочется также осветить вопрос обучения вершининской молодежи в учебных заведениях Польши. Он меня заинтересовал

с момента первой встречи с Людмилой Фигурой. В предпоследний день августа 1991 года я провожал на иркутском автовокзале учителя Веслава Михалыка, который отправлялся в Вершину, чтобы готовиться к первым занятиям в школе. На перроне мы говорили о том о сем по-польски. Вдруг к нам подошла красивая девочка и неожиданно вступила в разговор на родном мне языке. Да, это была Люда — первая из уроженок Вершины ставшая студенткой университета в Гданьске. На вопрос: «Как ты себя чувствуешь в Польше?» — последовал искренний ответ: «Мне там очень хорошо. Я уже побывала на родине моих предков и нашла своих родственников». Тон ее голоса был настолько восторженным, что не оставлял сомнений: девочка мечтает остаться навеки в Польше. Поэтому ответ на следующий вопрос: «Люда, ты, наверное, не вернешься в Вершину?» — потряс меня: «Я вернусь в Вершину». И тогда и сегодня он мне нравится, я считаю его умным и правильным. Людин ответ побудил меня задать и себе вопрос: «Что можно сделать для того, чтобы так же радовались и другие молодые сибирские поляки? Пусть и они получают в Польше высшее образование, пусть находят своих родственников и самых преданных друзей, но пусть возвращаются в Вершину, чтобы укрепить ее духовный и культурный потенциал». Конечно, мне не удалось сделать многого. Однако в течение ряда лет я смог кое-кому помочь. В настоящее время в Польше учатся три вершининских девочки: сестры Лена и Света Митренга и Арина Фигура. Первая из них 15 сентября 2005 года стала магистром экономических наук. В конце сентября отправились на учебу в Люблин два парня: Алеша Митренга и Миша Фигура. Я убежден, что и они вернутся в Вершину!

Что дальше?

В начале февраля 2006 года заканчивается мое пастырское служение в епархии Св. Иосифа в Иркутске. Мне пока неизвестно, кому из священников епископ Кирилл Климович вверит в попечение Вершининский приход. Его новый пастырь должен постоянно находиться на месте. Присутствие священника среди народа принесет благодатные плоды в смысле укрепления веры и нравственности, а также интеграции общины.

Размышляя о будущем Вершины, прихожу к одному общему выводу. Первоочередной общественной задачей должна стать забота взрослых о будущем молодого поколения. Главная обязанность родителей — способствовать хорошему обучению своих детей. Молодое поколение должно войти во взрослую жизнь профессионалами и людьми с высокими

***На рождественском ужине в Иркутске. Слева направо:
о. Игнацы Павлусь, Божена Фуляра, о. Дариуш Копец,
Бернадета Сидорчук. 1994 г.***

нравственными, духовными и религиозными качествами. При этом необходимо думать о перспективе, о том, какие специалисты будут наиболее востребованы обществом. Школы в Вершине и Дундае да разовьют в учениках любовь к учебе и укоренят благородные привычки. Местная власть пусть изыщет средства на строительство оздоровительного комплекса, чтобы подростки могли проводить время не только на дискотеке, но на спортплощадке.

Хорошо, что в Вершине есть дискотека. Однако открытым остается вопрос: какой она должна быть? Наверное, мы, родители, структуры власти, и священник в том числе, хотим, чтобы она, предлагая молодежи культурное развлечение, защищала их от деморализации, уменьшала тягу к злу.

Неоднократно слышал критику от взрослых о пагубном влиянии дискотеки на молодежь. Но, к сожалению, на этом все заканчивается. Было бы лучше, чтобы они проявили инициативу и упорядочили деятельность этого учреждения. Пусть они представят кому надо хорошо обдуманную концепцию работы дискотеки и найдут для нее честных исполнителей. Организаторы дискотеки должны знать, что предложить молодежи и ради какой цели. Они же обязаны перед кем-то отвечать за

свою продукцию. Сущность дискотеки не может сводиться к простому включению музыки, продаже сигарет, попкорна и спиртных напитков. Дискотека — дело рук человека, и поэтому поведение здесь должно отличаться от поведения скота на пастбище. Она будет такой, если ее основой станет гуманная программа.

Чтобы Вершина не состарилась и не умерла, как близлежащая Парамоновка, необходимо сделать все возможное для того, чтобы молодежь захотела после окончания учебы или службы в армии жить в родном селе. Это требует новых инициатив, открытия малых предприятий, расширения агропромышленной базы. Все это возможно, ибо жители Хонзоя, Нашаты и Вершины способны посвятить себя общему благу. Когда в недавнем прошлом распались колхозы и совхозы, жители Вершины сумели спасти свое сельское хозяйство, чего не удалось многим деревням в районе. В этом плане Вершина держится крепко.

Наверное, не только я желаю пожилым людям в Вершине спокойной и счастливой старости. Быть может, в ближайшее время появятся там небольшой медицинский центр и аптечный пункт. Пусть захочется кому-то из местной молодежи поступить в медицинские и иные училища. Почему не открыть там парикмахерскую, мастерскую по шиномонтажу, пункты ремонта техники?

Пора заканчивать эту статью. Но какими словами? Когда до моего отъезда из Иркутска остались уже считанные дни, хочется крикнуть: «Прощай, Вершина!» Однако я не могу этого сделать. Там остается на постоянную жизнь частица моего сердца.

ЛИТЕРАТУРА

Pikus T. Katolik w Rosji (Католик в России). — Warszawa, 2003.

Pikus T. Słudzy Ewangelii w krajach byłego ZSRR (Слуги Евангелия в странах бывшего СССР). — Warszawa, 1994.

ANNOTATION

Ignazi Pavlus. The way to Vershina and the way of Vershina. The article of the catholic priest narrates about the acquaintance with Vershina and the many year works on the ground of the pastor service in this «Polish» Siberian village. The author describes the restoration of the temple of Vershina at the beginning of 1990-s years and the creation of the rural parish, the teaching of the Polish and the cultural work in Vershina.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ПОДКРАКОВСКИХ ДЕРЕВЕНЬ ЧУБРОВИЦЕ И РАЦЛАВИЦЕ

*Казимеж Томчик,
историк, житель д. Рацлавице,
Малопольское воеводство, Польша*

Почти 100 лет назад из небольшой деревни Чубровице, лежащей в Царстве Польском, территории российского влияния, три семьи, по фамилии Мирек, Хондель и Фигура, а также несколько семей из близлежащих деревень Зимнодол и Хутки оставили свои дома и, в поисках лучшей судьбы, подались в далекую Сибирь.

Что заставило этих людей покинуть свои родные места? Наверняка на решение повлияла материальная ситуация, работа о том, как обеспечить семье лучший быт. В те времена в польской деревне семьи были многочисленные и небольшие низкодоходные крестьянские хозяйства были не в состоянии прокормить всех членов семьи. Несомненно, дополнительным толчком, повлиявшим на решение покинуть родные края, было обещанное царским правительством всем добровольно уезжающим в Сибирь получение бесплатных наделов плодородных земель и большого пособия для покупки инвентаря.

Пятнадцать лет назад для изучения польской филологии в Гданьском университете приехала в Польшу Людмила Фигура, внучка Яна Фигуры, поселившегося в Вершине в 1911 году. И хотя от Гданьска до Чубровиц — родной деревни Фигуры — достаточно далеко, Людмила все же решила посетить землю своих предков. Благодаря помощи Анны Мирек из Кшешовиц (Анна — первый ребенок, родившийся в Вершине) и Эдварда Лясона из Менкини Людмила нашла в Чубровицах своих близких родственников. И таким образом давно прерванные семейные связи были восстановлены.

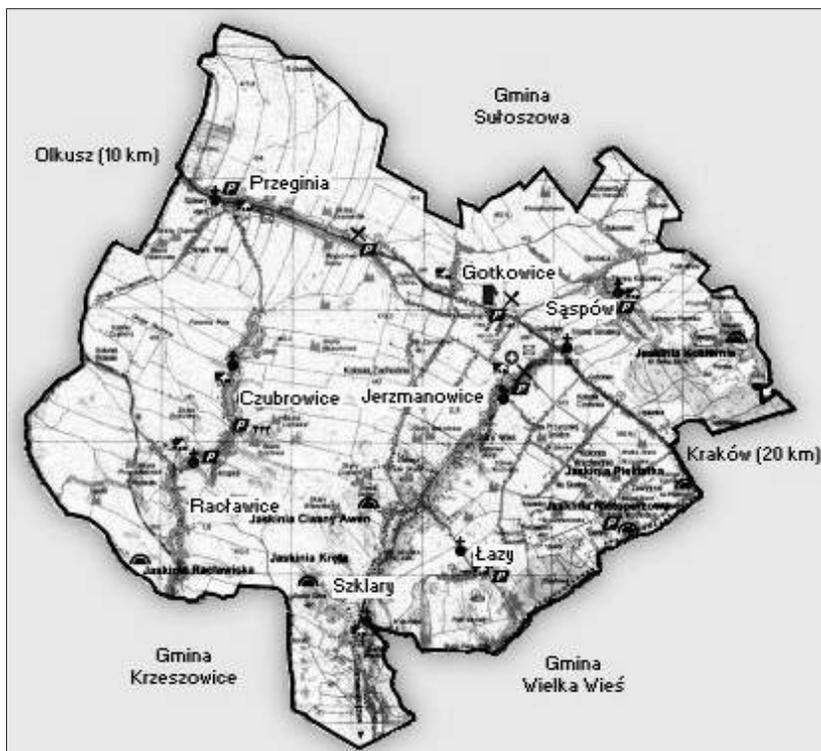
В начале XX века, когда семьи Фигур, Хонделей и Мирек покидали Чубровице, это была убогая, заброшенная деревня. Сегодняшние Чубровице — уже совершенно другое место. Что интересного можно увидеть в Чубровицах, как они вы-

глядят сейчас, а также об истории этой деревни я постараюсь рассказать читателю. Представлю и соседнюю деревню Рацлавице, по той причине, что эти две деревни неразрывно связаны между собой. Объединяет их общая многовековая принадлежность к одному, Рацлавицкому, приходу и к одной гмине (район). Наверное, нет в Чубровицах семьи, которая бы не имела близких родственников в Рацлавицах. Другим объединяющим элементом является природа. Обе деревни лежат в красивой долине, по краям которой виднеются небольшие скалы, образованные еще в юрский период. Из источника на севере Чубровиц берет свое начало Чубровка, протекающая через обе деревни. Соединяясь с несколькими притоками (Шклярка, Кшишувка), Чубровка дает начало реке Рудава, из которой краковяне берут питьевую воду. В двух километрах от Чубровиц лежит хутор Полесье, основанный на переломе XIX–XX веков. Оба населенных пункта территориально относятся к гмине Ежмановице-Пшегиня Краковского повята Малопольского воеводства, и до Кракова, воеводского центра, лежащего в 30 километрах, с которым имеется очень хорошее транспортное сообщение, всегда можно быстро добраться.

Рацлавице и Чубровице имеют давнюю историю. Первое упоминание о Рацлавицах датируется 1325-м, а о Чубровицах — 1337 годом. Обе эти деревни до времени третьего раздела Польши (1795 г.) были королевской собственностью, так называемыми королевскими поместьями. К концу XVIII века это были многочисленные поселения. Например, в 1789 году деревня Рацлавице насчитывала 536 жителей и 115 построек, а деревня Чубровице — 395 жителей и 70 домов. Немного позднее, в 1827 году, в Рацлавицах было 972 жителя и 143 дома, а в Чубровицах — 452 человека и 76 домов. В Рацлавицах и Чубровицах, как почти в каждой деревне, были корчма и несколько водяных мельниц. В средние века в Рацлавицах работала приходская школа. Для местного населения главным источником средств было сельское хозяйство, но голая каменистая почва, невыгодное расположение не позволяли собирать высокие урожаи. Часть сельскохозяйственной продукции крестьяне должны были оставить на посадку, часть — на консумпцию и на дань владельцу земель и местному священнику. Дань отдавали натуральными продуктами или деньгами. Кроме того, крестьяне должны были отрабатывать трудовую повинность на помещичьих усадьбах. Из всех повинностей самой тяжелой была барщина, которую крестьяне отрабатывали или, иногда, оплачивали. Большие разрушения и проблемы — контрибуции, грабежи, голод и болезни —

принесли военные действия второй половины XVII – начала XVIII века. Уже отмечалось, что Рацлавице и Чубровице были королевской собственностью. Положение крестьян в королевских поместьях было намного лучше, чем в частных или церковных. В случае несправедливого наказания крестьяне королевских земель могли подавать жалобы на владельца деревни и обращаться в королевский, референдарский, суд. Из архивных документов известно, что этим правом неоднократно пользовались рацлавицкие и чубровицкие крестьяне, успешно отстаивая свои права.

После третьего раздела Польши обе деревни в течение нескольких лет находились под австрийским влиянием, а с 1815 года, с момента создания Царства Польского, до 1914 года Рацлавице и Чубровице перешли под влияние России, сначала территориально относясь к Краковскому воеводству,

Карта гмины Ежмановице-Пшегиня с населенными пунктами Чубровице, Готковице, Ежмановице, Лазы, Пшегиня, Рацлавице, Сонспув и Шкляры. Малопольское воеводство, Польша

а позднее к губерниям: Краковской, Радомской и Келецкой. На протяжении всего XIX века Рацлавице и Чубровице являлись государственными владениями, отданными в аренду частным лицам. В 1815 году в Рацлавицах был создан пункт пограничной охраны, состоявший вначале из польских солдат, а с 1831 по 1914 год границу охраняли уже российские солдаты, которых местные жители называли москалями. Их обязанностью было охранять границу российско-австрийского раздела.

По-разному складывались отношения между местными жителями и российскими солдатами. Иногда случалось, что солдаты жестоко обращались как с преступниками, так и с местным населением. Зависело это от общеполитической ситуации в стране. Однако события начала XX века свидетельствуют о том, что не всегда эти отношения были плохими. Два солдата российской армии, несшие службу в близлежащих Шклярах, обратились в католическую веру, взяли в жены местных женщин и навсегда поселились в этой деревне.

В XIX веке положение крестьян было тяжелое. Не обходили их стороной трудности — неурожаи, голод, стихийные бедствия и эпидемии, из которых самой страшной была холера, вспыхивавшая неоднократно в этом районе. Особенно тяжела для местных крестьян была многолетняя служба в царской армии. Также тяжело было нести бремя феодальных повинностей, ликвидированных царским правительством только в 1864 году под влиянием Январского восстания. С этого времени крестьяне становились владельцами обрабатываемых ими земель.

В 1914 году, когда началась Первая мировая война, Рацлавице и Чубровице оказались в прифронтовой полосе. В результате военных действий — артиллерийского обстрела — многие крестьянские постройки были разрушены: в Рацлавицах — 49, а в Чубровицах размеры разрушений неизвестны. Экспроприация продовольственных товаров, имущества, а также эпидемии, все это причинило значительный ущерб обоим деревням.

Во время Второй мировой войны фронт обошел стороной оба населенных пункта, но многие жители были угнаны немецкими оккупантами в лагеря смерти и на принудительные работы в рейх. После войны некоторые из них не вернулись домой: либо погибли в лагерях или на принудительных работах, либо остались в чужих странах. Во время войны в Рацлавицах, как почти на всей территории страны, существовала конспиративная группа Армии Крайовой, состоявшая из нескольких человек. Обе деревни были освобождены совет-

Долина Рацлавиц. Фото А. Храбя, 2004 г.

скими войсками 18 января 1945 года. В битве под Пшегиней, деревней, лежащей по соседству с Чубровицами, погибло 105 советских солдат.

После войны деревни быстро восстановились. Местное население получило работу на многочисленных фабриках и заводах, главным образом в угольной, сталелитейной, тяжелой промышленности и в строительстве. Работая на этих предприятиях, крестьяне не переставали обрабатывать свои сельскохозяйственные угодья. Вскоре сельскохозяйственная деятельность принесла видимые результаты. В 1960–1970-е годы в массовом порядке строились односемейные каменные дома, вытесняя деревянные постройки. В настоящее время в обеих деревнях, насчитывающих более 600 домов, едва можно найти несколько деревянных.

Большинство жителей совмещает работу на производстве с работой в поле. Но так как местные хозяйства сильно раздроблены, их размеры колеблются от двух до пяти гектаров, главным источником дохода остается работа на частных или государственных промышленных предприятиях. Многие жители деревень занимаются также и предпринимательской деятельностью. Например, в Рацлавицах в 2001 году на 1560 жителей было зарегистрировано 53 небольшие частные фирмы, а в Чубровицах — 52 фирмы на 1200 жителей. Основное занятие местных жителей — это прежде всего торговля авто-

мобилиями и деталями, строительные и транспортные услуги. Однако многие люди, главным образом молодые, не имеют работы.

Во второй половине XX века здесь осваиваются инвестиционные вложения, появившиеся благодаря участию местных жителей. Проложена асфальтовая дорога, проведены водопровод и газопровод, построена спортивная площадка, открыты Центр здоровья, филиал банка, протянуты телефонные и канализационные сети; в обеих деревнях построены новые школы, части пожарной охраны. В культурной жизни деревень большую роль играют общественные организации, такие как Клуб сельских хозяек в Рацлавицах, ансамбль «Чубровяцы», молодежный музыкальный ансамбль «Yong Singers». Немалую работу в области популяризации культуры проводит ансамбль «Соколики» из районного (гминного) центра культуры в Ежмановицах, руководимый Василием Стефанюком из Украины. Учителя и ученики школ, активисты добровольных пожарных дружин и члены Комитета общественных инициатив в Рацлавицах организуют многие культурные и спортивные мероприятия. С 1918 года здесь имеются две начальные школы, а с 1999 года, после общеобразовательной реформы, функционирует шестилетняя начальная школа, по окончании которой учащиеся переходят в гимназию, расположенную в Пшегине, куда их возит школьный автобус.

Как уже упоминалось, Рацлавице и Чубровице входят в один приход. Духовная жизнь местного населения, исповедующего католическую веру, сосредоточена при костеле в Рацлавицах и часовне в Чубровицах. Рацлавицкий костел, памятник деревянного зодчества, построен из ели и дуба в 1511 году и до наших дней сохранился без изменений. Его внутреннее убранство — это музейные экспонаты: четыре алтаря XVIII века, иконы, скульптура и мозаика начала XVII века. Об этом бесценном объекте заботятся как прихожане, так и государство. Часовня в Чубровицах — современное строение, она была построена в 1985 году по инициативе жителей деревни. Тогда же на холмах между Рацлавицами и Чубровицами были построены два так называемых стояния Крестного Пути. Эти стояния, так же как часовня, костел и чудесный пейзаж, являются несомненным украшением этих земель.

К сожалению, в наши дни быстро угасают когда-то очень развитые в этом регионе народное творчество, ремесла и деревянное строительство. Забываются традиционные обычаи и народные верования, игравшие важную роль в жизни деревни. Некоторые из них были описаны мною в двух монографиях, посвященных деревням Чубровице и Шкляры. Мне

кажется, что этот интересный материал можно представить в данной статье.

Церковные обычаи. Большим праздником в дни карнавала является праздник Богородицы Громничной, отмечаемый 2 февраля. Прежде в этот день все женщины шли в костел со свечами, называемыми громницами. После освящения громниц они возвращались домой и зажженными свечами рисовали дымовые кресты на верхнем косяке входных дверей и на центральной балке потолка. Зажженной громницей возле горла каждого домочадца проводили круг или крест, что должно было охранять от заболеваний горла. Освященная свеч-громница также должна была хранить дом и хозяйственные постройки от несчастий во время гроз и ураганов. Зажженную громницу в случае приближающейся смерти кого-то из домочадцев давали в руку умирающему, а во время похорон ее ставили возле умершего. В давние времена в день Богородицы Громничной не проводилось никаких игр и свадеб. Сегодня немногие женщины в этот день идут в костел с громницей, все реже можно встретить людей, рисующих крест на косяке или ставящих громницу на окно во время грозы. Но до наших дней дошел обычай ставить свечу возле умершего.

Пятого февраля, в день св. Агаты, в костеле освящали соль, которая, как считалось, своими волшебными свойствами охраняла дом от огня. Если случался пожар, то освящен-

Рацлавице. Фото А. Храбя, 2004 г.

Приходской костел в Рацлавицах. Фото Л. Вижентас, 2003 г.

ную соль бросали в огонь или выставляли образ св. Агаты.

Так называемые Остатки, праздник, приходящийся на последние дни карнавала, проводили очень весело и красиво, а в некоторых семьях даже шумно. Несмотря на то что в далекие времена людям жилось тяжело, в эти дни приглашали соседей, кумовьев и друзей, чтобы вместе веселиться. На Остатки устраивали общие семейные саночные катания по деревне. Часто ездили в соседние и дальние деревни в гости.

В Пепельную среду во время богослужения священники посыпали головы прихожан пеплом, а тем, кого не было в костеле, домочадцы посыпали пеплом головы дома, принося его в молитвенных книгах.

Первый день поста был очень строгий. В этот день нельзя было есть мясную и молочную пищу. В течение всего поста, до Светлого (Великого) воскресения, по средам, пятницам и субботам не употребляли молочные продукты.

В Пальмовое (Вербное) воскресенье люди шли в костел на службу, неся с собой заранее заготовленные или купленные ветки пальмы (вербы), чтобы освятить их. После службы прихожане возвращались домой и прятали ветки за святые образа. Согласно верованиям, пальма обладала волшебной силой, способной оградить от болезней людей, страдающих заболеваниями горла, и скот.

В Великий четверг многие верующие участвуют в послеобеденных костельных торжествах. Еще не так давно вечером этого дня хозяева вместе со своими детьми делали деревянные крестики в таком количестве, чтобы их хватило на все поля. Рано утром в Великую пятницу хозяева с сыновьями выходили в поле, чтобы успеть до восхода солнца расставить крестики даже на самом отдаленном поле. В этот же день вечером проходит торжественная служба. Пожарные стоят в почетном карауле у Гроба Господня. В утренние часы Великой субботы матери с детьми идут в костел, чтобы освятить принесенные продукты и лакомства. В этот же день совершается обряд освящения воды и огня. В первый день Пасхи после утренней службы торжественная процессия — крестный ход — обходит вокруг костела. Девочки разбрасывают цветы, мужчины несут хоругви, женщины — фигурки и иконы. В шествии также участвуют шахтеры и пожарные. Прежде в этот день не делали никакой работы, кроме ухода за скотом, не проводили свадеб и не крестили детей. Еще до недавнего времени в Пасхальный понедельник малые дети ходили к близким родственникам и к соседям, чтобы окропить их святой водой, которую носили с собой в бутылочках. После смигуса (народный обряд обливания водой на второй день Пасхи) дети, одаренные пирожными, яичками или сладостями, возвращались домой. Молодежь в этот день проводит «смигус-дрынгус», то есть обычай обильного обливания водой друг друга.

В день св. Марка, 25 апреля, в прежние времена устраивались так называемые весенние или крестовые дни, когда процессии шли к крестам и часовенкам, стоявшим на полях, чтобы помолиться за добрый урожай. В этот день освящали предназначенный для посадки картофель (резаный). Третьего мая, на этот день выпадает праздник Королевы Польской Короны, все учащиеся приходской школы шли в костел с бело-красными флажками. Вместе с ними шли учителя. Этот красивый патриотичный обычай был забыт в первые годы после Второй мировой войны.

В прежние времена накануне Троицы и в домах, и во дворах наводили порядок, веточками цветущей липы, березы, каштана, ели или лиственницы украшали ворота и дома. Молодежь собиралась на обряд сбора можжевельника для костров, называемых «сobotки». Вечером второго дня праздника Послания Духа Святого молодежь разжигала приготовленные заранее sobotки. Кроме костров зажигали предварительно смоченные в керосине шарики, сделанные из шерсти скота или из старых тряпок. Такие огни носили на высоких жердях

или подбрасывали вверх на проволочной цепочке. Юноши перескакивали через горящий костер, а девушки пели народные песни. На сobotку приходили и люди старшего поколения. Этот обычай сохранился до нашего времени.

Торжественно отмечают местные жители праздник Тела Господня и недельные Октавы (Седмица). В день праздника Тела Господня прихожане идут в костел на праздничную мессу, после которой все выходят на крестный ход. Люди несут фигурки и иконы, а маленькие девочки посыпают дорогу цветами. В процессии участвуют мужчины, несущие хоругви, пожарные и шахтеры.

В Октаву Тела Господня прихожане опять проходят вокруг костела крестным ходом, а в последний день Октавы ломают ветки, украшают ими алтари и после службы забирают домой. Позднее эти ветки несут на свои поля и втыкают в землю, что, согласно поверью, должно охранять урожай от разных несчастий. Еще не так давно в приходах проводили обряд освящения полей. Церковным шествием с хоругвями и иконами шли до самых дальних полей.

Пятнадцатого августа празднуется день Успения Богородицы, в народе называемый праздником Богородицы Покровительницы злаков и трав. В этот день на службе освящают цветы, травы и фрукты, принесенные женщинами. После костела травы оставляли во дворе, чаще всего у дверей, чтобы они высохли, а потом их использовали при лечении разных недугов и обязательно давали в виде отвара отелившимся коровам.

За несколько дней до дня Всех Святых в порядок приводят могилы своих близких, а в этот день все — и местные и приезжие — в память о своих предках собираются на кладбище. Приносят с собой свечи и цветы, читают молитвы, вспоминают о душах умерших, подавая на разовые или годовые поминальные молитвы.

Прежде накануне дней св. Катажины (юноши) и св. Анджея (девушки) молодежь гадала, желая узнать, кто первый выйдет замуж или женится, как будут звать будущего супруга. Много было различных гаданий на эту тему. Приведу несколько. Перед сном под подушку юноша или девушка клали бумажки с разными именами, а проснувшись, вытягивали одну из них и узнавали имя будущего супруга или супруги. Лили воск в холодную воду и по форме полученной фигуры или буквы гадали о будущем избраннике. Девушки, чтобы узнать, кто первой выйдет замуж, гадали, ставя ботинки по прямой линии от стены до дверей. Каждая ставила свой ботинок за ботинком предшественницы, и та девушка, чей ботинок первый выйдет за порог, первая выйдет замуж.

Шестого декабря, в день св. Миколая, детям дарили разные, часто дорогие, подарки. Прежде хорошим, послушным детям родители клали под подушку немного орехов, сдобу или какие-нибудь сладости, а непослушным подкладывали палку.

В Вигилию (Сочельник) готовили общий ужин. На стол стелили льняную скатерть, клали облатку, которой домочадцы делились вечером, и говорили друг другу пожелания. Облатку давали и домашним животным, кроме свиней. Затем начинался общий ужин, состоящий из большого количества постных блюд. После ужина все пели колядки. В полночь шли в костел на рождественскую мессу. В период между двумя войнами Вигилию не всегда отмечали по религиозным канонам. Иногда случалось так, что «падшим» девушкам на стенах их домов парни разведенной сажой рисовали «вигилийных дзядов». Хозяевам тоже устраивали шутки, чаще всего злые: прятали ворота, стоявшие во дворе сани, части телег и других предметов. Подобная ситуация встречается и в наши дни. В прежние времена в Вигилию с самого утра жители обращали внимание на какие-то мелкие события, по которым гадали о том, что случится в ближайшем будущем. Например, считалось, что если кто-то утром увидел женщину, то его ждет неудача, а если мужчину — то счастье. Также считалось, что если первым в дом войдет мужчина, то у коровы, которая должна отелиться, будет бычок, а если женщина — то телоч-

Чубровице

ка. А когда кто-нибудь видел собаку, говорили, что он будет злой, как собака. Если встречали белого коня, то следовало ожидать смерти.

В Вигилию хозяин приносил в дом солому и раскладывал ее на глинобитном полу, затем из нее делали вязанки и клали за образа. Выносить солому из избы можно было только после праздников. В течение всех праздничных дней в избе нельзя было подметать. В народе жило поверье, что в Вигилию домашние животные разговаривают человеческими голосами. Еще одно поверье: надо было умыться водой, в которой лежала монета, это должно помочь деньгам «прилипнуть» к жителям дома. Также следует вспомнить, что елочка, так распространенная в наше время, появилась в Польше во второй половине XIX века.

В первый день Рождества, как и в Воскресение Господне, никто не занимался никакими делами, кроме самых необходимых по хозяйству. Никуда не выходили, не устраивали свадеб, танцев, посиделок с соседями. А вот второй день, посвященный мученической смерти св. Степана, был уже совсем иным. После службы на выходивших из костела людей молодежь бросала освященный овес (обычай бросать овес сохранился в местном приходе до наших дней). После обеда ходили друг к другу в гости, устраивали «кулиги» (санный поезд), а в некоторых домах проводили свадьбы. В этот день по деревне ходили колядовщики — пастушки, кукольники — и показывали представления о рождении Иисуса Христа, получая за это от хозяев плату.

Еще не так давно, в 70-х годах XX века, в мае у придорожных часовенок проходили маевки — службы, посвященные св. Деве Марии. Сейчас майские службы проходят только в костелах.

Наши предки считали, что хотя бы раз в жизни надо совершить паломничество к святым местам и получить отпущение грехов. Кто этого не сделает, должен будет после смерти пойти туда на коленах, и поэтому люди старались хотя бы раз совершить паломничество. Паломники пешком шли в Ченстохову и Кальварию Зебжидовскую. В наши дни к местам культа организуются автобусные паломничества.

Народные поверья. Самым страшным для человека был черт, также именуемый сатаной. По представлениям людей он принимал различные облики, но чаще всего это было существо уродливое, безобразное, покрытое черными волосами, с хвостом, рогами и конскими копытами на ногах. Черта в человеческом обличье обычно представляли высоким, элегантно одетым мужчиной, с когтями на руках и ногах, с

хвостом и рогами. В народных поверьях черт — это коварный враг всех людей, целью которого было довести до гибели тех, кого он обманул, или тех, кто ему доверился.

Почти в каждой деревне люди верили в существование колдуний, ведьм. Очень часто ведьмами считали злых, никем не любимых женщин, но иногда ведьмой называли хорошую хозяйку, корова которой давала молока значительно больше, чем корова соседки. Повсеместно считалось, что колдуны, используя разные только им ведомые тайные наговоры, могут навлекать болезни на свои жертвы, вызывать неурожаи, забирать у коров молоко, и хозяйки, стараясь охранить от ведьмы отелившуюся корову, три раза обходили вокруг нее с кадилом. Некоторые хозяйки, чтобы корова давала больше молока, сами окуривали ее зельем. Колдуны также занимались знахарством и любовными заклинаниями. В представлениях людей колдуны могли принимать облик мыши, жабы и т. п. и были тесно связаны с чертом.

Прежде повсеместно верили, а некоторые и сейчас верят, что есть люди с глазами, способными лишить силы того, на кого направлен их взгляд. Например, если такая особа бросит взгляд на новорожденного, то ребенок внезапно начинает чахнуть, а иногда даже и умирает. У взрослого человека, которого сглазили, внезапно появлялись слабость, дрожь

Часовня во имя Яна Марии из Вьенн (Vianny) в Чубровицах

и тошнота. Сглазить можно было и домашних животных, и урожай. От сглаза защищались разными магическими заклинаниями. Новорожденному ребенку, например, привязывали красную ленточку на ручку, а теленку или жеребенку — на шею. Если кого-то сглазили, существовали разные способы снятия сглаза, тяжелые и требующие необходимых знаний.

На территории Рацлавиц и Чубровиц была широко распространена вера в существование русалок, называемых «мамонами». Они были страшны тем, что подменяли детей. Жертвами русалок становились еще не крещеные дети. Пользуясь невнимательностью матерей, русалки забирали у них детей и подбрасывали своих. Недоразвитого, с большой головой ребенка считали подброшенным. Если мать замечала подмену своего ребенка, она должна была бить подкидыша. На плеч ребенка приходила русалка, отдавала украденного и забирала своего.

Другой демонической фигурой, в существование которой верили люди, был утопленник, называемый водяным чертом. Считалось, что утопленник чаще всего появлялся в образе пропавшего коня, пасущегося на берегу реки. Если кто-то на него вскакивал, то конь прыгал в реку и топил свою жертву. Верили также, что утопленник мог приобрести облик мужчины или купающейся в реке прекрасной женщины, которая, заманивая молодых мужчин и парней, топила их в речном омуте. Утопленник мог принимать также облик собаки, рыбы, утки.

Кроме колдуний, утопленников, русалок в народных поверьях также популярна была «змора» (привидение). Это душа умершего человека, высасывающая кровь у спящего человека. По поверьям змора, принимая разные облики: кота, мыши, крысы и даже иголки или соломинки, ложилась на свою жертву, придавливала ее так, что она не могла ни пошевелиться, ни крикнуть, и высасывала кровь. Жертвами зморы были не только люди, но и животные. Поверье гласило, что зморой становилась женщина, имевшая семь дочерей, ни одну из которых она не выдала замуж. Поэтому после своей смерти она мстила молодым людям. Также считалось, что если в семье было семь дочерей, то одна из них наверняка должна была стать зморой. Другой мучительницей людей была «мара» (призрак в образе женщины). Это была женщина, одетая в белые одежды, которая в летний полдень мучила спящих в поле людей. Существовало убеждение, что мара может забрать ребенка, оставленного в полдень на поле без присмотра.

Почти в каждой деревне верили в упырей, называемых «стшигонями». Упырем обычно становился умерший неза-

Интерьер каплицы в Чубровицах

коннорожденный ребенок или крестьянин с двумя душами, который умер без церковного миропомазания. Считалось, что тело упыря никогда не разлагалось, и поэтому он выходил из могилы и, так же как зморы, высасывал кровь у своей жертвы. Не страшны были для людей блуждающие огни. Повсеместно считалось, что это души кающихся землемеров, которые несправедливо замеряли крестьянские наделы земли. Встречая эти огни, некоторые говорили, что это сам черт или «скарбник» (дух, охраняющий подземные сокровища).

Кроме верований в чертей, змор и других демонов, ожидающих гибели человека, также жило поверье, что на земле есть место, где выплавляют деньги (говорят, что тогда ветром разносятся золотые брызги). В здешней местности распространена была также вера в существовании «инкюза». Слово это означало монету (деньги), данную чертом человеку, продавшему ему свою душу. Если кто-то, имея такую монету, ею расплачивался, то через какое-то время она возвращалась к нему.

В начале XX века для предотвращения приближающейся грозы перед домом выставляли лопату, которой садили в печь хлеб или бросали освященные травы в огонь печи. Во время грозы в окно выставляли зажженную громницу или икону. На счастье к порогу риги (овина) или дома прибывали

найденную подкову. Выезжая в поле, хозяин всегда рисовал на земле хлыстом крест перед запряженными конями. Также и женщина, перед тем как начать заводить тесто на хлеб, делала знак креста. С креста начинали разрезать буханку хлеба, а если хлеб падал на землю, его уважительно поднимали и целовали. Этот обычай сохранился в некоторых домах до наших дней. Другим давним обычаем этих земель было оказание бескорыстной помощи семье, у которой сгорела изба. Погорельцам бесплатно привозили лес и солому на крышу, чтобы они могли заново построить свой дом. Еще не так давно погорельцы ездили по деревне, собирая вещи, необходимые им для жизни (одежду, еду).

Я понимаю, что в такой короткой статье невозможно подробно описать историю обеих подкраковских деревень. То, что я представил, является только частью их богатой истории. В заключение от имени жителей Рацлавиц и Чубровиц я передаю привет редакторам и всем читателям журнала «Тальцы». Спасибо за проявленный интерес.

Перевод Н.А. Бартошевич

ЛИТЕРАТУРА

Polaczek S. Powiat Chrzanowski (Хшановский район). — Kraków, 1914.

Tomczyk K. Dzieje wsi i parafii Raclawice (История деревни и прихода Рацлавице). — Kraków, 2000.

Tomczyk K. Dzieje wsi Czubrowice (История деревни Чубровице). — Kraków, 2002.

Tomczyk K. Dzieje wsi i parafii Szklary (История деревни и прихода Шкляры). — Kraków, 2004.

Wiśniewski J. Historyczny opis kościołów, miast, zabytków i pamiątek... (Историческое описание костелов, городов, памятников и памятных мест...). — Marjówka Opoczynska, 1933.

ANNOTATION

Kazimezh Tomchik. The past and the present times of the villages Chubrovitse and Ratslavitse near Krakov.

The article of Polish historian is devoted to the short history of two Polish villages near Krakov-city, and also to the various traditional customs and the popular believes of its inhabitants in the pre-revolutionary past. At the beginning of XX century some families of these villages voluntarily are going to the Siberia founding the village Vershina.

ПОЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ ВСЁ ЕЩЕ ЖИВЫ

*Людмила Владимировна Вижентас,
председатель Вершининского польского
культурного общества «Висла»,
с. Вершина, Боханский район,
Усть-Ордынский
Бурятский автономный округ*

Жителям Вершины удалось сохранить некоторые из давних обычаев и обрядов, но все-таки они уже не те, какими были несколько десятков лет тому назад.

Традиция играет большую роль в общественной жизни. Она формирует облик и стиль жизни жителей села. К традиции на селе относятся как к чему-то святому, нерушимому. Традиция — это не сборник заповедей, правил и наказов, о которых знают, что они существуют наряду с другими, и к которым можно иметь то или иное отношение. Напротив, она является самой жизнью. Основным авторитетом в давней или современной деревне обладают пожилые люди, которые сохраняют наследие прошлых поколений. Они живые свидетели прошлого и, наверное не без некоторого консерватизма, сохраняют традиции. «Только живя в согласии с традиционными образцами, общество имело шансы существовать. Самым лучшим доказательством этого было то, что люди и мир пережили от момента сотворения до сегодняшних дней. Уже этого достаточно, чтобы культивирование верований, обрядов и обычаев считать нужным и необходимым. Если люди забыли бы о них, это не предсказывало бы ничего хорошего. Наоборот, это грозило бы катастрофой и мстью сверхъестественных сил» (1, с. 59).

Эти убеждения вполне соответствуют тому, что я наблюдаю в общественной жизни жителей села Вершина.

День в Вершине начинается с работы по хозяйству. По дыму из трубы уже видно, что хозяева не спят. Люди в селе живут работающие, поэтому и подсобное хозяйство у каждого хозяина немалое. Зимой сначала нужно подоить и покормить коров. У отдельных хозяев их насчитывается до трех-четырех. Потом приходит очередь накормить лошадей, овец, кур, индеек, гусей. Летом коров поручают пастуху или выпускают свободно

На заготовке леса близ Вершины. Фото П. Трыка, 2003 г.

пастись на пастбище. Кони и овцы пасутся сами. Вечером скот возвращается домой. Это очень удивляет гостей из Польши, где коровы пасутся привязанными к колышкам.

После того как закончена утренняя работа по хозяйству, семья садится завтракать. Потом каждый отправляется выполнять свои обязанности. Взрослые идут на работу: кто в школу, кто в ОАО «Вершина», кто на лесозаготовку. Дети идут в школу или в детский сад. Не всегда удается пообедать вместе. Зато к ужину вся семья обычно в сборе.

За столом каждый член семьи имеет свое место. С особым вниманием за столом относятся к гостям и к главе семьи, проявляя тем самым уважение к ним. Гостей угощают всем, чем хата богата. У хозяйки всегда припасено что-нибудь вкусное для особого случая: и сметана, и масло, и соленья, и варенья, и копчености, и стряпня. Все это, конечно, достается тяжелым трудом всех членов семьи.

С особым уважением относятся к хлебу. Каждый должен помнить, что нельзя класть хлеб «вверх ногами, потому что пшеница вверх ногами не растет». Хлеб, даже лепешки и блины, нужно брать только руками. Нельзя в хлеб втыкать нож или вилку. Нельзя его выбрасывать в мусор или подметать вместе с мусором. Это считается большим грехом. Даже, может быть, не зная глубокого значения подобного поведения,

все понимают, что нарушение этих запретов не ведет ни к чему хорошему. Взрослые очень внимательно следят за соблюдением этих правил и учат им своих детей.

В Вершине существует очень хорошая традиция: во время полевых работ трудиться сообща. Справно и весело идет работа, когда в семье много детей. Сначала дети помогают родителям. Когда дети вырастут и заведут свои семьи, они помогают друг другу в посадке и копке картофеля, во время сенокосов. Общая работа еще крепче сплавливает семью. А если нужно, то и соседям можно помочь. Сажают и копают картофель в селе чаще всего старым, проверенным способом: «конем, под плуг». Некоторые хозяева применяют более современный способ — «под тракторный двухлемешный плуг». Окучивают картофель легким плугом, так называемым «радэлкем». Таким образом, очень тяжелая работа как бы превращается в семейный праздник. Ведь после нее всех ждет вкусный обед и ужин. Это возможность собраться всей семьей, пообщаться, пошутить. Среди ежедневной суеты всем этого так не хватает.

В.И. Фигура и Р.Р. Поспех на восстановлении вершининского костела. 1992 г.

Умение изготавливать «радэлки» (плуги), «копацки» (тяпки), «грабе» (грабли), «кошыки» (корзины), сани, телеги, сбрую для лошадей и т. д. передается в семьях из поколения в поколение. В некоторых семьях сохранились орудия труда, сделанные еще дедами или даже прадедами.

Дома тоже стараются сообща. Помогают и родственники, и соседи, и друзья. Среди них всегда найдется кто-то, хорошо знающий плотницкое дело, и ему поручается руководить стройкой. Не забывают советоваться со старыми плотниками, мастерами своего дела. Всем в селе известны имена таких строителей, как Альфонс Каня, Павел Кустос, Роман Поспех, Станислав Петшик. Я думаю, что надолго также запомнится имя Владимира Митренги, который помог построить не один дом, а мебель, изготовленная его руками, служит по сей день во многих семьях.

А сколько домов построил Ян Фигура? Трудно сосчитать, сколько его руками сделано столов, стульев, кушеток, оконных рам, дверей. Почти каждый дом в Вершине украшен ставнями, сделанными вручную Яном Фигурой. Он принимал заказы и от жителей соседних деревень. Даже из Усть-Орды и из Иркутска к нему приезжали. И никому он не отказывал. Всегда с улыбкой, всегда с шутками и добрым словом, рад был помочь каждому. А когда пришло время реставрировать костел, Ян Фигура был одним из первых, кто взялся за это дело. Вместе с ним восстанавливали храм Антон Недбала, Роман Поспех, Владимир Фигура.

Есть в Вершине и печных дел мастера: Семен Вуйчицкий, Степан Каня, Иван Митренга, Станислав Янашек, Эдуард Соя, Геннадий Соя, Анатолий Куцек, Елена Стемплевская. Многие из них переняли свое мастерство от отцов и дедов.

Очень жаль, что в Вершине не сохранилось ни одной водяной мельницы, а было их четыре. Была и водяная пилорама, и кузница. Все разрушила коллективизация. Об этом все вспоминают и с гордостью, и с грустью.

В любом обществе есть время работы и время отдыха, праздника. Кто умеет трудиться, тот умеет и веселиться. В Вершине с одинаковым уважением относятся и к русским, и к польским праздникам. Польские праздники очень тесно связаны с религией, поэтому многие годы они были под официальным запретом. Костел, который был построен в начале XX века, был закрыт и почти разрушен. Не было священника, а вместе с тем возможности венчаться, крестить детей, хоронить умерших по-христиански. Надолго была прервана связь

с Польшей. Но несмотря на все эти трудности, вершининские поляки старались сохранить свой родной язык, традиции, культуру. Это была последняя ниточка, которая связывала их с Польшей, которая помогла им не забыть, кто они и откуда.

Долгое время вершининцы старались жениться или выхорудить замуж только «за своих». До сих пор сохранился старый польский обычай сватовства. В родительский дом девушки приходит парень со своими родителями, сватом и свахой, а в последнее время — и с ближайшими родственниками. Приносят с собой «четверть» — бутыль с длинным горлом, в которую вмещается шесть бутылок водки. Такая бутыль теперь большая редкость, хранится и используется она специально только для этого случая. В доме девушки все готово к приему гостей. Все уже заранее обговорено, но сначала разыгрывается спектакль. Сват и сваха говорят, что пришли за товаром или хотели бы купить телочку. Начинаются торги, полные шуток, юмора и смеха. Парень в это время вместе со своими помощниками старается проникнуть в другие комнаты и найти то, за чем пришел. Девушку обычно прячут где-нибудь в доме. Иногда на стулья в ряд садятся переодетые девушки, женщины или даже мужчины. Среди них может быть также будущая невеста. Жениху предлагается на ощупь определить, есть ли здесь его суженая.

Вершина. Мельничное колесо. Фото Ю. Лыхина, 2005 г.

В Пасхальное воскресенье. 1990-е гг.

Когда гости находят «товар», за которым пришли, просят девушку, чтобы она развязала ленточку на бутылке. Девушка развязывает очень туго и на несколько узлов завязанную ленту. Жених эту ленту повязывает ей на правую руку. С этого момента девушка считается его невестой. Потом жених наливает рюмку из четверти и подает невесте. Она выпивает ее, обращаясь к жениху по имени: «До чебе, Яне». Следующую рюмку пьет жених, обращаясь к невесте. Потом они пьют поочередно, обращаясь к родителям, называя их «мама и тата». И наконец пьют, обращаясь к свату и свахе, а также к родственникам с обеих сторон. Все пьют из одной рюмки. Жених и невеста могут не выпивать рюмку до дна, а лишь только пригубить. И в конце наливают свату и свахе.

До этого момента всё происходит в передней комнате и все стоят. Только после этой церемонии хозяева приглашают гостей в большую комнату, накрывают на стол (ведь все уже заранее было приготовлено). Первый тост произносит отец невесты, потом мать. Затем молодых поздравляют родители жениха и все желающие родственники. Во время застолья договариваются о дне свадьбы. Свадьбу обычно назначают через месяц после сватовства.

Еще совсем недавно свадьба проходила в двух домах. В

первый день застолье было в доме невесты, во второй день — в доме жениха. Сейчас свадьбу делают в одном доме. Современная свадьба почти ничем не отличается от русских свадеб. Сохранился только обычай «оцепин». В 12 часов ночи с невесты снимают фату, повязывают на голову платок и надевают фардук. Пожилые женщины в это время поют обрядовую песню. С этого момента невеста становится хозяйкой.

Когда в семье рождается ребенок, его обязательно нужно окрестить. Поляки в Вершине всегда считали себя католиками. Крестить детей ездили в католический костел в Иркутск. Когда костел закрыли, детей стали крестить бабушки. Чаще всего ребенка крестила та же женщина, которая принимала роды. Долгие годы крестила детей водой Магдалина Мычко — очень уважаемая и всеми любимая на селе бабушка. С 1991 года к нам приезжает о. Игнацы Павлусь. Те, кто желает окрестить детей, обращаются к нему.

До сих пор жива в Вершине традиция празднования Пасхи, особенно ее второго и третьего дня, так называемые «Лэйки». Долгие годы католические праздники праздновались без священника, поэтому до наших дней они в большей степени сохранили светский, а не религиозный характер. Польских календарей не было, но старожилы всегда умели подсчитать, на какой день приходится Пасха. К этому дню красили в лу-

***Рождественские колядки
в доме у Владислава и Станиславы Лёрек. 2003 г.***

Именины Яна Вижентаса. 2004 г.

ковой шелухе яйца, называя их «крашанки» или «писанки», готовили праздничную еду: холодец — «галаретэ», кровяную колбасу — «крупнёки», сальтисон — «салцэсун», бигос и многое другое.

Работа в праздничные дни считается большим грехом. В понедельник утром, во второй день Пасхи, мужчины с флаконом духов отправляются поздравлять с праздником женщин. В первую очередь поздравляют родителей, потом заходят к соседям, к родственникам. В этот день без приглашения можно войти в любой дом. Войдя в дом, мужчины поздравляют с праздником Пасхи, говорят пожелания и брызгают духами на всех присутствующих женщин, несмотря на возраст. За это получают угощение. Затем идут дальше.

Во вторник подобным образом женщины поздравляют мужчин с праздником. Женщины редко ходят с поздравлениями. Чаще всего они ограничиваются поздравлениями в кругу своей семьи. Дети же просто обливают друг друга водой.

К сожалению, почти забылась традиция празднования Рождества. Но в памяти наших дедушек и бабушек, наших родителей сохранились польские колядки. Передавались они устно из поколения в поколение. Никто из взрослого населения читать по-польски не умеет. Те, кто умел читать по-польски, уже давно умерли.

Благодаря приездам о. Игнацы традиция празднования Рождества стала возрождаться. Во многих семьях в канун Рождества готовят «Вигилию» — постный праздничный ужин. В 12 часов ночи собираются в храм. Перед «пастэркой» — рождественской службой, дети показывают вертеп — спектакль о Рождестве Христовом. В эту ночь в храм приходит необыкновенно много людей, даже из соседнего села.

Все, кто считает себя поляком, помнят о празднике Всех Святых. Перед праздником прибираются на кладбище, приводят в порядок могилы своих родных. 1 ноября, в день Всех Святых, приходят на кладбище, зажигают свечи на могилах, читают молитвы за усопших. Вершининское кладбище находится в лесу на холме. К вечеру в этот день оно красиво светится маленькими огоньками.

Очень интересен в Вершине обычай празднования именин. Когда-то день рождения отмечали редко. Как и в Польше, больше праздновали именины — день своего покровителя. К сожалению, не все помнят и знают, в какой день их именины. Давно уже перестали получать календари из Польши, в которых можно было найти день своих именин. Появились также новые имена, которые не всегда встречаются в польском календаре. Отмечают, как и раньше, свои именины Хэлэны — 2 марта, Франчишки — 9 марта, Станиславы — 8 мая, Антони — 13 июня, Зеноны — 23 июня, Владиславы — 27 июня, Петры и Павлы — 29 июня, Анны — 26 июля, Степаны — 26 декабря.

Накануне именин имениннику плетут большой венок в форме подковы — «корону». Летом венок плетут из веток березы и лиственницы. Украшают его лесными и полевыми цветами — колокольчиками, жарками, желтыми и красными лилиями, венериными башмачками. Зимой венок делают из пихтовых веток, украшая их цветными ленточками. Иногда к венку привязывали записку с текстом на польском языке, написанным русскими буквами. Ночью, когда в доме именинника или именинницы все спят, венок вешают на воротах или дверях дома. Сделать это нужно так, чтобы никто не заметил. Утром по венку, украшающему ворота или двери, все узнают, у кого сегодня именины. А именинник должен догадаться, кто сплел для него венок, и пригласить его на именины. В противном случае на следующий год в день именин вместо красивого венка может быть прибита к воротам большими гвоздями береза. На именины ходят без подарков. Подарком считается сплетенный венок.

Степан Алексеевич Мамонцев. 2003 г.

Конечно же, все праздники, семейные торжества сопровождаются песнями, плясками, шутками. Не может быть настоящего гулянья без гармошки или баяна. В каждом поколении вершининцев были и есть гармонисты-самоучки. В семье Мамонцевых играют на гармошке отец, трое сыновей, начинает играть на этом инструменте и внучка. Валерий Конечный свою любовь к гармошке унаследовал от матери. Научился он также играть на баяне и аккордеоне. Дед Виктора Рася — Ян Калета — играл в семейном оркестре на скрипке, а сам Виктор играет на гармошке. В семье Валентина Вижентаса играют на гармошке отец и четыре сына. Вершининские гармонисты знают и польские, и русские, и украинские мелодии. И поют в Вершине также на разных языках.

В 1985 году в Вершине был создан польский фольклорный ансамбль «Яжомбэк». Инициатором создания ансамбля был Сергей Кочетков. Он тогда работал директором местного клуба. Первыми членами ансамбля были Антонина Соя, Ирина Крыса, Альбина Криважня, Павел и Елена Фигура, Аелия Верхозина, Станислава Зелинская, Надежда Кочеткова, Анатолий Куцек, Владимир Каня, Эдуард Фигура, Зинаида Ахмедьянова. Аккомпаниатором-гармонистом был, безусловно, Валерий Конечный. Вместе с ними Сергей Кочетков стал записывать тексты польских песен, которые помнили родители,

бабушки, дедушки. Тексты было очень сложно записывать, потому что никто не умел писать по-польски. Записывали русскими буквами. Много песен подарила ансамблю Мария Викентьевна Новак. Она была самой старшей в ансамбле. Марии Викентьевне тогда было 80 лет, но память у нее была отличная. Она помнила песни, которые пела еще в детстве вместе с родителями, а также сама сочиняла шуточные песни и частушки.

Сначала были долгие репетиции. Потом начались концертные выступления. Ансамбль «Яжомбэк» выступал и в Вершине, и в соседнем селе, и на районных праздниках, участвовал и в областных конкурсах. Его приглашали также в Рязань на фестиваль польской песни. В 1988 году польскому фольклорному ансамблю «Яжомбэк» было присвоено звание народного. На протяжении многих лет члены ансамбля с гордостью и честью несут это имя.

В настоящее время руководителем ансамбля является Елена Хероминовна Фигура, а аккомпаниатором — Степан Мамонцев. Трепетно хранят в памяти старые польские мелодии. Разучивают и новые, современные польские песни. Любят также петь на русском и украинском языках. Польский фольклорный народный ансамбль «Яжомбэк» часто приглашают на районные и окружные мероприятия, где он выступает наряду с русскими, бурятскими, татарскими ансамблями. Ансамбль является как бы визитной карточкой сибирской «Польши».

Вершининцы стараются сохранить и передать молодому поколению все самое ценное, дорогое и прекрасное. Все то, что сумели сберечь и чему научили их предки. Ведь каждому человеку важно знать, кто он такой, откуда и куда идет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tomiccy I i R. Drzewo życia (Дерево жизни). — Warszawa, 1975.

ANNOTATION

Ludmila V. Vijentas. The Polish traditions are still living.

The article of the President of the Polish cultural society of Verшина «Visla» is devoted to various traditional customs, religious rites and believes kept by the inhabitants of the village Verшина hitherto.

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ВЕРШИНЕ

*Светлана Борисовна Митренга,
студентка Люблинского университета
имени М. Склодовской,
с. Вершина, Боханский район,
Усть-Ордынский
Бурятский автономный округ*

На протяжении уже почти столетия в глубине Сибири существует небольшое село Вершина, нередко называемое «маленькой Польшей», «Варшавой». Причиной данного определения является то, что живут тут потомки поляков, которым удалось сохранить свою этническую индивидуальность. Невзирая на обстоятельства, в полной изоляции от польской среды, в иноязычных условиях жители Вершины сберегли свои польские традиции, фольклор, а главное — польский язык, который в селе по сей день остается живым.

В Вершине функционирует два языка: русский и польский. Государственным является русский, соответственно в официальных ситуациях используется этот язык. Также и в школе все предметы преподаются на русском. Иногда именно тут, в школе, дети из польских семей впервые встречаются с русской речью, так как дома говорили только на польском. Но в основном ребенок с младенчества усваивает оба языка и довольно свободно может общаться и на польском, и на русском. Жителям Вершины не составляет труда перейти с одного языка на другой, то есть этих людей можно назвать билингвами.

Стоит отметить, что жители села независимо от национальности хорошо понимают друг друга. Прожив какое-то время в селе, «неполяк» понимает польский язык, хоть говорить ему крайне трудно. Интересно складывается ситуация в смешанных семьях, где родитель-поляк обращается к детям по-польски, русский же говорит на своем родном языке. Именно у детей из смешанных браков польская речь наиболее русифицирована.

Многие годы функционировал в селе польский язык, передавался из поколения в поколение, но исключительно в устной форме. Вершининцы владели лишь разговорной речью.

Еще до недавнего времени никто в селе не умел ни читать, ни писать по-польски. Последняя возможность научиться этому была утрачена вместе с закрытием польской школы (в 1930-х гг.). С тех пор обучение детей проводилось только на русском языке. Контакты с Польшей прервались, польской же литературы в селе почти не было. И только в 1990 году по инициативе главы Шаралдаевской сельской администрации Л.Р. Мантыкова в Вершининской школе вводится родной язык. Появляется возможность научиться писать и читать по-польски, а также познать литературный язык Польши.

Однако основная часть вершининцев не освоила польской грамоты, лишь немногие из взрослых жителей села научились читать по-польски. И теперь, во время бурного развития отношений с Польшей, после того как многие вершининцы приобрели друзей среди «польских» поляков, возникают трудности при переписке. На помощь односельчанам всегда приходит учительница польского языка Людмила Владимировна Виженкас.

Но несмотря на то что вершининцы не умеют писать по-польски, говорить на родном языке они не перестали. Польскую речь можно услышать везде: дома, на работе, в магазине, на гуляньях. В официальных ситуациях, к примеру, на собраниях, общественных мероприятиях, слышна русская речь, но тут же можно услышать комментарии по-польски.

Вершининские поляки гордятся тем, что сохранили родной язык, что происходит это естественно, без принуждения, каждый говорит на нем потому, что так удобно. На польском языке в селе говорит уже пятое поколение. Однако с каждым новым поколением «качество» говора заметно понижается. Возникает вопрос: какой это язык — испорченный польский или же сохранившийся диалект?

Прибывшие в Сибирь поляки говорили в основном на диалекте. С течением времени, в полной изоляции от Польши, в силу изменяющихся обстоятельств данный диалект подвергся значительным изменениям. Язык, на котором говорят в Вершине сегодня, естественно, отличается от того, привезенного в глубь России 100 лет назад. Однако нельзя сказать, что это совершенно иной язык, ничего не сохранивший от прежнего варианта.

Анализируя говор, можно отметить, что фонетически он очень близок к литературному польскому языку. Как и в польском, в большинстве случаев ударение падает на предпоследний слог. Если же слово заимствовано из русского языка, то произношение приближается к польскому, то есть русские лексемы произносятся, если можно так выразиться, на польский манер.

Сохранилось в языке вершининцев также много фонетиче-

ских особенностей, характерных в основном для малопольского диалекта, на базе которого формировался данный говор.

Одной из таких особенностей является переход одних фонем в другие:

- a → о например: jo, teros, trowa
- u например: wum, dum, sum
- e → і например: wi, doniś, dzisiunty
- o → u например: kuń, dum

Низкие фонемы переходят в высокие независимо от положения в слове.

Также сохранился в языке вершининцев процесс, называемый «мазужением», то есть переход шипящей «щ» в «с», например: соркa, соwiek.

Следующим типичным для польских диалектов процессом является редукция фонема «л», например: jarko, соwiek, sunce.

Довольно редко в данном говоре появляются звуки «р», «т», «д» мягкие, которых нет в польском литературном языке, но которые встречаются в диалекте. Они возникают за счет влияния русского языка.

Представленные примеры могут свидетельствовать о том, что фонетика говора в Вершине очень схожа с польской.

Что касается лексики, то тут дело обстоит иначе. Здесь очень заметно влияние русского языка. С каждым годом запас польских слов становится все более скудным. Объясняется это тем, что многие польские слова уходят из употребления. Одна из причин — то, что некоторые предметы, явления исчезают. К примеру, уже никто не пользуется «цепами» при молотье зерна, нет профессии «bydnorz» — человека, который делает бочки. Нет такого явления, как «kuski» (во время голода после уборки урожая люди ходили по полям в поисках того, что там могло остаться). Это все исчезло из повседневного обихода, а значит, и слова уходят в небытие. Вторая же причина — это влияние русского языка, то есть наряду с польской может функционировать русская лексема, например: через — przez; веник — mietla; косички — warkose; родители — rodzice.

Слова конкурируют между собой на равных, но можно предположить, что со временем выиграет русский эквивалент.

Также можно обратить внимание на то, что в польском языке для определения понятия «дядя» используются разные слова, то есть: брат матери — wuj, брат отца — stryj. Сейчас еще в вершининском говоре можно встретить данное разграничение, но следует отметить, что происходит это крайне

редко. В основном появляется в языке определение «wujek», встречается также — «дядя», «дядька».

Необходимо также учесть, что со временем появляются новые предметы, которые не были известны людям, приехавшим в Сибирь. Со многими понятиями они познакомились, уже будучи в Вершине, а значит, для определения новых для себя вещей начали использовать русские слова. Так, в области техники, моды, косметики в вершининском языке присутствует много заимствований, например: комбайн, помада, бухгалтер. Также пополняется словарный запас русских заимствований за счет слов из области медицины: chore letkie — больные легкие; miałam apiendicyt — у меня был аппендицит; uła bieriemienno — она беременна.

Все русские слова подлежат полонизации. Следует отметить, что даже безударное «о» (которое в русском языке произносится как «а») всегда произносится как «о», что приводит к своего рода «оканию». Также «л» произносится на польский манер, что звучит как «у», например: usłowije, położenie.

Хоть вершининцы и коренные поляки понимают друг друга, но иногда доходит до недоразумений вследствие того, что в вершининском языке существуют слова, заимствованные из русского языка, которые в польском имеют совершенно другое значение: «dywan» в литературном польском обозначает «ковер», а в говоре вершининцев — «диван»; «rozebrać się» — в польском «раздеться», в говоре — «выяснить отношения, разобраться».

**На уроке польского языка (Юра Мамонцев, Руслан Каня).
Дундай, 2003 г.**

Для предков сегодняшних поляков очень важна была религия, поэтому по сей день сохранились лексемы из этой сферы: *amen, raciz, bóg, kościół, ksiundz, modlić się, klynkać*.

Также без изменений сохраняются и используются вот уже которое поколение такие слова, как: *dum* (дом), *rzyka* (река), *drzewo* (дерево), *ptok* (птица), *krowa* (корова), *kuń* (конь), *świnia* (свинья), *sklep* (магазин), *chlyb* (хлеб), *сорка* (шапка), *ogródek* (огород), *burók* (свекла) и т. д.

В анализируемом языке можно встретить также польские фразеологизмы:

- *jak kura pazurem* — как курица лапой;
- *szybkę z okienka zrobić* — идеализировать кого-то;
- *śiesać kołki na łebie* — безуспешно кому-то что-то объяснить;
- *oprawiać w ramkę* — поставить в рамку (в смысле идеализировать кого-то);
- *suchy jak hyrc* — очень худой человек.

Стоит обратить внимание также на различные способы обращения вершининцев к людям. В их языке нет форм «*Rap*», «*Rapńi*». Объясняется это тем, что люди, приехавшие в Вершину, были из простого народа, поэтому никогда не использовали данных форм обращения по отношению друг к другу. Однако сохранилась в языке типичная для диалекта форма обращения к родителям на «Вы». Эта форма используется при непосредственном обращении к родителю, например: *Tato zróbcie, Mamo napiszcie*, а также при констатации факта: *tata zrobili, mamo napisali*. Данное явление заметно исчезает из языка и характерно в основном для старшего поколения.

В обращении к бабушке и дедушке, а также к старшим людям, как дань уважения, все используют местоимение «Вы».

В языке жителей Вершины по сей день сохранилась давняя форма образования женских фамилий. Так, к примеру, если мужская фамилия заканчивается на -ек, то в фамилии женщины вместо -ек появится -owo, например: Янашек — Янашково, Рацек — Рацково. Если фамилия заканчивается на -а, то в этом случае происходит ее переход в -ino, -упо, например: Митрынга — Митрынжино, Соя — Соино, Фигура — Фигужино.

Также появляется в языке нетипичное для русских образование женских фамилий от мужских: Вижентас — Вижентаска, Петрас — Петраска, Поспех — Поспешка, Новок — Новоцка. Данные примеры характерны лишь для разговорной речи.

Относительно имен можно сказать, что ситуация складывается по-разному. Если проанализировать имена старшего поколения жителей Вершины, то можно отметить, что в основ-

ном преобладают польские имена, такие как Aniela, Antonina, Helena, Kazimierz, Franciszek, Stanisław. В последние же годы родители называют детей русскими именами: Оксана, Людмила, Светлана, Надежда, Руслан, Вадим, Алексей, Сергей.

Из представленной характеристики языка видно, что вершининский говор формировался на базе диалекта, сохранил в себе особенности данного диалекта, но очевидно также и влияние русского языка. В основном русский язык наложил свой отпечаток на лексику. Что же касается фонетики, то она почти не изменилась. Сохранил в себе язык также некоторые особенности диалекта, например, обращение к родителям на «Вы», образование женских фамилий, некоторые типичные польские имена — Зенон, Михалина, Мечислав, Франчишек.

Думаю, что язык вершининцев на данный момент можно назвать польским, точнее, польским диалектом, развивавшимся в нетипичных условиях, который содержит массу заимствований. Какова будет судьба языка через пару лет — неизвестно. Можно только надеяться, что совсем местный язык не исчезнет, а будет развиваться благодаря контактам с Польшей, а также благодаря польскому обществу «Wisła».

ЛИТЕРАТУРА

Галеткина Н. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. — 1996. — № 1 (2).

Гольцекер Ю.П. Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири // Interpretacje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny. — Lublin, 1989.

Гольцекер Ю.П. Тексты из села Вершина (Иркутская область) // Studia nad polszczyzną kresową. — Wrocław; Warszawa; Kraków, 1991. — Т. VI.

Decyk W. Próba opisu polskiej gwary wsi Wierszyna // Poradnik językowy. — 1995. — Z. 8.

Dejna K. Dialekty polskie. — Wrocław, 1993.

Urbańczyk S. Zarys dialektologii polskiej. — Warszawa, 1976. — Wyd. V.

Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii (Вершина вблизи и издали: Образы польской деревни в Сибири). — Kraków, 2003.

ANNOTATION

Svetlana B. Mitrenga. The Polish language in Vershina.

The article is devoted to the analysis of the Polish language kept in the village Vershina verbally hitherto. The author mentions some peculiarities of the Polish language of the inhabitants of Vershina and its alterations eventually.

О ЖИЗНИ

С Франчишкой Павловной Янашек (урожденная Кустос) беседует Н.Г. Галеткина. Франчишка Павловна родилась в 1932 году в Вершине, где и живет по сегодняшний день. Беседа записана в июле 2005 года.

Я родилась в 1932 году, как раз тогда, когда здесь стали колхозы организовываться. Когда мама вышла замуж в 1931 году, колхозов еще не было. Родители, как только поженились, накупили себе все для хозяйства. Они же не знали, что будет колхоз. Думали, что будет все единолично, как в Польше. Ну, а тут заставили всех насильно вступать в колхоз. Дали 24 часа срока на то, чтобы собраться — и все. У кого ничего не было, тот ничего и не дал, но также пошел работать в колхоз. А у кого было какое хозяйство — все забрали. Допустим, плуг вот был, телега какая-то — все надо было отдать в колхоз. Нам пришлось буквально все отдать, что купили. Мама говорила, что если бы они знали, что все так произойдет, то не покупали бы ничего.

— *А что было, если люди не хотели отдавать?*

— Тогда заставляли насильно. Мама рассказывала, что если кто-то сам не хотел, то к ним приезжали потом и насильно заставляли все отдать в колхоз.

Приходят, допустим, к кому-то домой раскулачивать, вроде как милиция. Все забирают, а потом устраивают торги такие, на которых эти вещи продают по дешевке. Например, заберут у них стол какой-нибудь дорогой, а на торги за копейки его выставят. У кого деньги есть — покупают, а деньги эти власти уже сами забирали.

Если у кого-то была мельница или кузница — сразу считались кулаками. Но не только они. Забирали все, и людей ни с чем оставляли. Я помню некоторых, потому что мы там жили напротив. Моего папки родной дядя с семьей жили в такой маленькой избушечке, там в сенях пола даже не было, только

земля. Но он в то время строил себе большой дом. Тот уже крытый был, колоды стояли, только рам еще не было. И тут их раскулачили, этот дом забрали, а они так и остались жить в этой избушечке. Дом остался стоять там же, но он стал колхозным. Там пчел разводили. Помню, как мы бегали в войну, мед качали в этом доме. Картошку там держали зимой колхозную, на посадку. А потом уже после войны сделали там контору, и она была конторой, пока не объединились колхозы все.

Бабушку покойного мужа тоже раскулачили. Дом забрали, и она стала жить с детьми. А в 1937 году ночью приехали и эту бабушку совсем забрали. Так было не только с ней. Кого раскулачили в начале 1930-х, потом всех их забрали в 37-м году. Некоторые еще до того отсидели в тюрьме. Вот сестра рассказывала, что отца ее мужа раскулачили и он в тюрьме, наверно, два года был. С тюрьмы пришел, думал, что уже все, отсидел свое, а в 37-м году его снова забрали.

Тогда, в 37-м году, из деревни забрали 29 мужчин и одну женщину, бабушку моего мужа. Мужчин забрали самых таких работающих — от 28 до 40 лет. А кого тогда не забрали, через несколько лет на войну всех взяли. Тут уже ни одного мужчины не было. Остался один инвалид, он без руки был, а так — всех забрали. Но ни один из них на фронте не был. Война шла, бомбили, а они сзади шли и восстанавливали.

— *Они считались мобилизованными в армию?*

— Да, вроде как в армии. Но только вот никаких льгот, как участникам войны, им не дали. Те, кто пришли с фронта ранеными — они на первом счету были, их как ветеранов все уважали. А папка мой сколько служил — нигде ничего не говорилось, что он был на войне.

Папку забрали в 1941 году, 16 декабря. Его почти последнего из мужчин забирали. Служил в Иркутске, на пилораме работал, доски пилили на строительство. В 42-м он еще в Иркутске был. И в 42-м же его вместе с братом отправили в Грузию. Он вернулся в 47-м году, 16 июля. Вот сколько еще после войны служил, отстраивал разрушенное.

— *А остальных из тех, кого забрали в 1941 году, — их тоже отправили на строительство?*

— Так, все-все. Ни один из поляков не был на фронте. Только вот уже в самом конце войны на фронт взяли нескольких пацанов, они еще не женаты были.

— *То есть всех мужчин забрали, а кто в колхозе остался работать?*

**Антонида Теофильевна Кустос,
мать Ф.П. Янашек. Вершина,
1940-е гг.**

— Одни женщины и дети. В колхозе работали, да к тому же и свои 80 соток надо было обрабатывать. Свои участки на себе пахали. Помню, плуг дала соседка. Она была украинкой, с Тихоновки переехала в Вершину перед самой войной, в 39-м году. Мужа у нее забрали, осталась одна с детьми. Старшие-то у нее были пацаны, а у нас мы были у мамы дочери первые: я с 32-го, Зина с 34-го, Тоня с 35-го, Сабина с 37-го. Потом уже в 39-м брат родился, а в 40-м еще один. И вот мы с сестрой и эти парни соседские тянули плуг, а мама шла за плугом и пахала на нас. Остальные — младшие пацаны, садили картошку. У нас не было привычки копать лопатой,

садили и копали картошку плугом. Вот как сейчас конь идет, на нем пашешь, а тогда мы сами тянули плуг. Всю войну так.

— *То есть вот эти 80 соток в основном засаживали картошкой, да?*

— Нет, не все. Сеяли немного проса и ячменя на крупу, пшено. Сеяли еще рыжик — чтобы было рыжиковое масло. Тогда в Тихоновке была маслобойня, и вот на этом рыжиковом масле жарили, вкусно было.

— *А что это за рыжик? Может быть, это так рапс называли?*

— Нет, рапс — это другое. Рыжик — желтыми такими цветочками цвел, а потом делались мелкие зернышки. Были у нас такие цепы, молотили сами вручную, а из того, что оставалось, метелки делали, убирали на зиму. А масло было желтое-желтое, сейчас такого не делают, а вот почему — сама не знаю. Оно же вкусное. Вот хлеб макали в него и ели, картошку жарили на нем. Такой вкусный запах у него был!

Но вообще голодно тогда жили, бедно. Папки шесть лет почти не было, мама одна с нами. Ну, не умерли, но ели в основном одну траву.

Я самая старшая в семье была. После меня до войны родились еще три сестры и два брата. А в войну, в 1942 году, родился еще один брат. И вот помню, как мама зимой уехала в Бохан и оставила на меня этого маленького брата. Несколько месяцев ему было, а мне 10 лет. Три дня, помню, ее не было, потому что она пешком обратно шла. Сейчас-то что — одно воспоминание, а вот тогда как трудно было! В избе было очень холодно, потому что топить было нечем. И вот мы поехали с сестрой в лес, привезли на саночках дров, в избу затащили, напилили. Печку натопили, а младшие дети сидели с маленьким всю ночь и топили печку железную, чтоб его не заморозить. Потом мы к утру заснули. Встали утром, а у мамы цветы были, фикусы, смотрим — они все замерзли. Мы так боялись, как бы брата не заморозить. Как вспомню!

Сейчас-то печки у всех такие, что можно натопить ее и она греет долго. А в то время печка была другой — тепло держалось, пока ее топили. А топить было нечем.

— *Так леса же вокруг было много.*

— Но мы на себе не успевали привозить. На себе же возили всю зиму. Со школы придешь, какую-нибудь картошечку в печке зажаришь, съешь ее и с саночками идешь в лес. Придешь с этого лесу — уже темно. Распилишь, вот, натопишь. Пока печка топится

Франчишка Павловна Кустос. Алз-май (Иркутская область), 1951 г.

Степан Павлович Кустос.
1950-е гг.

— тепло, перестал топиться — все, тепла нет. Сейчас у нас другие печки стоят. Это уже после войны их начали так строить, что обогрев вокруг идет и тепло держится сутки. А в то время они были очень простые — плита построена и труба сразу идет. Тогда не было еще такой моды, чтобы с обогревом, еще никто ничего не понимал. В Польше-то не было таких печей, там же тепло, вот никто и не умел.

— Но ведь когда приехали в Сибирь — сразу же холодно было...

— Раньше еще почище морозы были. Рассказывают, что когда только приехали, до

50 градусов был мороз, так, что плюнешь, говорили, и слюна на лету замерзала. И выживали.

— Во время войны в Вершине один колхоз был?

— Да. Те два колхоза, которые здесь были до войны, я не помню, маленькая еще была. А вот что сама помню, так это то, что в 40-м году уже был один колхоз, но две бригады. До конного двора и Нашата — это была одна бригада, а с конного и до конца — другая бригада. В Хонзое отдельный бурятский колхоз был, там тогда еще одни буряты жили. Тодобол тоже отдельно был, только он относился к Хонзою. Это же бурятская деревня была — Тодобол. В Дундае тоже был отдельный колхоз.

Потом все эти колхозы объединили, и стал один колхоз «Дружба». Это произошло уже где-то в 1950-х годах, потому что когда я замуж выходила в 55-м, то колхоз «Дружба» уже был.

Я в колхозе всю жизнь работала. Мне не пришлось учить-

ся, три класса даже не кончила. А когда было учиться? Надо было работать — в колхозе, дома, с детьми. Позже я могла учиться, но мама не пускала в школу, говорила: «Иди работай, я на вас одна не смогу заработать». Пошла работать, мне 12 лет было. Мама кусочек хлеба заработает, я кусочек хлеба заработаю, вот так и выжили.

— *И кем работали?*

— Всяко разное — и дояркой, и на лесозаготовках в Тайшете и Алзамае, и в пекарне хлеб стряпала. А потом все больше поваром работала. Еще молодая была, незамужем, уже поваром работала.

Так всю жизнь в колхозе и проработала. С 12 лет у меня стаж идет, а получаю-то что — гроши. А в колхозе до 1960-х годов и вовсе ничего не получали. Тогда же были не деньги, а трудодни. А что на трудодни можно было получить? Ничего. Денег не получали, только хлеб давали, может, на целый трудодень 200–300 грамм.

— *То есть вы работали весь год и вам начислялись на бумаге трудодни...*

— Да, сколько там трудодней заработал. Если хорошо работала, выполняла две нормы — то могло быть 40 и 50 трудодней в месяц. Потом на эти трудодни в конце года распределяли хлеб. После уборки урожая давали зерном.

— *А весь год на что жили?*

— А на что жили? Вот так — всяко разное.

— *То есть за дарма, получается, работали?*

— Ну, конечно, денег-то мы не знали и не видели. Нам

***Петр Павлович Кустос.
Начало 1970-х гг.***

Степан Вацеславович и Франчишка Павловна Янашек. Сочи, 1966 г.

мей, каждый на своих конях, и ехали вместе, потому что поодиночке было опасно — грабили по дороге. Обычно они летом собирались группой — кто заколол поросенка и имел мясо, кто яичек — все это везли в город продавать. А на эти деньги там покупали в основном ситец дешевенький, чтоб шить платышко, допустим. Ребятишкам, может, еще обувь какую-то там покупали. Раньше в Иркутске на 2-й Советской была барахолка, там старую одежду продавали. Где-то до 60-го года ездили туда, чтобы купить чего-нибудь подешевле, старенькое. Вот так же было. Вот так и жили люди.

Перед самой войной, помню, мне было уже восемь или девять лет, папка собрался в город летом. На паре коней,

первый раз только выдали деньги, помню это как сейчас, в 58-м году. Тогда к трудодням стали добавлять и немного денег. В конце года все посчитали, и получилось, ну, может, 300 рублей. 61–62-й — там уже пошли деньги. Трудодни отменили и стали выдавать деньги каждый месяц.

— Значит, до 1960-х годов денег не было, и магазинов, получается, тоже не было?

— Магазины-то были.

— А на что вы там могли купить, если денег не было?

— Ну, как было: кто что вырастил, поехал в город, продал. Ездили на конях в Иркутск почти до 1940 года. Собирались несколько се-

да телега такая — на четырех колесах. Ехали в ту сторону на конях дней пять.

— *Так долго?*

— Так ведь на конях надо было ехать, а конь — сколько он может пройти? Он же вез груз. Кормить надо было коней в дороге. Если летом ехали, то отпускали коней на пастбище, а если зимой, то на отдельных санях везли корм. Шли, допустим, две подводы. На одной было сено, чтобы коней кормить, а на другой ехали люди. Но все больше шли пешком, потому что холодно было, посидишь — замерзнешь, а пойдешь пешком — согреешься.

— *А ночевали где в дороге?*

— Раньше были постоянные дворы. По дороге уже были такие определенные люди, которые принимали у себя за плату. А в Иркутске возле рынка был специальный постоянный двор, где для коней были сделаны стойла. Не помню уже точно, где был этот рынок — там, где сейчас, или нет ли. Там постоянно люди специальные ночевали. А для коней были вот такие стойла, чтоб можно было коня выпрячь. Ставили, сено давали. Там постоянно сено было. Машин же не было.

С.В. Янашек (справа). Вершина, 1957 г.

**Три сестры, урожденные Кустос (слева направо):
Франчишка Павловна Янашек, Антонида Павловна Фигура,
Сабина Павловна Поспех. Вершина, 2004 г.**

Помню, перед самой войной только появилась в колхозе первая машина. Она тогда еще не на бензине, а на дровах работала. Пилили такие короткие березовые чурочки, кололи их и топили ими. Вот там был, помню, бак такой, куда загружали дрова, и топили ими.

— А как она выглядела?

— Как грузовик, так же. Перед самой войной она появилась. А потом, когда война началась, эту машину на войну забрали. Только уже в конце войны у нас колхоз купил машину, самосвал. Потом была грузовая машина, газик. И вот мы собирались несколько семей — и на этой машине ехали.

До войны я не ездила торговать, это папка с мамой рассказывали. В войну мама потом одна ездила, а я первый раз поехала после войны. Мама отправила нас с сестрой вдвоем торговать мясом. Вот сейчас отправь в таком возрасте торговать — мне только 13 лет было. Рынок был холодный, это в апреле месяце, помню, было. Дорога грязная. Мы ехали, наверно, трое суток на этой машине до Иркутска, потому что проехать до Тихоновки было невозможно, такая была грязь.

Тогда, я помню, мы хорошо так все продали, хоть и боялись, что нас обманут. Были вот эти воры — могли ук-

расть, обмануть. Тогда вот цыгане больше этим занимались. Как-то складывали так деньги, пока ты вешаешь мясо, что вот они вроде бы перед тобой, а потом смотришь — и не досчитываешься. Но в тот раз у нас с сестрой все хорошо обошлось. Продали мы это мясо, накупили много товаров, и еще деньги остались. Мама купила еще потом телочку за эти деньги.

— *То есть возили тогда только мясо, а картошку, молоко?*

— Молоко-то нет, его довести до города сложно. Масло возили. После войны, помню, старушки, которые там по соседству жили, накопят масло себе, яичек — дадут нам, на продажу давали. Продашь, привезешь им денег или мед.

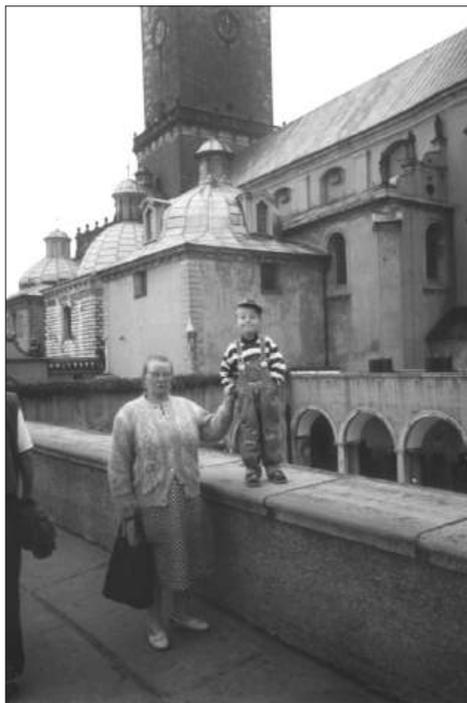
— *А из колхоза спокойно отпускали в город на рынок?*

— Из колхоза, когда кто-то собрался ехать на продажу, то отпускали. Не было уже никаких препятствий.

— *Но паспортов у вас тогда еще не было?*

— Паспорта? Вот, знаете, мой покойный муж учился в 63-м году в Иркутске на шофера. В ноябре 62-го он поступил — и ему выдали паспорт на 10 лет. А как только закончил учиться в 63-м году, получил права, приехал в деревню — тут же сразу пришли к нему и паспорт забрали. Сразу пришел приказ в сельсовет — отдать паспорт. Без паспорта-то в Иркутске он не мог учиться, а когда кончил учиться, сразу же паспорт забрали.

А уже мы стали паспорта получать где-то в 70-х годах. Уже всем тогда стали на руки выдавать, а так вообще паспортов не было.

**Ф.П. Янашек с внуком Валентином.
Варшава, 1997 г.**

— *Если захотели, например, уехать из Вершины, то как могли это сделать без паспорта?*

— А не пускали. У нас брат пришел с армии, семья большая была, а земли своей — 60 соток, хоть на одного человека, хоть на десять. Брат говорит: «Что я, мама, здесь буду делать, сколько нас здесь? Я пойду в Тихоновку устройюсь, все же что-то буду получать, легче будет, сам себе уже буду зарабатывать». А в Тихоновке был государственный райторг. Ну вот, он ушел из Вершины, а маму с папой из-за этого лишили тогда усадьбы, отобрали у них половину, и на 12 человек оставили только 30 соток. Это наши местные так сделали. Потом мама обратилась выше. Поехала, сказала: «Как так? Такая семья большая, не можем же выживать на 30 сотках». Ну, и приказ пришел, чтобы отдать землю обратно, а также разрешение брату, чтобы мог выехать.

Но нам всем выдали паспорта где-то уже в 70-х годах. Потому что в 66-м я поехала на курорт в Сочи, у меня паспорта еще не было, а выдали мне такую специальную справку.

— *То есть люди всю жизнь жили в своей деревне и никуда не выезжали? В отпуск, например, к родным в Польшу — не ездили?*

— А вот это не разрешали. В первый раз в 63-м году поехали свои в Польшу. Выработали себе документы. Но тогда не так, как сейчас — захотел и поехал. Сначала приглашение надо было получить. Потом ехать в Бохан, в районный центр, там надо было регистрировать все. Только после этого выдавали временный паспорт.

— *Скажите, пожалуйста, а Вы застали еще костел в селе? Его колокольню ведь где-то перед войной сбросили?*

— В 39-м, мне было тогда семь лет. Я помню, мы еще полови где-то на полях, и как грохнула эта колокольня! Но это комсомольцы сделали.

— *А комсомольцы свои?*

— Свои, вершининские, свои же поляки.

— *А помните еще богослужения в костеле?*

— Помню, но когда я ходила в костел этот, то уже ксендза не было. В 29-м году запретили ксендзам ездить сюда, и потом в 30-х годах все возили на конях своих детей крестить в город. Вот тот костел, который в Иркутске, — это же наш костел был. Это потом его уже забрали, когда война началась, и вот сделали сейчас органнй зал. Отдали только кусочек, а это же был наш костел, польский. Возили туда детей малень-

ких, грудных, чтобы крестить. Молодежь вся ходила в церковь и верила в Бога, тогда-то все верили.

— *То есть Вас родители воспитывали еще в религиозной вере?*

— Да, да. До войны все же так воспитывали. Я помню, что где-то в 37–38-м с бабушкой ходила в костел. Ксендза уже не было, службы настоящей тоже, не положено было без ксендза, но все еще приходили сами и молились. Хор был, помню. Орган был здесь же.

— *По воскресеньям все собирались?*

— По воскресеньям. Люди шли — все эти бабушки... И читали, и молились, и орган играл, и песни пели. Это было еще до войны.

— *А вот потом как было — в 40–50-е годы? Ведь костела не было, в школе все против Бога говорили, а вы все равно верили?*

— А мы все равно. Мать спать ни за что не пустит, пока я не стану перед иконой на колени и молитву не скажу. Она никогда не давала идти нам всем спать до тех пор, пока не помолимся. И потом, когда ее уже не было, я все равно молитвы знала и детей своих приучала...

— *Ваши родители жили в Нашате или Вершине?*

— В Вершине. Где вот конный двор, там по правой стороне неподалеку от него дом наших родителей стоял. Мы там все и выросли, 12 детей у нас в семье было, я — самая старшая, с 1932 года, а самая младшая — с 1956 года. Много было в жизни. Вот рассказываешь сейчас внукам — как трудно было, как голодовали. Конечно, для меня все это осталось в памяти на всю жизнь. На всю жизнь запомнилось. Как было, как жили люди...

ANNOTATION

Franchishka P. Yanashek. About the life.

One of the inhabitants of the village Verzhina in her interview testifies to the moments not simple in the history of her life and the life of other migrated Poles in Soviet Siberia at the middle and second half of XX century.

МАМА

Антонина Петровна Соя

В этом, юбилейном, году особенно часто приходят воспоминания о тяжелых годах Великой Отечественной войны. Минуло уже 60 лет со дня ее окончания, но воспоминания о ней до сих пор отзываются болью в сердце. Война коснулась каждой семьи. Не обошла стороной ни одно село. Люди, пережившие войну, до сих пор дорожат каждой крошкой хлеба, бережно относятся ко всему, что у них есть. Мы иногда справедливо упрекаем своих внуков, что они не умеют ценить то, что досталось огромным трудом их предков. Спасибо им, нашим родителям, нашим бабушкам и дедушкам, за то, что они сберегли для нас в своей памяти все тяготы и невзгоды войны. При этом сберегли также в своих сердцах любовь и доброту, уважение и сострадание. Помня о жестокости, сами не ожесточились. Все самое ценное, самое лучшее они хотят передать молодому поколению. И чтобы ужасы войны не повторились, мы должны помнить о ней. Не зная прошлого, нельзя понять настоящее и строить будущее. Но прежде всего мы должны помнить о людях, которые вынесли все эти невзгоды и благодаря которым мы сегодня можем радоваться и жить полной жизнью.

Я хочу рассказать о своей маме — Марии Викентьевне Новак. Родилась она в Польше в селе Имельно Келецкой губернии 4 декабря 1906 года. В 1910 году она вместе со своими родителями приехала в Сибирь. В начале XX века крестьяне Петроковской, Радомской, Келецкой и других губерний добровольно переселялись в Сибирь и принимали активное участие в ее хозяйственном освоении. Ехали они сюда вопреки общему убеждению, что сибирская земля может быть только местом страданий.

Родители моей мамы, Винцентий и Екатерина Калета, вместе с соотечественниками поселились на Трубачеевском участке Осинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. Здесь-то и поднималось польское село Вершина.

Моя мама росла в трудолюбивой и музыкальной семье. Кроме нее в семье было еще двое детей — Ян и Ядвига. У них был свой семейный оркестр: отец играл на кларнете, брат Ян — на скрипке, сестра Ядвига — на контрабасе, а Мария — на бубенцах. Во время праздников, в долгие зимние вечера собиралась семья, приходили родственники, соседи и начиналось веселье. Звучали тогда только польские мелодии и пели польские песни. Тем самым успокаивали свою глубокую тоску по родине. Особенно чтимыми в семье были праздники Рождества Христова и Пасха. Тогда с песнями, колядками, шутками весь семейный оркестр выходил на улицу. Праздновало и веселилось все село. Пели в основном те песни, которые помнили еще по Польше. Некоторые имели песенники, но главным образом это были церковные песни. Потом стали появляться песни, сочиненные уже в Сибири. Мама была мастерица сочинять, особенно шуточные песни. Она была очень маленького роста. Всегда приплясывала, когда пела.

После того как в 1937 году репрессировали нашего дедушку, семейный оркестр распался. У каждого из детей была уже в то время своя семья. И после такой утраты петь-то особо уже не хотелось. В школе тогда ввели запрет на обучение детей польскому языку.

Мария Викентьевна Новак. Вершина, 1995 г.

Екатерина Калета с правнуками Владимиром, Виктором, Зинаидой и Франчишкой. Вершина, 1962 г.

Потом пришла следующая беда. Началась Великая Отечественная война. Отца, Петра Францевича Новака, в 1941 году забрали в армию. В то время у нас в семье было шестеро детей. Отец вернулся домой только в 1946-м. Он не был на фронте. Всю войну он работал на заводе, на Кавказе вместе с другими односельчанами.

Матери одной приходилось растить детей. И колхозная работа тоже лежала на женских плечах. Ведь мужчин в селе почти не осталось. Одних расстреляли в 1937 году, других взяли на фронт. Мама работала на разных работах вместе с другими женщинами. Весной сеяли пшеницу, рожь. Летом косили сено, а когда приходила пора собирать урожай, жали серпами и вязали снопы. Почти всю работу делали вручную. Тракторов еще не было, а коней было совсем мало, и те худые.

Помню, как тяжело и голодно жилось нам во время войны. Мать работала в колхозе в поле, а мы, дети, запрягались в плуг и пахали свое домашнее поле, садили картошку. Кони от голода падали, а мы выстраивались в очередь, чтобы хоть маленький кусок мяса достался. Летом жили почти на одной траве. Черемшу, крапиву, лебеду собирали и суп варили. Об-

ратом его белили. Сметану и масло нужно было сдавать. И картошку мы сушили, на фронт отправляли. Однажды маму забрали из дома и держали под арестом несколько дней в школе за то, что она принесла домой горсть гороха и сварила нам суп. Мы приходили в школу, плакали, просили, чтобы маму отпустили домой.

Весной, как только растаял снег, мама вместе с другими женщинами ходила собирать колосья. В Вершине поля были маленькие, собирать колосья на поле было запрещено, поэтому за колосьями ходили за 40 километров на Воскресенские поля. Там поля были большие. Когда уходили за колосьями с ночевой, мама отправляла моих старших сестер — Марию и Елену, а сама с младшими детьми оставалась дома. Матери с полуслова слушались. На праздники мама всегда припасала что-нибудь вкусное. И веселила нас своими песнями, которых знала несметное количество и новые все придумывала. Напоемся, наиграемся — и жить вроде бы легче. Мы все мамины песни до сих пор, как драгоценные камушки, бережем. Помним и поем.

Наша мама прожила трудную, долгую жизнь, но все-таки, наверное, счастливую. Она умерла, когда ей исполнилось 92 года. До конца своих дней она радовала нас своими песнями. Умела работать, умела и веселиться. В свои 90 лет она никогда не забывала, откуда ее корни. Она любила и лелеяла свой родной язык. Ведь это было то небольшое, что связывало ее с родиной. Она и нам привила любовь к польскому языку, во многом благодаря ее песням.

Музыкальный талант мамы передался по наследству ее детям, внукам и правнукам. Кто-то поет, кто-то умеет играть на баяне, гармошке или гитаре.

**Петр Францевич Новак.
1940-е гг.**

Три сестры, урожденные Новак: Антонина Петровна, Елена Петровна и Мария Петровна. Вершина, 2002 г.

Выступление ансамбля «Яжомбэк». Слева направо: Альбина Крыса, Елена Даниленко, Антонина Соя, Ирина Крыса, Елена Фигура, Антонина Виженас. Вершина, 2004 г.

Моя сестра Франчишка уже много лет играет на баяне и поет в русском народном ансамбле в городе Ангарске.

Я пою в польском народном фольклорном ансамбле «Яжомбэк» со дня его основания. В этом же ансамбле в первые годы его существования пела и наша мама. Она была участницей Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, стала его лауреатом и получила медаль. Маме было тогда уже 80 лет. Мы гордимся своей мамой. Она навсегда останется в нашей памяти и в своих песнях. В нашей семье всегда любили и любят петь. Во время семейных праздников играет гармошка, звучат русские, польские и украинские песни.

Об авторе: **Антонина Петровна Соя** родилась в 1935 году в селе Вершина. Окончила Вершининскую семилетнюю школу и в 16 лет пошла работать в колхоз. Работала птичницей, дояркой, заведующей фермой и заведующей клубом в Вершине. В 1991 году вышла на пенсию. Имеет четырех детей и внуков, живет в Вершине. Является активным членом вершининского народного фольклорного ансамбля «Яжомбэк».

ANNOTATION

Antonina P. Soya. The mother.

The author of the reminiscences, the inhabitant of the village Vershina, narrates about her mother which in her childhood came from the Poland in the Siberia together with the parents and lived here for long and not simple time.

О МУЗЕИФИКАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

*Владимир Викторович Тихонов,
кандидат культурологии,
директор Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

В последнее время в связи с формированием культурного пространства в контексте гармоничного развития цивилизации во всем мире остро стоят проблемы сохранения традиционной народной культуры.

С уходящим поколением, являющимся действующим лицом или близким свидетелем исчезающей эпохи, в том числе элементов патриархального ведения хозяйства, мы теряем информацию о колоссальном историческом и культурном пласте, реконструкция которого будущими поколениями без достаточного набора разносторонних материальных и духовных артефактов и зафиксированных свидетельств будет не только неполной, но и, возможно, значительно искаженной, то есть не соответствующей исторической действительности.

Музейная практика последнего столетия выработала оптимальный гарантированный государством вариант, хотя и фрагментарного, но достаточно емкого по содержанию и гармоничного по отношению к современной эпохе, сохранения традиционной народной культуры, коим стал метод этнографических музейных комплексов под открытым небом.

В настоящее время в мире насчитывается более четырех тысяч музеев под открытым небом. Россия в этом плане значительно отстала. В период торжества в СССР коммунистической идеологии ее главными проводниками в народные массы считались музеи краеведческого направления. Этнографические музейные комплексы от этого направления стояли, по большому счету, в стороне, а точнее, путались под ногами. Ведь они свидетельствовали о человеческом гении дореволюционной эпохи, выразившемся в уникальном деревянном зодчестве, о героической истории страны, которая начиналась, конечно, не с 17 года XX века.

С середины 1960-х годов, в первую политическую оттепель, в СССР наблюдался скачок в создании музейных комплексов под открытым небом. Именно скачок: было принято решение о создании в России целой сети — 28 — таких музеев. Сейчас в нашей стране формируется (находится в стадии строительства) и функционирует только 17 этнографических музейных комплексов под открытым небом. Сравнивая эту цифру с мировыми показателями, можно понять, насколько мы отстали в этом направлении.

Не секрет, что государственная идеология и народная культура тесно взаимосвязаны. Именно народная культура, духовной составляющей которой является вера, очень часто становится или базой сплочения нации, или отправной точкой стабилизации в государстве, в том числе лежит в основе большинства межнациональных конфликтов. Не удивительно, что именно в наиболее благополучных странах, где наблюдается самый высокий жизненный уровень, имеются в виду Скандинавские страны, сосредоточена почти треть музейных комплексов под открытым небом мира.

Общественность России в последние годы понимает, что для стабильности в обществе, для гармоничного развития несырьевых направлений в экономике (в частности турбизнеса), для сплочения народа вокруг власти, во всех ее ветвях, для сохранения государства необходимо определить в качестве приоритета в культурной политике экстренную музеефикацию сохранившихся носителей традиционной культуры всех этносов и этнических групп, в особенности их материальных носителей. В этом вопросе препятствием зачастую является не финансовый фактор, а по большей части — отсутствие политической воли, а порой элементарное непонимание своего значения в данном государственном процессе руководителей различного уровня, от которых зависит ускорение или торможение музеефикации катастрофически быстро исчезающих остатков материальной и духовной культуры, созданной нашими предками.

До 1995 года лидером по количеству музейных комплексов под открытым небом в России была Иркутская область. С открытием музея Соттинский («Дружба») в Саха-Якутии эти регионы России по количеству музеев под открытым небом сравнялись. Однако у Иркутской области пока еще есть шанс сохранить приоритет в этом направлении. Продолжается формирование этнографических музейных комплексов «Тальцы» (Иркутск) и «Ангарская деревня» (Братск). Правда, за последние восемь лет они значительно сбавили темп развития. В связи с объединительным процессом Иркутской

области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа есть перспектива ускорения музеефикации традиционной народной культуры бурят Предбайкалья. Предполагается достроить первую очередь этнографического комплекса в поселке Усть-Орда (его строительство периодически ведется с 1990 г.) и перспективный Ёрдынский музейный комплекс под открытым небом в поселке Еланцы. В будущем возможно создание Курсановского (пос. Залари) и Пихтинского музейных комплексов под открытым небом.

Основой развития существующих и создания новых музейных комплексов под открытым небом в нашей области является выполненное сотрудниками Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» историко-культурное зонирование Иркутской области, в котором территориально отражены практически все этносы и этнические группы, имеющие ярко выраженные особенности в материальной и духовной культуре.

На сегодня пока есть сложности, в связи с недостатком объема информационного материала, по музеефикации традиционной народной культуры поляков, проживающих в Предбайкалье. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что основными ярко выраженными особенностями традиционной культуры поляков Предбайкалья в материальных недвижимых носителях являются только культовые памятники — костелы (Иркутск, Вершина). Резко отличительных материальных носителей в домостроении, усадебной инфраструктуре пока не обнаружено.

Процесс миграции поляков в Предбайкалье был наиболее интенсивным в XIX – начале XX века: ссылки, переселение. Ссылные поляки, прибывшие в Предбайкалье в XIX веке, в созданных властью жестких условиях пребывания вынуждены были адаптироваться к жизни в многонациональном обществе, каким тогда было Предбайкалье, растворяясь в большой массе людей и таким образом теряя существенную часть своей национальной культуры. И сейчас, по прошествии значительного времени, встречаются отдельные информационные материалы о польских мастеровых, строивших дома, о ремесленниках, производивших домашнюю мебель, утварь, ткани и т. д. Однако сегодняшнее состояние нашего научного знания в этом вопросе настолько недостаточно, что мы не можем говорить даже о самом малом из известного: является ли это переносом в Сибирь элементов материнской польской культуры или это опыт, приобретенный в Сибири. В музее «Тальцы» есть очень интересный по архитектуре дом буряты из улуса Шутхулун тайши Александрова конца XIX века. Мы доподлинно знаем, что его строил польский ссылный.

Есть деревянный диван начала XX века, и его также делал польский ремесленник. Интересно, что одна из жительниц Иркутска, имеющая польские корни, которая в детстве жила с родителями в городе Зима, тоже помнит такой же диван. При дальнейших исследованиях можно найти и другие примеры. Однозначно, что данная тема не только благодатна в плане научного познания, но и имеет практическое значение — для процесса формирования информационного поля по адаптации польской культуры в условиях Предбайкалья.

Начало XX века в России связано со столыпинской аграрной реформой. Затронула она и часть польских земель, на то время входивших в состав России. Главной задачей этой реформы было переселение малоземельных крестьян из европейской части России на необжитые плодородные земли Сибири. Интересной особенностью реформы в Предбайкалье было компактное расселение крестьян одной национальности, прибывающих из одной или нескольких рядом находившихся местностей, группируя их в одно или несколько рядом расположенных поселений.

Со столыпинской реформой связано и появление села Вершина в Боханском районе Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, когда шахтеры Домбровского угольного бассейна с семьями поехали в Предбайкалье осваивать почти целинные земли. Несмотря на то, что переселенцы были из одной местности, в основном они были незнакомы между собой, так как в Польше проживали в разных поселках. В сложнейших климатических условиях их объединяли в процессе адаптации, проще говоря, выживания, единый язык, единая вера и единая культура.

Значительная удаленность, даже по сибирским масштабам, Вершины от областного центра и промышленных районов области позволила в какой-то мере законсервировать тот пласт реликтов польской культуры, который был привезен с материнской родины. Сохранению культурных традиций родных мест также способствовало нахождение села в окружении бурятских поселков, материальная и духовная культура которых резко отличалась от культуры переселенцев. С этим же связано и практически отсутствие смешанных браков польских переселенцев с коренной народностью этих мест — бурятами.

В процессе приспособления переселенцев к новым жизненным условиям ими использовался опыт выживания местных жителей, как бурят, так и русских старожилов. В частности, это касалось обустройства жилища. За основу была принята та домостроительная традиция, которая сформирова-

лась при освоении Предбайкалья русскими, потом освоенная бурятами. Эту традицию и подхватили польские переселенцы в селе Вершина. Данное обстоятельство объясняется еще и тем, что обычно носителем строительных традиций является крестьянство, а Вершину основали переселенцы-шахтеры.

Однако, несмотря на скудость материала, на практически полное отсутствие резких отличительных особенностей в фундаментальных материальных носителях традиционной культуры поляков Предбайкалья от культуры других населяющих этот регион этносов, перспектива музеефикации традиционной культуры поляков Предбайкалья вполне реальна. Пока она видится в виде двух вариантов.

Первый вариант — это создание музейного комплекса усадьбы (резервата, т. е. на историческом месте) в селе Вершина. Для этого необходима наиболее полно сохранившаяся усадьба польского переселенца, желательна выстроенная в 1910–1915 годы.

Во внутреннем объеме дома должна быть экспозиционно воссоздана типичная обстановка дома польского переселенца первой четверти XX века. В качестве движимых экспонатов можно использовать как реально сохранившиеся предметы того времени, так и в какой-то мере реконструкции (новодел). Пока еще есть шанс собрать эти экспонаты как среди жителей Вершины, так и среди представителей польской диаспоры Предбайкалья.

Наполнение дворовой инфраструктуры движимыми экспонатами тоже не составит большой проблемы. Учитывая, что практически весь крестьянский инвентарь изготавливался самими крестьянами или приобретался здесь, в Предбайкалье, его можно укомплектовать аналогами из других мест области или изготовить по ним в новоделе. Хотя при ведении поисковой деятельности не исключается вероятность обнаружения и мемориальных объектов, принадлежавших непосредственно польским переселенцам. При прагматичном взгляде возможность создания музея-усадьбы польского переселенца начала XX века в селе Вершина не вызывает сомнения.

Методическую помощь в решении этой проблемы вполне может оказать научный коллектив музея «Тальцы». В этом коллектив музея заинтересован и в связи с тем, что он одновременно будет прорабатывать и второй вариант музеефикации традиционной культуры польских переселенцев Предбайкалья — создание транслоцированным методом в переселенческой зоне музейного комплекса «Тальцы» усадьбы польского переселенца начала XX века. Реконструкция в музее «Тальцы» усадьбы польского переселенца начала XX

века является составной частью концепции фрагментарного сохранения традиционной культуры всех этнических групп населения Предбайкалья. Построение интерьерной экспозиции дома будет дублированием первого варианта только по смысловой нагрузке и, естественно, — отличаться по экспонатному содержанию.

Основными потребителями экспозиционного пространства в Вершине будут сами жители села, незначительный поток гостей и туристов, главным образом польской национальности. Это, конечно, связано со значительной удаленностью Вершины от основных коммуникационных и туристически напряженных центров.

Экспозиция же в музее «Тальцы» будет доступной для очень большой и многонациональной массы туристов и станет выполнять функцию главного популяризатора уникального очага традиционной культуры польских переселенцев начала XX века в Предбайкалье.

В принципе в осуществлении задачи музеефикации традиционной культуры польских переселенцев Предбайкалья начала XX века нерешаемых проблем нет. В первую очередь нужна инициативная группа. Немаловажно интенсифицировать и научно-исследовательский процесс в этом направлении. Однозначно, что на сегодняшний момент наших знаний по данному вопросу недостаточно. С получением новых знаний могут появиться и новые, даже неожиданные, варианты решения задачи.

Практическое решение задачи музеефикации адаптированной в Предбайкалье традиционной культуры польских переселенцев, с учетом влияния на нее культур других этносов и этнических групп, проживающих в Предбайкалье, позволит сохранить в культурном пространстве уникальный, хотя и небольшой, очаг мирового культурного наследия, каковым стала на сегодняшний день материальная и духовная культура польских переселенцев Предбайкалья.

ANNOTATION

Vladimir V. Tikhonov. About the museum organization of the traditional culture of the migrated Poles in Pre-Baikal region.

The Director of the Architectural-Ethnographic Museum «Talci» in his article considers the problems of keeping the traditional culture of the migrated Poles in Irkutsk region. The author offers the various modes to solve the problems: from the creation of museum complex-country estate in the village Verzhina up to the organization of the special exposition in the museum «Talci».

«ПОЛЯКИ В ИРКУТСКЕ»

*Ирина Ивановна Терновая,
директор Музея истории
города Иркутска,
г. Иркутск*

С момента создания Музея истории города Иркутска в 1996 году и по сей день его сотрудники работают в рамках проекта «Иркутск — город многонациональный». Цель данного проекта — экспозиционным путем отразить вклад представителей различных национальностей, проживающих в Иркутске, в социально-экономическое и культурное развитие нашего города.

В течение ряда лет сотрудниками музея подготовлены выставки: «Шалом!» (на иврите — «здравствуйте!»), «Сайн Байна!» («здравствуйте» по-бурятски), «Поляки в Иркутске», «Белорусы в Иркутске», «Армяне в Иркутске».

Помимо выставочной деятельности данный проект включает в себя знакомство с традиционной культурой представителей национальных диаспор посредством концертов, театрализованных представлений, встреч, знакомств с национальной кухней, которые также проходят в стенах музея.

Работая над проектом «Иркутск — город многонациональный», сотрудники музея ставят перед собой задачу изучения и популяризации историко-культурного наследия города. Это выражается в работе ежегодной научно-практической конференции школьников «Мой город» — секция «Проблемы изучения и популяризации национальных культур»; в подготовке сборника тезисов этой конференции, в проведении различных конкурсов, праздников и викторин, раскрывающих самобытность национальных культур.

Пожалуй, одной из самых ярких и значимых выставок данного проекта можно назвать выставку «Поляки в Иркутске». С иркутской областной общественной организацией — Польской культурной автономией «Огниво» — у сотруд-

ников музея давние связи. Поэтому когда возникла идея реализовать экспозиционную часть проекта «Иркутск — город многонациональный», мы нашли здесь деятельных партнеров. Была организована рабочая группа, определен план собирательской работы. Параллельно сотрудниками музея велась разработка научной концепции выставки, которая выявила необходимость сбора материалов о деятельности польской общины не только в Иркутске, но и в селе Вершина, где живет много потомков польских переселенцев.

Основные разделы выставки затрагивали моменты образования и деятельности польской диаспоры в Иркутске.

Первые известия о пребывании поляков в Сибири датируются второй половиной XVI века. После завоевания Иваном Грозным Новгорода в Сибирь было сослано более сотни поляков. Поляки участвовали в походах первых казачьих отрядов в Сибирь. И все же большая часть поляков оказалась в Сибири не по своей воле, а будучи сосланными сюда на «вечное поселение». В XVII веке ссылка поляков в Сибирь была тесно связана с ее колонизацией. Как парадокс можно воспринять сведения о том, что некоторые ссыльные поляки входили в состав местных воинских гарнизонов и даже занимали посты в администрациях. Массовая ссылка на каторгу и поселение поляков — участников восстаний (1825, 1830–1831, 1863–1864 гг.) — в Сибирь продолжалась и в веке XIX.

Значительное место в экспозиции занял раздел, отражавший вклад ссыльных поляков в развитие науки и культуры в Восточной Сибири. Известны талантливые исследователи края: зоологи Б. Дыбовский и В. Годлевский, геологи Я. Черский и А. Чекановский, археолог Н. Витковский, художники С. Вронский и Зеньковский, резчик по дереву В. Коперский, композитор А. Каминский и другие.

Большое внимание посетителей выставки привлек раздел, посвященный массовым политическим репрессиям на территории Иркутской области. В сентябре 1989 года в местности «Дача Лунного короля» у села Пивовариха, которая в 1870-х годах принадлежала участнику польского восстания 1863–1864 годов Юлиану Огрызко, было обнаружено массовое захоронение жертв репрессий 1930–1940-х годов. Среди тысяч безвинно погибших были и поляки. В 1938 году резидентами польской разведки были признаны 43 человека. А всего по делу «польской резидентуры» было арестовано 564

человека. На выставке были представлены материалы следственных дел, а также немые свидетели этой трагедии — вещи убитых, обнаруженные в ходе раскопок одного из захоронений.

Не могли обойти вниманием устроители выставки и такую важную проблему, как деятельность католической церкви в Иркутске. Иркутский римско-католический приход, учрежденный в 1820 году, вобрал в себя огромную территорию Иркутской губернии и Якутской области. К 1825 году здесь насчитывалось до 1 400 человек католического вероисповедания. Приход просуществовал вплоть до 1938 года. 7 апреля 1938 года президиум Иркутского облисполкома вынес постановление о расторжении договора с католической общиной верующих. Тогда же был закрыт и костел в Иркутске, построенный еще в 1884 году. В 1970-е годы здание было передано в ведение Иркутской областной филармонии.

В 1990-х годах происходит восстановление церковных католических структур в России. Возрождаются приходы, устанавливаются апостольские администратуры. 18 мая 1999 года официально учреждена Апостольская администратура Восточной Сибири с резиденцией епископа в Иркутске. Тог-

***В экспозиции выставки «Поляки в Иркутске».
Фото Л. Горелика, 2000 г.***

да же возник вопрос о возведении в Иркутске кафедрального собора Непорочного Сердца Божьей Матери.

Выставка «Поляки в Иркутске» открылась 9 сентября 2000 года. Кафедральный собор был торжественно освящен 8 сентября. Фотограф музея Л. Горелик сумел за один день сделать видеоряд, посвященный открытию собора, а художник В. Бешнов — оформить раздел экспозиции.

Не обошли своим вниманием сотрудники музея и так называемые персоналии — материалы, отражающие деятельность известных иркутян польского происхождения. Среди них народный художник России В.С. Рогаль; писательница, общественный деятель Л.И. Тамм; руководитель кружка польского языка при областной библиотеке имени И.И. Молчанова-Сибирского, «душа» клуба «Висла» М.Я. Бушман; представители династии Коперских-Шацких.

Живой отклик посетителей нашли на выставке материалы, посвященные образу жизни «сибирских поляков» — жителей села Вершина: фотографии, костюмы, орудия труда, быта — все, что было собрано сотрудниками музея во время экспедиции в данное село.

Выставка «Поляки в Иркутске» проработала в Музее истории города Иркутска до 7 сентября 2001 года.

ANNOTATION

Irina I. Ternovaya. «The Poles in Irkutsk».

The author narrates in the article about the exposition «The Poles in Irkutsk» held in the Museum of the history of Irkutsk-city. The exposition presented the various materials concerning the moments of formation and activity of the Polish society in Irkutsk, and also the exhibits testifying to the mode of life of the «Siberian Poles» — the inhabitant of the village Vershina.

9–10 сентября 2004 г. Иркутск. Международный научный симпозиум «Полонии в Сибири, в России и в мире: Проблемы изучения».

Симпозиум был организован в рамках VI Дней польской культуры в Иркутске и Иркутской области при содействии администрации Иркутской области, Межрегионального института общественных наук (МИОН) при Иркутском государственном университете (ИГУ), Научной комиссии Конгресса поляков в России, организации «Вспульнота Польская» («Польское сообщество») в Республике Польша, Генерального консульства Республики Польша в Иркутске и Польской культурной автономии «Ognіwo» («Звено») в Иркутске.

Оригинальность данного симпозиума состоит в том, что он впервые в современной отечественной исторической науке посвящен непосредственно рассмотрению и осмыслению обширной тематики истории поляков в Сибири и в целом в России в сугубо полонийном ракурсе. Последнее подразумевает изучение всего массива материалов «сибирско-польской» и, шире, «российско-польской» истории как процесса взаимоотношений и взаимосвязей иноэтничного, инокультурного и иноментального социума с принимающей (окружающей) местной (сибирской и общероссийской) социально-культурной средой. В самой постановке подобного подхода к данной тематике заключается существенная важность для проведения дальнейших ее исследований по преодолению стереотипов, накопившихся в раскрытии и тормозящих ее дальнейшую строго научную разработку данного исторического социокультурного феномена.

Ряд теоретических аспектов названных новых подходов в изучении этой традиционной тематики в полонийном русле были рассмотрены в докладах профессора, руководителя Центра восточных исследований А. Кучиньского («Диалог народов и сибирских культур в литературе польской ссылки XIX в.»), настоятеля римско-католического прихода Успения Богородицы в Иркутске о. И. Павлуся («Пастырский опыт священника в работе с полонией Восточной Сибири и Дальнего Востока»), профессоров-историков Иркутского госуниверситета — В.И. Дятлова («Феномен „новых диаспор“ в современной России»), Б.С. Шостаковича («Типология сибирской полонии в прошлом и в современности: проблемы изучения

/на примере Иркутского региона/»), профессора Алтайского университета Ю.М. Гончарова («Польская семья в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.»).

Новые, актуальные подходы к разработке тематики «сибирско-польской (российской) истории» нашли отражение в докладах специалистов: Л.Д. Бондарь из Санкт-Петербургского университета («И.А. Бодуэн де Куртенэ: судьба польского ученого в царской России»), С.А. Мулиной из Омского аграрного университета («Формирование коллективного этнического имиджа поляков в Сибири после восстания 1863–1864 гг.»), Д.В. Карнаухова из Новосибирского педуниверситета («Исторический миф как фактор стереотипизации взаимного восприятия поляков и русских»), В.Ю. Рабиновича из Иркутского госуниверситета («Поляки в Восточной Сибири в XIX в. как меняющаяся диаспора»), Т.В. Русецкой из Иркутского госуниверситета («Польское общество /клуб/ „Огниво“ в Иркутске в первый период существования /1905–1920 гг./ и после возрождения /1990–2000-е гг./: опыт сравнительной характеристики»), Т.В. Голосовской из Восточно-Сибирской академии культуры, Улан-Удэ («Поляки в среде российского чиновничества Забайкалья во второй половине XIX в.») и ряда других.

Характерной чертой данного симпозиума было равноправное участие в нем, наряду со специалистами-исследователями, активистов-практиков из национально-культурных центров. Некоторые из участников представляли в своем лице одновременно оба указанных направления деятельности: О.В. Рудаков, Товарищество белорусской культуры, Иркутск («Поляк в Сибири — национальность или призвание? Католик для россиян — верующий или польский патриот?»), Е.В. Семенов, Общество польской культуры «Надзезя», Улан-Удэ («К вопросу об истории формирования забайкальской колонии в первой половине XIX в.»), О.Н. Полянская, Бурятский госуниверситет, и Н.Д. Гребенщиков, Общество польской культуры «Надзезя», Улан-Удэ (совместный доклад «Трудовая миграция поляков в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. /на примере Улан-Удэнского ВРЗ/»), В.А. Ханевич, Томский областной краеведческий музей, Томский польский национальный центр «Белый орел» («Полонийный аспект истории города Томска: результаты, перспективы и проблемы современных исследований»), С.В. Леончик, Общество «Полония», Абакан, Хакасия («Полония южной части Красноярского края — прошлое и настоящее»), А.Т. Корольков, Польская культурная автономия «Огниво» и Иркутский госуниверситет («Современная Польша глазами сибиряка»), Е.Ш. Соломон, Еврейский культурный центр, Иркутск («Польша в исторической памяти евреев Восточной Сибири»), В.В. Берберуш, Литовский

культурный центр «Швитурис», Иркутск («Михал Клеофас Огиньский как символ общности польской, литовской и белорусской культур»), Е.А. Ячменев, Иркутский музей декабристов («Органисты римско-католического /„Польского“/ костела в Иркутске /1826–1938 гг./»), А.Г. Миронов, Братский технический университет и Братское отделение Российского общества «Мемориал» («Граждане Польши на спецпоселении в Сибири. 1940–1955 гг.»), представители польских национально-культурных центров: из Красноярска — Н.Е. Лалетина и из Железногорска Красноярского края — В.П. Калужская и Л.П. Дутова.

Особое место в докладах симпозиума занимают материалы, освещающие историю полоний (польских диаспор) в различных регионах мира: А. и Р. Млыники (Музей независимости, Варшава, Польша) — о Кременце — городе польской истории и культуры в Украине; О.Л. Подборская (региональное объединение сибирско-польских творческих связей «Сибирь», Красноярск) — о современной колонии Аляски; М.Л. Рыбалко (Сибирский институт права, экономики и управления, Иркутск) — о миграции поляков из Сибири в Новую Зеландию. Тем самым исследователи региональных аспектов полонийной проблематики получают возможность расширить свои представления о всемирной полонийной среде, а в дальнейшем эти работы могут служить основой сравнительного анализа по соответствующей тематике.

В работе симпозиума была представлена и традиционная проблематика, затрагивающая теорию и практику преподавания польского языка в российских полониях: А.В. Гузеева (Томский педуниверситет, Томский польский национальный центр «Белый орел») — «Об основных направлениях изучения опыта польской школы в России», Л.Г. Потапова (Иркутский лингвистический университет, Польская культурная автономия «Огниво», Иркутск) — «Изучение польского языка полонией Иркутска в 1990-е – начале 2000-х гг. Первичный анализ накопленных результатов».

Практически все доклады и сообщения вызвали большую заинтересованность аудитории, завершаясь многочисленными вопросами докладчикам, неоднократно разраставшимися в научные дискуссии. Участниками симпозиума были единодушно приняты рекомендации: о публикации его материалов; о периодическом проведении подобных научных встреч раз в два–три года в различных центрах современного научно-культурного полонийного движения в Российской Федерации, а возможно, и в Республике Польша.

Сопредседатели оргкомитета симпозиума — проф. ИГУ Б.С. Шостакович, научный директор МИОН при ИГУ, проф. Г.Н. Новиков

Tomczyk Kazimierz. Dzieje wsi Czubrowice (История деревни Чубровице). — Kraków: Drukarnia Kolejowa Kraków Sp. z. o.o., 2002. — 200 s.

Книга польского исследователя представляет собой образец так называемой локальной истории, в центре которой — жизнь небольшого поселения и судьбы ее жителей. Автор прослеживает историю родной деревни Чубровице с момента ее основания в конце XIII века до наших дней. Один из разделов книги непосредственно касается истории сибирского села Вершина, поскольку в нем рассказывается о нескольких семьях, уехавших в 1910–1911 годах из Чубровиц в Сибирь и ставших первыми жителями Вершины.

Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii (Вершина вблизи и издали: Образы польской деревни в Сибири) / pod redakcją Ewy Nowickiej i Małgorzaty Głowackiej-Grajper. — Kraków: Zakład Wydawniczy «NOMOS», 2003. — 260 s.

Цель этой книги — дать многомерное изображение одного села через восприятие разных людей, судьбы которых тесно связаны с Вершиной. В книге представлены тексты, авторами которых являются уроженка села Людмила Фигура, учительница Марианна Добровольская, проработавшая несколько лет в Вершининской школе, журналист и путешественник Ян Павел Трык, а также составители и редакторы книги, антропологи Эва Новицкая и Малгожата Гловацкая-Грайпер. Последним принадлежат и две первые главы книги, в которых раскрываются вопросы специфики антропологического исследования такого объекта, как село Вершина.

Łabienec Anna. Powtórka z Syberii (Повторение из Сибири) / copyright 2003 by Anna Łabienec. Canadian Cataloguing in Publication Data. — Sooni Projects, 2003. — 216 s.

Канадская журналистка польского происхождения Анна Лабенец рассказывает в этой книге о своей поездке в Восточную Сибирь весной 2002 года. Среди героев ее очерков мы видим католических священников, монахинь, прихожан иркутских и ангарского приходов, представителей сибирской польской диаспоры. Отдельная часть книги посвящена впечатлениям от пребывания в селе Вершина. Автор подробно рассказывает о населяющих его людях и о современной жизни села в целом.

БЛЮДА ПОЛЬСКОЙ КУХНИ В ВЕРШИНЕ

«ФЛЯЧКИ» ПО-ПОЛЬСКИ

Флячки (говяжьи рубцы), посыпав солью, тщательно оскоблить ножом, отрезать потемневшие кончики. Промыв рубцы несколько раз в холодной воде, залить их кипятком и варить 15 минут, после чего воду слить. Снова залить рубцы кипятком и варить четыре часа. В выкипающий бульон доливать кипятком. Сваренные флячки должны быть мягкими. Готовые рубцы нарезать тонкой лапшой и погрузить в отвар.

В кастрюле потушить в небольшом количестве воды, добавив столовую ложку масла, нарезанные соломкой овощи (2 морковки, 2 петрушки, половинку средней величины сельдерея) и две большие нарезанные кружочками головки лука-порей. Когда вода выкипит, а овощи станут мягкими, добавить их в рубцы. Теперь надо приготовить светлую заправку из 50 г масла, 40 г муки и мелко нарезанного лука. Сначала в масле потушить лук, а когда он подрумянится, добавить муку. Заправку тщательно размешать, чтобы не было комков, добавить бульона, в котором варились рубцы, а затем вылить в кастрюлю с рубцами.

Приправа: четверть чайной ложки молотого имбиря, немного тертого мускатного ореха, молотого черного душистого перца по вкусу, чайную ложку сладкого красного перца, лавровый лист, 2–3 чайных ложки молотого майорана. Посолить рубцы и продолжать варку на слабом огне в течение 20 минут. Готовые флячки должны напоминать густой суп. К флячкам можно подать фрикадельки, отваренный картофель.

КЛЕЦКИ КАРТОФЕЛЬНЫЕ

Килограмм вареного теплого картофеля пропустить через мясорубку. В остывшую картофельную массу разбить одно яйцо, добавить 350–400 г муки и по вкусу соли. Все перемешать, выложить на посыпанную мукой доску и месить до образования гладкого теста. Тесто разделить на три–четыре части, скатать валики толщиной в палец и порезать наискосок на кусочки шириной в три сантиметра. Варить в большом количестве кипящей подсоленной воды.

Готовые клецки вынуть шумовкой, выложить на блюдо и полить горячим сливочным маслом или растопленным салом со шкварками. На сале можно поджарить мелко нарезанный лук.

«БЫНЦ» («КАРТОШКА С ГОРОХОМ»)

В кастрюле сварить до полуготовности горох, добавить в него очищенный картофель и варить до полной готовности. Затем воду слить, но не всю. Отдельно сварить квашеную капусту, процедить, добавить в горохово-картофельную массу. Все тщательно перемешать и истолочь. Если масса получается очень густой, добавить воду, оставшуюся от варки картофеля и гороха. Пережарить сало с луком, и полученные шкварки добавить в кашу.

«ПЫЗЫ»

Картофель очистить, натереть на терке, отжать картофельную массу через марлю. Картофельный сок отстоять, воду слить, а крахмал добавить в приготавливаемое тесто. В картофельную массу добавить немного соли, горсть муки и полученный крахмал. Хорошо вымесить тесто, слепить из него шарики величиной с куриный желток и сделать в них пальцем углубления. Затем шарики опустить в кастрюлю с кипящей подсоленной водой. Все время нужно осторожно помешивать, пока шарики не всплывут. Еще немного поварить, вынуть шарики из кипятка и промыть их холодной водой. Полить сверху шкварками или сливочным маслом с обжаренным луком.

ВАРЕНИКИ С ТВОРОГОМ

Тесто для вареников. Из 500 г муки, щепотки соли, двух яиц и небольшого количества теплой воды (подливать постепенно) замесить на доске тесто так, чтобы оно стало мягким, совершенно гладким и перестало прилипать к рукам. Тесто разделить на пять частей, прикрыть, чтобы не высыхало, и каждую часть поочередно тонко раскатать. Из теста стаканом или рюмкой вырезать кружки, на каждый кружок положить чайную ложку с верхом творога, после чего кружок сложить пополам и крепко залепить края, чтобы во время варки вареники не расклеились.

Творог для вареников. 500 г отжато́го жирного творога тщательно растереть с двумя яйцами и умеренно посахарить, можно добавить ванилин.

Во время варки вареники разбухают, поэтому не следует класть их в кастрюлю слишком много. Как только вареники сварятся, вынуть их шумовкой, обильно полить сливочным маслом. Отдельно можно подать сметану.

«ПОЛЫВКА»

В кастрюлю налить литр простокваши, довести до кипения, добавить щепотку соли. Перемешать в чашке 200 г свежей

сметаны и 3 столовые ложки муки так, чтобы не было комочков, влить в кипящую простоквашу и, помешивая, варить 5–10 минут.

В другую кастрюлю положить 2 кг очищенного картофеля и отварить. Истолочь в пюре, посолить по вкусу. Картофельное пюре разложить в тарелки, полить готовой массой поливки.

«ЗУР»

В трехлитровую банку налить 1,5 литра теплой воды, насыпать муки, желательно ржаной, и хорошо перемешать, чтобы не было комков. Добавить измельченного чеснока, чуть-чуть дрожжей и поставить в теплое место. Через 3–4 дня зур будет готов. Готовый кислый зур добавляют понемногу в суп.

«КЛУСКИ» НА ПАРУ

Взять 100 г маргарина, 2½ стакана муки, 3 желтка, 1 целое яйцо, 8 ложек сахара, 50 г дрожжей, стакан молока, немножко соли. Маргарин растопить, замесить тесто, дать ему подняться. Когда тесто будет готово, брать небольшие кусочки, сделать шарики, начинить их густым повидлом или мармеладом. Готовить в пароварке. Готовые клуски полить маслом и посыпать сахаром.

«КАРПАТКА»

Вскипятить стакан молока, развести в нем полпачки маргарина, всыпать стакан муки, остудить, добавить 6 яиц и взбить. Тесто разделить на две части, сделать две лепешки и печь их в духовке 5 минут, не заглядывая в нее. Лепешки должны находиться в духовке, пока не подсохнут.

Крем для карпатки. Вскипятить стакан молока, отдельно развести в половине стакана молока три столовые ложки муки и ложку крахмала, полученную смесь влить в кипящее молоко. Вновь довести до кипения, после чего остудить. 400 г (2 пачки) маргарина или 200 г масла и 200 г маргарина растереть в чашке с 2 яйцами и половиной стакана сахара. Затем взбить, добавляя холодную сваренную массу. Полученный крем выложить между лепешками.

Приятного аппетита!

Рецептами поделились: Франчишка Степановна Конечная, Сабина Павловна Поспех, Антонина Петровна Соя, Елена Станиславовна Стемплевская, Мария Петровна Стемплевская, Галина Степановна Янашек.

Записала Л.В. Вижентас.

